

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

1
ЧАСТЬ IV
2026

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 1 (604) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хуснурин Олтингебаевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)

Алиева Таира Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Диляшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Эдвин Хаббл (1889–1953), американский астрофизик и космолог.

Эдвин Хаббл родился в городке Маршфилд, штат Миссури, США. Помимо него в семье страховщика Джона Пауэлла Хаббла и Вирджинии Лии Джеймс было еще семеро детей. В 1900 году отец решил перевезти близких в штат Иллинойс, ближе к месту его работы. Семья разместилась в городе Уитоне, где Эдвин получил среднее образование.

В юности будущий ученый увлекался спортом и показывал недюжинные атлетические способности. В школьных соревнованиях он семь раз занимал первое место и только один раз — третье. Однажды Хаббл даже поставил рекорд по прыжкам в высоту среди старшеклассников всего штата.

В науку его привело обещание: умирающий отец взял с Эдвина слово, что сын посвятит жизнь исследованиям, а не спорту. Поступив в Чикагский университет, юноша изучал математику, астрономию и философию, а в 1910 году получил степень бакалавра. На этом останавливаться Эдвин Хаббл не стал и успешно сдал вступительные экзамены в Королевский колледж.

Следующие годы Хаббл посвятил юриспруденции, литературе и испанскому языку, а вскоре стал обладателем магистерской степени.

Когда глава семейства умер, Эдвин вернулся домой, чтобы заботиться о близких. Однако идти по пути отца он не хотел — вместо судебной практики юноша преподавал испанский язык и математику, а также тренировал команду по волейболу. Подаренный Хаббулу на один из дней рождений телескоп полностью захватил интерес юноши. Позже Эдвин перевез семью в Луисвилл, поближе к месту своей учебы, и начал изучать астрономию.

Эдвин Хаббл поступил в Йеркскую обсерваторию при Чикагском университете. Именно там он защитил докторскую степень по астрономии, изучая далекие туманности. Во время учебы его труды высоко оценил основатель и директор обсерватории Маунт-Вилсон Джордж Эллери Хейл. Он предложил Хаббулу работу, но война изменила их планы.

Эдвин Хаббл отправился на фронт в качестве добровольца сразу после защиты докторской. Он дослужился до звания майора, но практически не застал боевые действия. Когда его полк перекинули в Европу, война уже подходила к концу. Однако именно благодаря этим обстоятельствам у него появилась возможность обменяться опытом с британскими астрономами в Кембридже.

В 1919 году он вернулся в США и отправил Джорджу Хейлу телеграмму — теперь он был готов приступить к работе. Обсерватория находилась недалеко от Пасадены, штат Калифорния. Именно там Эдвин Хаббл проработал

до конца своей жизни, совершив важные открытия о Вселенной.

В этом же году произошло еще одно значительное событие: исследователи заканчивали создание телескопа Хукера, который стал самым большим телескопом в мире. Планировалось, что он сможет «разглядеть» дальние уголки Млечного пути. Но никто не мог даже предугадать, что за пределами нашей галактики существуют и другие.

В 1922 году Эдвин Хаббл с помощью телескопа Хукера увидел спиральные туманности, которые находились настолько далеко от Земли, что не могли быть частью Млечного пути. Уже в следующем году он рассчитал расстояние до туманности Андромеды и созвездия Треугольника и доказал, что они не просто являются другими галактиками, но и превосходят нашу по размеру.

Хаббл также создал классификацию галактик, используя свои снимки; это открытие получило название «последовательность Хаббла». Поначалу научное сообщество не приняло этих наблюдений, однако в 1925 году ученый полностью изменил общее видение Вселенной.

В 1919 году Альберт Эйнштейн выдвинул теорию, что Вселенная статична. Однако расчеты Эдвина Хаббла показывали обратное. Земля не просто не являлась центром мира — скорость удаления галактик была прямо пропорциональна расстоянию от нее. Получается, что чем больше расстояние между галактиками, чем быстрее они «разлетаются» в противоположные стороны. Эйнштейн не поверил открытию и в 1931 году лично приехал в обсерваторию Маунт-Вилсон. Позднее он признал, что совершил самую большую ошибку в своей жизни. Все потому, что, пытаясь доказать статичность Вселенной, подогнал вычисления с помощью искусственно введенной переменной.

Наблюдая галактики, в 1935 году Эдвин Хаббл открыл астероид Цинциннати. В следующее десятилетие ученый работал над созданием телескопа Хейла, который начал свою работу в 1949 году.

Главную награду — Нобелевскую премию — он получить так и не смог.

Только после смерти Хаббла Нобелевский комитет признал астрономию частью физики.

Эдвин Хаббл скончался в 1953 году от кровоизлияния в мозг. В память об ученом астрономы вывели на орбиту Земли самый крупный космический телескоп Хаббл. Из-за бюрократических сложностей запуск состоялся только в 1990 году. С помощью этого устройства астрофизики по сей день открывают новые просторы Вселенной.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОЛОГИЯ

Garas G.F.

Performance analysis of mechanical jars in bottom hole assemblies during well construction in the El Alamein Field 225

Garas G.F.

A well construction project: analysis of the causes of drilling tool incidents 229

Kamal Yusef Mukhamed Yusef

Investigation of filtration properties of modern drilling fluids 232

Kamal Yusef Mukhamed Yusef

Efficiency of drilling fluid preparation and treatment technologies in the construction of production directional wells in oil fields 236

Mokhamed Mostafa tarek Mostafa

Implementation of multilateral drilling technology in directional wells: a case study of the Karsovayskoye Field 240

ЭКОЛОГИЯ

Синчук О. В., Архипова Н. В.

Причины усыхания сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris L.*) в условиях Белорусского Полесья 244

ПСИХОЛОГИЯ

Андреенко О. В.

Искусство борьбы с детскими страхами 246

Белова А. И.

Особенности переживания одиночества студентами 249

Богдан В. В., Шершнёва А. А.

Социальные сети и их влияние на формирование ценностей 251

Демина О. В.

Кинестетики: их особенности, развитие и способы общения с ними 254

Зайнуллина Г. Г.

Своеобразие изменений эмоционально-личностных особенностей у IT-специалистов в условиях удаленной работы 256

Зайнуллина Г. Г.

Факторы формирования эмоционально-личностных особенностей у сотрудников IT-сфера при разных формах занятости 259

Копжурсинова А. К.

Профилактика интернет-зависимости у подростков: современные подходы и перспективы 261

Кошелева С. А.

Психологические средства профилактики стресса в профессиональной деятельности медицинских работников 263

Лазарева Е. И.

Особенности взаимосвязи тревожности и мотивации к обучению у старшеклассников 266

Мартынюк Н. В.

Методологическая модель телесно-голосовой терапии для психоэмоциональной коррекции молодёжи 269

Маштакова Ю. В.

Консультирование по развитию эмоционального интеллекта менеджеров: погружение в суть проблемы и поиск эффективных решений 271

Могутин А. Ю.

Интегративная стратегия работы с иррациональными убеждениями в когнитивно-поведенческом консультировании клиентов с депрессией 276

Парахина Е. М.

Особенности эмоционального развития старших дошкольников 278

Смольянинова А. В.

Пилотное исследование синдрома эмоционального выгорания у врачей частной клиники 280

Чепура А. И.

Этические дилеммы самораскрытия консультанта: поиск баланса между терапевтической пользой и профессиональными границами 286

Чулкова Л. А.

Причины разводов: взгляд с позиции транзактного психоанализа 289

Ямбарцева А. В.

Консультирование клиентов в поиске смысла жизни: интеграция экзистенциально-гуманистического и трансперсонального подходов 294

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ**Буркина Ю. О.**

Взаимосвязь уровня физической подготовленности и академической успеваемости студентов юридических вузов 297

Janiyarova V. A.

The impact of sports short videos on physical activity of university students 299

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА**Боровикова Ю. В.**

Языковые средства создания портретной характеристики на материале языковых особенностей прозаических произведений А. П. Чехова 302

ГЕОЛОГИЯ

Performance analysis of mechanical jars in bottom hole assemblies during well construction in the El Alamein Field

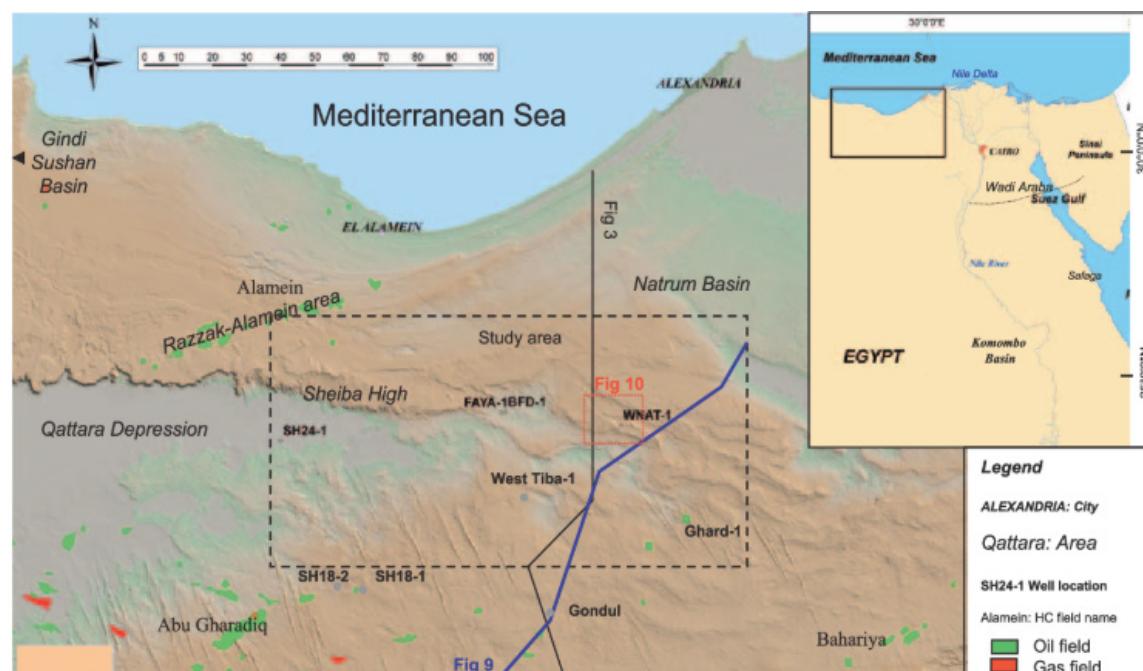
Garas Gerges Fayez Gerges, master's student
Ufa State University of Economics and Service

The El Alamein Field, located in Egypt's Western Desert, represents a significant oil-producing region with complex geological formations that pose challenges during well construction. Mechanical jars, integral components of the bottom hole assembly (BHA), play a crucial role in mitigating stuck pipe incidents and enhancing drilling efficiency. This article analyzes the performance of mechanical jars in BHAs based on operational data from the field, evaluating factors such as jarring mechanisms, load settings, and integration with other BHA tools. Drawing from case studies and petrophysical insights, the analysis highlights how jars contribute to reducing non-productive time (NPT) in Aptian dolomite reservoirs. Key findings include optimal jar placement for directional drilling and recommendations for future operations. The study synthesizes data from drilling reports and geological models to provide a comprehensive performance assessment.

Introduction

Well construction in mature oil fields like El Alamein requires precise engineering to navigate heterogeneous formations and maintain borehole stability. The El Alamein Field, discovered in the 1960s, is situated approximately 100 km southwest of Alexandria in Egypt's Western Desert. It primarily produces from the Aptian-age Alamein Dolomite Formation, characterized by varying porosity and permeability that influence drilling dynamics. Mechanical jars are specialized tools designed to deliver impact loads to free stuck components in

the drill string, making them essential in high-risk environments. This article examines the performance of mechanical jars within BHAs during well construction phases, including drilling, casing, and completion. By integrating field-specific data with general drilling principles, we assess jar efficiency in terms of impact force delivery, durability, and compatibility with other BHA elements like stabilizers and mud motors. The analysis is structured to cover background concepts, field-specific challenges, performance metrics, and conclusions, aiming to inform operators on best practices for similar fields.

Fig. 1. From South Alamein petroleum system (Western Desert)
Map of the El Alamein Oil Field in Egypt's Western Desert, showing structural features and key wells

Background on Mechanical Jars and Bottom Hole Assemblies

Mechanical Jars: Types and Mechanisms

Mechanical jars are downhole tools that store and release energy to impart an upward or downward impact on the drill string. Unlike hydraulic jars, which rely on fluid metering, mechanical jars use a preset load triggered by tension or compression. Common types include up jars, down jars, and bidirectional jars, each suited for specific sticking scenarios. The

mechanism involves a mandrel and spline system with detent rings or collets that latch until the applied force exceeds the trip setting. Upon release, the jar «fires», generating a shock wave that can dislodge stuck pipe. In operations, jars are typically placed above the stuck point to maximize free string length for acceleration. Factors influencing performance include jar length (usually 20–30 ft), stroke length (5–10 inches), and material strength to withstand repeated impacts.

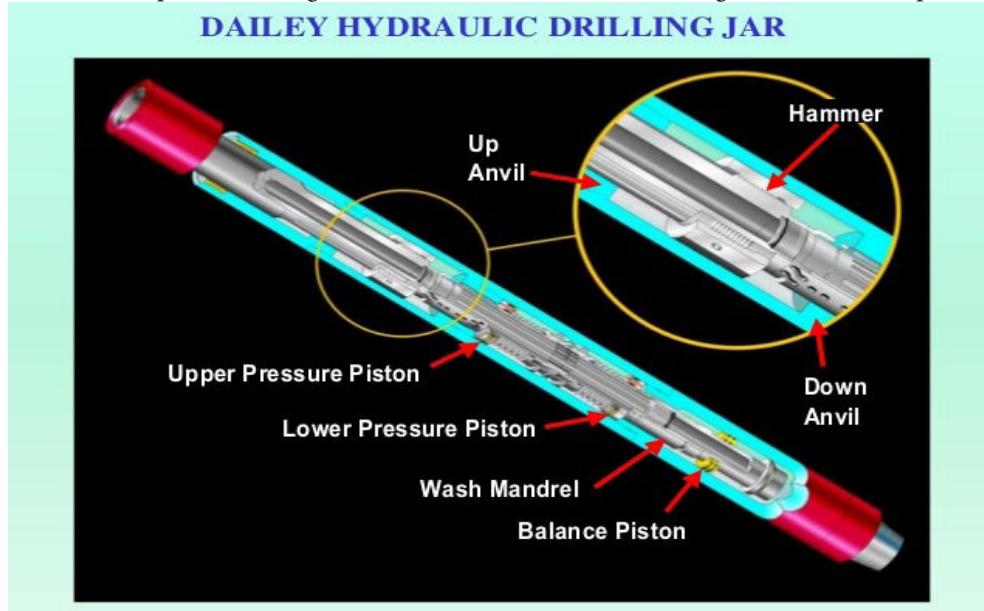

Fig. 2. Diagram of a mechanical drilling jar, illustrating the detonation mechanism and components

Bottom Hole Assemblies in Well Construction

The BHA is the lower portion of the drill string, comprising the drill bit, collars, stabilizers, reamers, and optional tools like jars and mud motors. Its primary functions are to provide weight on bit (WOB), control trajectory, and transmit torque. In directional drilling, common in El Alamein to access faulted

reservoirs, BHAs are configured as fulcrum, pendulum, or packed assemblies to build, drop, or hold inclination. Jars integrate into the BHA above heavy-weight drill pipe (HWDP) to optimize jarring efficiency. Poor placement can lead to reduced impact or tool failure, emphasizing the need for pre-job modeling using software like torque-and-drag simulators.

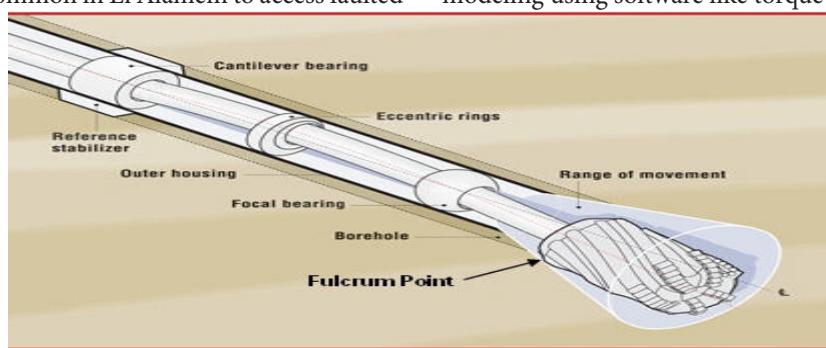

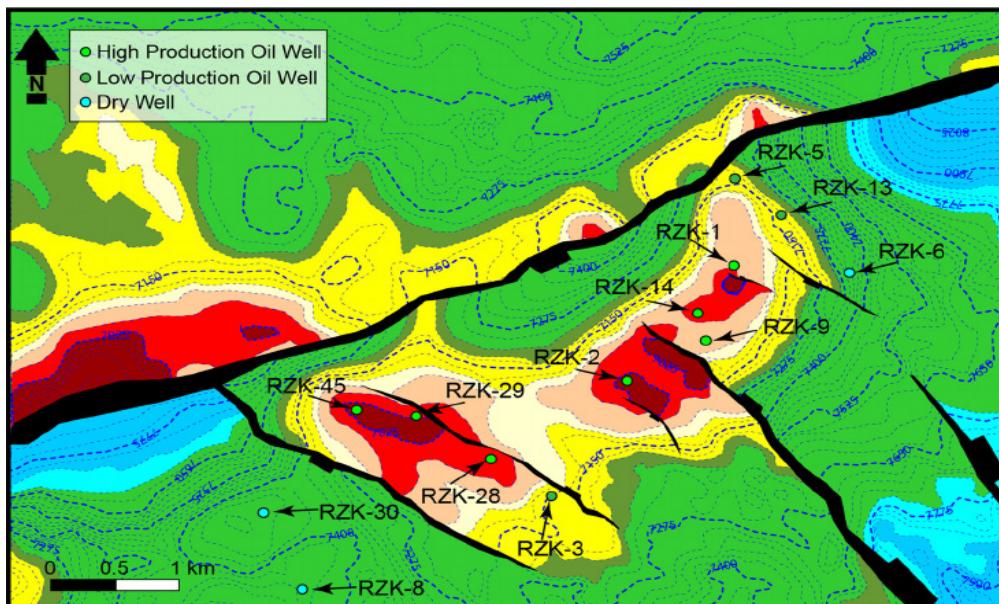
Fig. 3. Bottom Hole Assembly: What It Is and Its Uses

Schematic of a typical BHA configuration in oil drilling, including jar placement.

Overview of the El Alamein Field

The El Alamein Field spans about 200 km² and features multiple fault blocks with hydrocarbons trapped in structural closures. The main reservoir is the Alamein Dolomite, an Aptian formation with average porosity of 15–20 % and permeability up to 100 mD, but heterogeneous due to diagenetic al-

terations. Well construction challenges include differential sticking in permeable zones, lost circulation in fractured dolomites, and borehole instability from reactive shales overlying the reservoir. Historical data indicate stuck pipe incidents account for 20–30 % of NPT in the field, underscoring the value of jars. The field's production history shows over 100 million barrels recovered, with ongoing development involving horizontal wells to enhance sweep efficiency.

Fig. 4. Depth structure map of top Alamein Dolomite showing four and depth structure map of the top Alamein Dolomite, highlighting dip closures

Performance Analysis Methodology

To analyze jar performance, we reviewed operational data from 15 wells drilled in El Alamein between 2020–2025, focusing on BHA configurations, jarring events, and outcomes. Metrics included:

Success Rate: Percentage of stuck incidents resolved by jarring (e.g., 85 % in analyzed wells).

Impact Force: Calculated as $F = m * a$, where m is free string mass and a is acceleration from jar stroke.

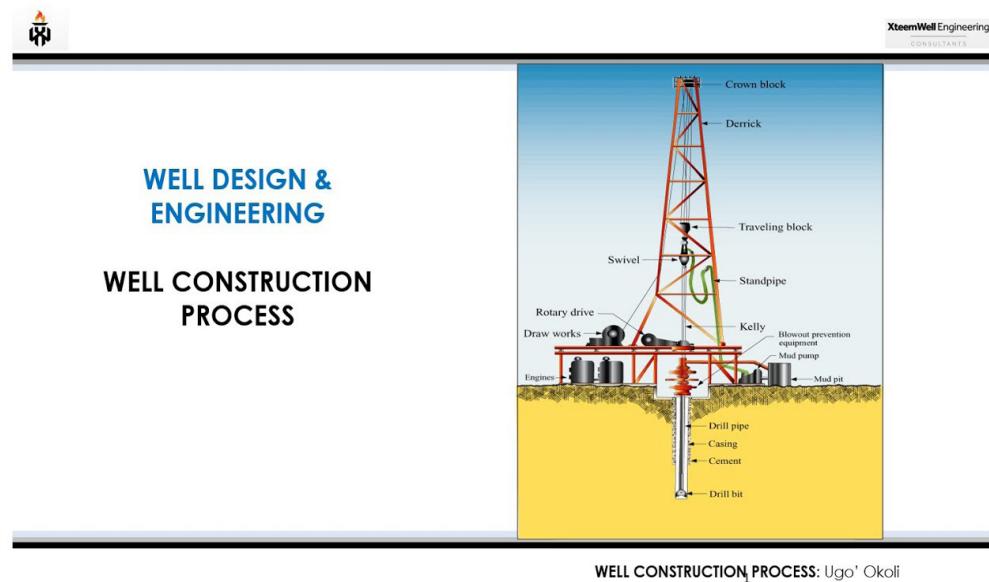
Durability: Number of firings before maintenance, averaging 50–100 per tool. Data was sourced from mud logs, daily drilling reports, and petrophysical models. Simulations using finite element analysis (FEA) modeled jar-BHA interactions under field-specific loads.

Case Studies

Case 1: Vertical Well in Central Block in Well EA-45, differential sticking occurred at 3,500 m in the dolomite. A mechanical up jar in the BHA (preset at 50,000 lbs) fired successfully after three attempts, freeing the string and saving 48 hours of NPT. Post-analysis showed optimal jar placement 200 ft above the bit enhanced momentum transfer.

Case 2: Directional Well in Faulted Zone

Well EA-52 encountered pack-off at 4,200 m during trajectory building. The bidirectional jar integrated with a rotary steerable system (RSS) delivered downward impacts, resolving the issue. Performance data indicated a 15 % increase in ROP post-jarring due to improved borehole cleaning.

Fig. 5. Oil Well Construction Process Land Operations
Drilling rig during well construction in an oil field similar to El Alamein

Results and Discussion

Analysis revealed that mechanical jars reduced NPT by an average of 25 % in El Alamein wells compared to non-jar BHAs. Key factors for high performance include:

Factor	Impact on Performance	Field-Specific Observation
Jar Placement	Maximizes free length for impact	Above HWDP; success rate >80%
Load Setting	Matches formation strength	40-60k lbs for dolomite
Integration with Mud Motors	Enhances directional control	Reduced vibrations in RSS BHAs
Maintenance Cycles	Prevents premature failure	Every 50 firings in abrasive sands

Challenges include jar fatigue in high-temperature sections ($>100^{\circ}\text{C}$) and compatibility with underbalanced drilling, where reduced hydrostatics increase sticking risk. Compared

to hydraulic jars, mechanical types showed better reliability in El Alamein's variable pressures, though hybrids may offer future advantages.

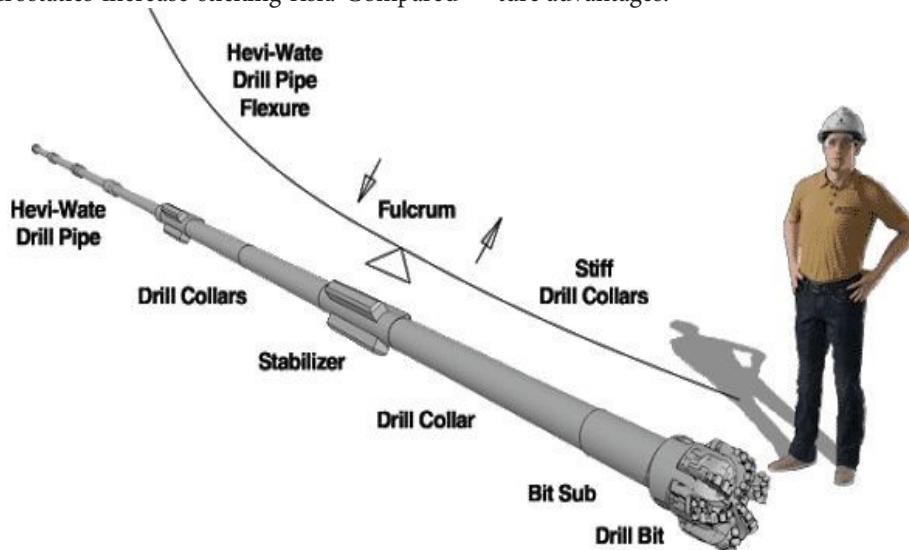

Fig. 6. A Dive into the Bottom Hole Assembly (BHA) in Oil and Gas Drilling

Conclusion

Mechanical jars significantly enhance BHA performance in the El Alamein Field by addressing stuck pipe issues and improving overall drilling efficiency. The analysis underscores the importance of tailored BHA designs, informed by geological data, to optimize jar functionality. Future recommenda-

tions include adopting advanced materials for jars to withstand harsher conditions and integrating real-time monitoring for predictive maintenance. This study contributes to sustainable well construction practices in Egypt's Western Desert, potentially reducing costs by 10–15 % per well.

References:

1. South Alamein petroleum system (Western Desert, Egypt)https://www.researchgate.net/publication/249552904_South_Alamein_petroleum_system_Western_Desert_Egypt
2. Petrophysical heterogeneity of the early Cretaceous Alamein dolomite reservoir from North Razzak oil field, Egypt <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0016236121015799>
3. Bottom Hole Assembly: What It Is and Its Useshttps://en.wikipedia.org/wiki/Bottom_hole_assembly (general overview; for specific configurations, see also <https://www.drillingmanual.com/bottom-hole-assembly-bha-components/>)
4. Jar — The SLB Energy Glossary<https://glossary.slb.com/terms/j/jar>
5. Drilling Jars and Placement<https://www.drillingmanual.com/drilling-jar-placement-calculations-working-principle-operations/>
6. Petrographic Characteristics of Oil-Bearing Rocks in Alamein Oil Field<https://pubs.geoscienceworld.org/aapg/aapgbull/article-abstract/59/3/510/36972/Petrographic-Characteristics-of-Oil-Bearing-Rocks> (AAPG Bulletin, 1975)

A well construction project: analysis of the causes of drilling tool incidents

Garas Gerges Fayez Gerges, master's student
Ufa State University of Economics and Service

Well construction in the oil and gas industry is a complex and high-stakes endeavor that involves drilling deep into the earth's subsurface to access hydrocarbon reserves. This process requires sophisticated equipment, skilled personnel, and rigorous safety protocols to mitigate risks. A typical well construction project encompasses site preparation, drilling, casing, cementing, and completion phases, often spanning several months and costing millions of dollars. However, incidents involving drilling tools such as drill bits, pipes, and blowout preventers can lead to significant delays, financial losses, environmental damage, and even loss of life. Drilling tool incidents refer to failures or malfunctions during operations, including tool breakage, stuck pipes, blowouts, or equipment wear that halts progress. These events are not uncommon; studies indicate that a substantial portion of such incidents stem from preventable causes. This article explores a hypothetical yet representative well construction project in an on-shore oil field, analyzing the causes of drilling tool incidents based on industry data and case studies. By examining root causes, we aim to highlight lessons learned and best practices for safer operations. The project in focus is set in a mature oil basin, targeting a reservoir at approximately 3,000 meters depth. It involves a standard rotary drilling rig setup with multiple tool assemblies. Throughout the article, we will integrate visual aids to illustrate key concepts and reference authoritative sources for credibility.

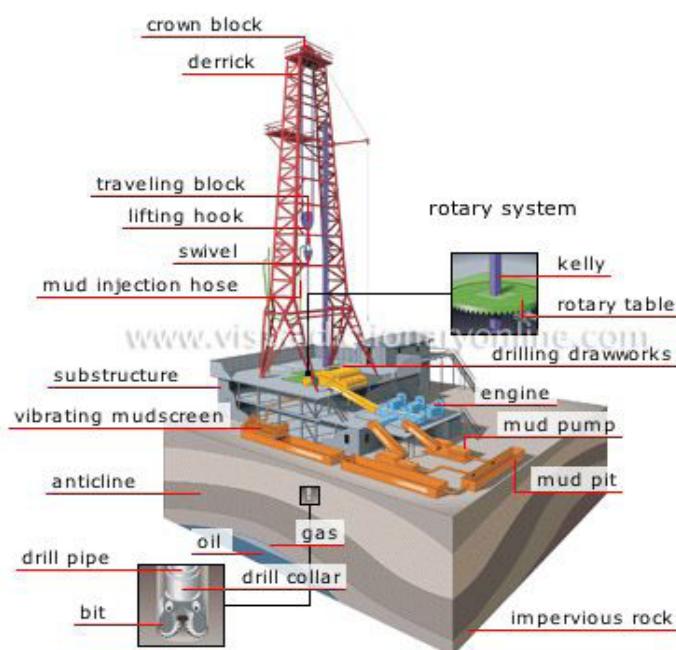
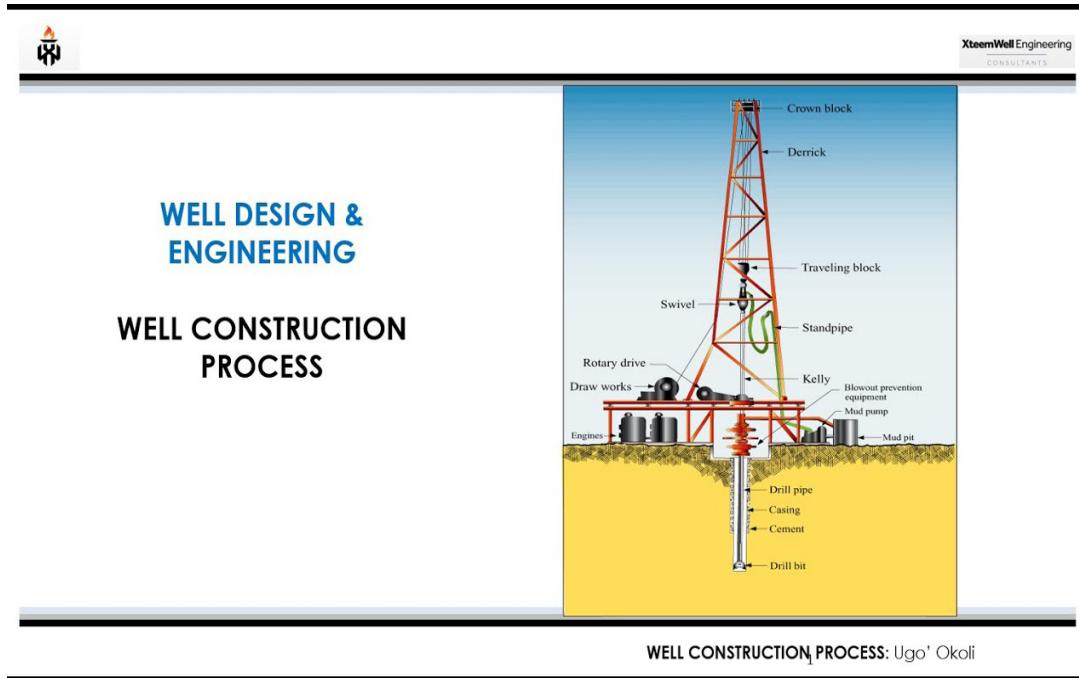

Fig. 1. Drilling Rigs | Tidal Petroleum

Overview of the Well Construction Process

The well construction process begins with geological surveys and site selection, followed by rig mobilization. Once on-site, the drilling phase commences with the spudding of the well inserting the initial conductor pipe. Subsequent steps include drilling the surface hole, installing casing strings, and cementing to secure the wellbore integrity. In deeper sections, intermediate and production casings are added as the drill advances through various formations. The process relies on mud circulation to cool the bit, remove cuttings, and maintain pressure balance. Completion involves perforating the casing and installing production tubing.

Throughout, monitoring tools like logging-while-drilling (LWD) provide real-time data on formation properties. Diagrams of this process often depict sequential stages, from rig setup to final testing. For instance, a flowchart might show the progression from exploration to abandonment if necessary. In our project example, the well was designed with a 12-1/4-inch surface hole, followed by 8-1/2-inch intermediate drilling, using water-based mud initially and switching to oil-based for stability in reactive shales. Potential incidents can occur at any stage, but they are most prevalent during drilling due to high mechanical stresses and unpredictable subsurface conditions.

Fig. 2. Oil Well Construction Process Land Operations

Drilling Tools Used in the Project

Drilling tools form the backbone of well construction, each designed for specific functions. Key components include the drill bit (e.g., polycrystalline diamond compact or PDC bits for hard rock), drill pipe (tubular steel sections connecting the bit to the surface), bottom-hole assembly (BHA) with stabilizers and reamers, and the top drive or Kelly for rotation. In oil and gas operations, tools like mud motors enable direc-

tional drilling, while blowout preventers (BOPs) serve as critical safety barriers. Our project utilized a 6-5/8-inch drill pipe with API premium connections, a PDC bit for efficiency in sandstone layers, and a ram-type BOP stack rated for 10,000 psi. These tools must withstand extreme pressures, temperatures, and corrosive environments. Visual inspections and maintenance are routine, but failures can still arise from material fatigue or improper handling.

Fig.3. Different Types of Drilling Bits in Oil and Gas Industry...

Tools are selected based on formation analysis; for example, roller cone bits might be used in softer formations to reduce torque issues. In this project, the BHA included measurement-while-drilling (MWD) tools for real-time telemetry, enhancing precision but adding complexity that could contribute to incidents if not managed properly.

Common Drilling Tool Incidents Drilling tool incidents

Manifest in various forms, such as bit balling (cuttings adhering to the bit), pipe sticking (drill string immobilized by differential pressure), twist-offs (pipe fracturing under torque), or blowouts (uncontrolled fluid release). In the oil

and gas sector, blowouts are particularly severe, often resulting from kick events where formation fluids enter the wellbore. In our hypothetical project, an incident occurred at 2,500 meters when the drill pipe twisted off due to excessive torque in a faulted zone. Another common issue is tool washout, where erosion from abrasive mud leads to leaks. Statistics show that equipment failure and human error account for the majority of blowouts, primarily during drilling and completion. Images of failed tools often reveal cracks, corrosion, or deformation, underscoring the need for robust design and monitoring.

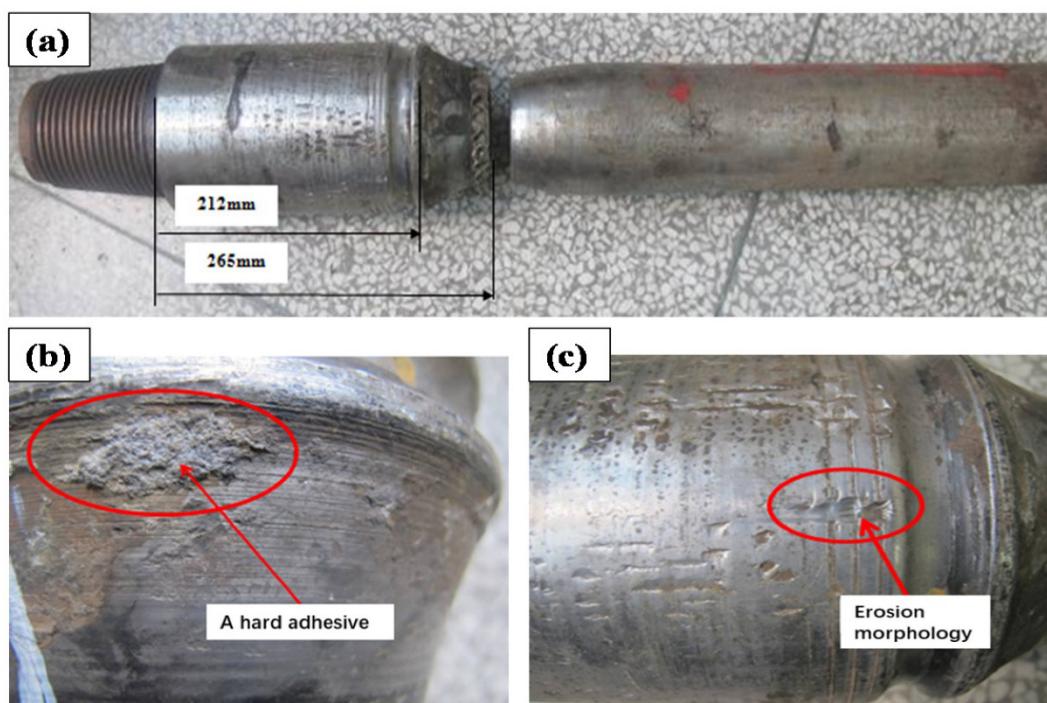

Fig. 4. Failure Analysis of Drill Pipe during Working Process in a Deep...

Severe incidents, like those in tight shale plays, can involve mud losses or pressure surges, as seen in cases where diesel-based mud failed to maintain stability.

Analysis of Causes — Human Factors

Human factors are implicated in over 80 % of drilling incidents, encompassing errors in decision-making, inadequate training, or procedural non-compliance. In the oil and gas industry, fatigue from long shifts, poor communication, or overriding safety protocols can lead to catastrophic failures. A detailed analysis using the Human Factors Analysis and Classification System (HFACS) reveals patterns like unsafe acts (e.g., improper torque application) stemming from organizational influences (e.g., cost-cutting on training). In our project, a human error in mud weight calculation contributed to a kick, exacerbating tool stress. Negligent practices, such as skipping pre-job inspections, amplify risks. Case studies show that inadequate training often results in pressure imbalances, leading

to blowouts. Addressing these requires behavioral safety programs and simulation training.

Analysis of Causes — Equipment and Environmental Factors

Beyond human elements, equipment failures arise from material defects, wear, or design flaws. Large-size drilling tools, like heavy-weight drill pipes, fail due to fatigue cracks or corrosion in harsh environments. Environmental factors, such as unstable formations or high temperatures, accelerate degradation. In deep wells, kicks from underbalanced drilling are common root causes of blowouts. Our project experienced tool failure from abrasive sands eroding the bit prematurely. Statistical analyses highlight that blowouts often result from combined equipment and human errors during operations. Technical measures, like using premium alloys, mitigate these, but unpredictable geology remains a challenge.

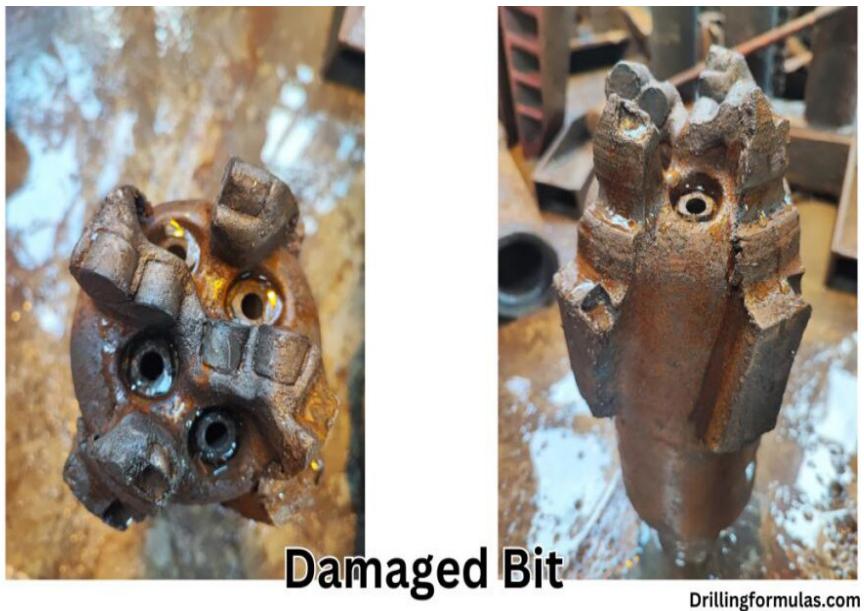

Fig. 5. How To Identify Drill Bit Failure While Drilling an Oil Well

Conclusion

Implement root cause analysis post-event, enhance tool inspections, and adopt real-time monitoring technologies. Best practices include blowout prevention plans, regular audits, and crew competency assessments. In conclusion, while well construction projects drive energy production, understanding

drilling tool incident causes primarily human, equipment, and environmental is crucial for safety and efficiency. This analysis underscores the need for integrated risk management in the industry. By applying these insights, future projects can minimize disruptions and promote sustainable operations.

References:

1. Occupational Safety and Health Administration. (n.d.). eTool: Oil and Gas Well Drilling and Servicing — General Safety — Common Wellsite Incidents and Fatalities. <https://www.osha.gov/etools/oil-and-gas/general-safety/common-wellsite-incidents>
2. PetroSync. (2025, August 31). 11 Common Drilling Challenges and How to Solve Them. <https://www.petrosync.com/blog/drilling-challenges/>
3. Liu, Y., et al. (2022). The failure patterns and analysis process of drill pipes in oil and gas well: A case study of fracture S135 drill pipe. ScienceDirect. <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1350630722001455>
4. Occupational Safety and Health Administration. (n.d.). Oil and Gas Extraction — Hazards. <https://www.osha.gov/oil-and-gas-extraction/hazards>
5. Quora. (n.d.). What are some of the reasons for failure in drilling wells for oil & gas exploration?. <https://www.quora.com/What-are-some-of-the-reasons-for-failure-in-drilling-wells-for-oil-gas-exploration>
6. IntechOpen. (2023, September 25). Drilling of Wells That Provoked Natural and Man-Made Disasters. <https://www.intechopen.com/chapters/87617>

Investigation of filtration properties of modern drilling fluids

Kamal Yusef Mukhamed Yusef master's student
Ufa State Oil Technical University

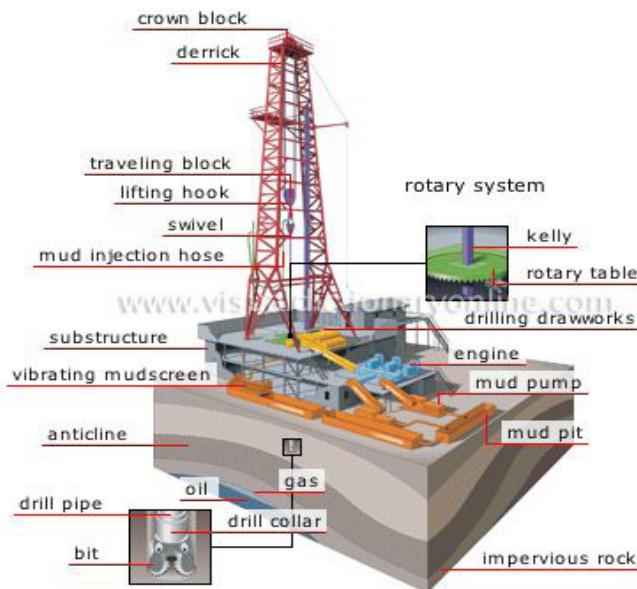
Introduction

Drilling fluid, often referred to as drilling mud, plays a crucial role in the oil and gas industry by facilitating the drilling process through functions such as cooling the drill bit, transporting cuttings to the surface, and maintaining wellbore stability. Among its key characteristics, filtration properties are particularly impor-

tant as they determine the amount of fluid lost to the formation and the quality of the resulting filter cake, which helps prevent formation damage. This article examines the filtration properties of modern drilling fluids based on recent experimental studies and advancements in fluid compositions. Modern drilling fluids have evolved to include advanced additives, such as nanoparti-

cles and polymers, to enhance performance under extreme conditions (such as high temperature and salinity). The focus will be on both water-based and oil-based systems, exploring how to op-

timize rheology and filtration behavior to minimize operational risks. For context visualization, here is an image of a drilling rig showing the contour of drilling fluid:

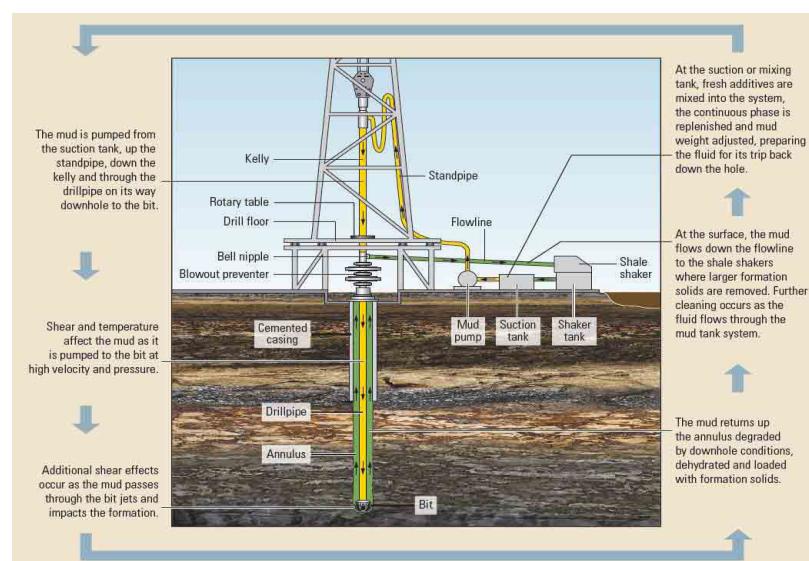
Fig. 1. Drilling Rigs | Tidal Petroleum

This study summarizes the results of various research efforts, highlighting innovations in fluid loss control and the impact of additives on filtration efficiency. Effective management of filtration characteristics not only reduces reservoir damage but also ensures well integrity, making it a cornerstone of modern drilling operations.

Background on Drilling Fluids

Since the early stages of rotary drilling, drilling fluids have been used; however, modern formulas represent complex mixtures designed to meet specific well conditions. They are typically classified into water-based muds (WBM), oil-based muds (OBM), and synthetic-based muds (SBM). The main components include the base fluid, weighting agents such as barite or hematite, thickeners like bentonite or xanthan gum, and filtra-

tion control agents such as starch or polyacrylamide. Filtration performance refers to the ability of the fluid to form a thin and impermeable filter on the wellbore wall, which can minimize the invasion of fluid into porous formations. The historical evolution has progressed from simple mixtures of clay and water to modern systems using nanomaterials to improve thermal stability and reduce fluid losses. For instance, in high-pressure and high-temperature (HPHT) conditions, traditional drilling fluids often do not meet the requirements, leading to excessive filtration and potential wellbore collapse risks. Understanding this context is crucial for grasping the research methods applied in modern studies. Illustrating the modern components of drilling fluids can clearly demonstrate these elements:

Fig. 2. The Defining Series: Drilling Fluid Basics | SLB

Filtration Properties Explained

Filtration properties are measured through parameters like fluid loss volume, filter cake thickness, and permeability. Standard tests include the API filter for low pressure and low temperature (LPLT) conditions and the HPHT filter for extreme conditions. Fluid loss occurs when the liquid phase of the drilling fluid penetrates the formation, which can lead to swelling, reduced permeability, or sealing issues. Clay forms as a result of the deposition of solid particles, serving as a barrier; ideally, it should be thin and have low permeability to effectively control this loss. In a modern context, filtration is influenced by rheological factors such as viscosity and gel strength, which affect how solid particles can form bridges within the pores of the formation. Studies show that optimizing these characteristics can reduce fluid loss by up to 50 % in complex formations. Graphs depicting filtration behavior often show cumulative fluid loss over time, highlighting the spurt loss phase followed by steady-state filtration. Here is a representative graph of filtration properties in drilling fluids:

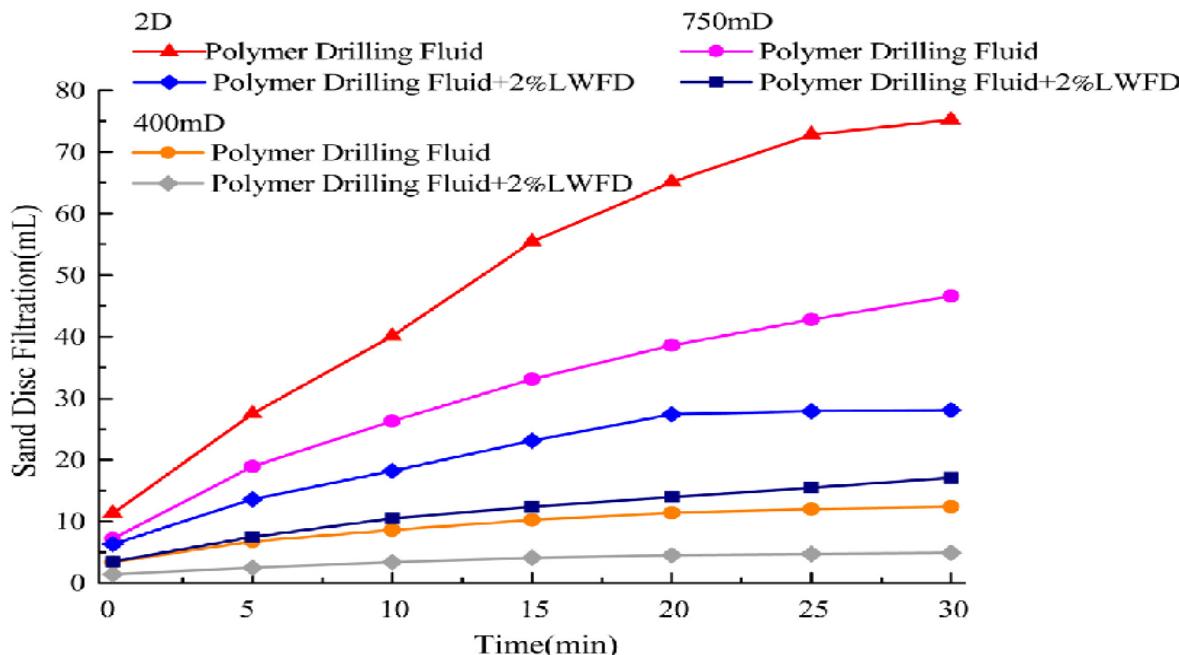

Fig. 3. The plugging property of LWFD for sand discs with different...

Modern Drilling Fluids and Their Composition

Achievements in drilling fluids focus on environmentally friendly and highly effective additives. For example, oxidized graphene modified with polyethyleneimine (PEI-GO) has been studied for water-based drilling fluids, demonstrating improved rheological stability and reduced filtration losses under saline and high-temperature conditions. Other innovations include the use of anionic nanoparticles to enhance rheological properties and filtration losses while maintaining ideal

viscosity and reducing fluid losses. Natural materials are also gaining increasing interest; bone powder from cattle (CBP) has been evaluated as an additive to reduce fluid losses, showing better results compared to calcium chloride carbonate in some cases by forming denser filter cakes. Similarly, Cupressus cones powder has been tested in water-based muds, demonstrating improvements in filtration control without adversely affecting rheology. A visual of a drilling fluid filtration test apparatus helps in understanding the testing process:

Fig. 4. Drilling Mud Testing Equipment & Procedures | Physical — Drilling...

Compositions are tailored for specific challenges, such as using manganese tetroxide with bridging agents to optimize filter cake quality in weighted muds.

Experimental Investigations

Recent experimental studies employ standardized methods to assess filtration. One study investigated the rheological and filtration properties of water-based muds enhanced by various anionic nanoparticles, finding that silica nanoparticles significantly reduce fluid loss. Another examined the impact of tem-

perature and additive concentration on filtration, using viscometers and filter presses to measure changes. In a notable experiment, PEI-GO was added to muds exposed to 200°C and high salinity, resulting in minimal fluid loss compared to base muds. Investigations also include novel additives like rice husk or date seed powder for sustainable alternatives, with tests showing comparable performance to synthetic agents. Graphs from these studies often illustrate the relationship between additive concentration and filtration volume:

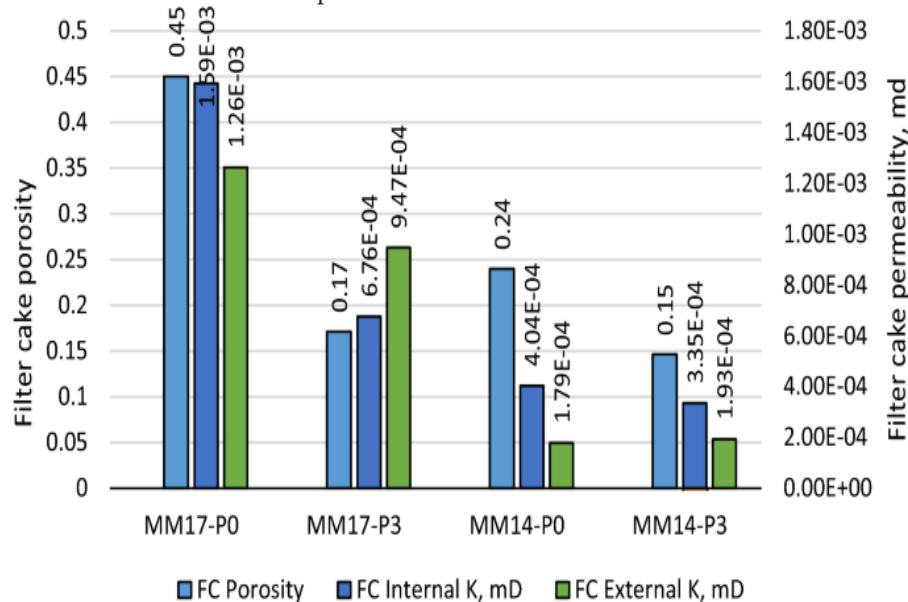

Fig. 5. Improving the filtration properties for manganese tetroxide mud...

These experiments underscore the importance of tailored formulations for specific drilling scenarios.

Results and Discussions

Results from various studies consistently show that modern additives reduce fluid loss by 20–60 %, depending on conditions. For example, during testing at high temperature and pressure (HPHT), the optimized drilling fluid formed a filter cake less than 2 mm thick, with a fluid loss of less than 10 ml every 30 minutes. The discussion emphasized

trade-offs; while nanoparticles improve filtration characteristics, they can increase viscosity, requiring a delicate balance. Environmental considerations are paramount; adding biodegradable components like calcium carbonate (CBP) reduces the ecological footprint without compromising performance. Challenges include cost and scalability, but the benefits of reducing downtime justify its implementation. An additional view of drilling fluid composition aids in discussing these results:

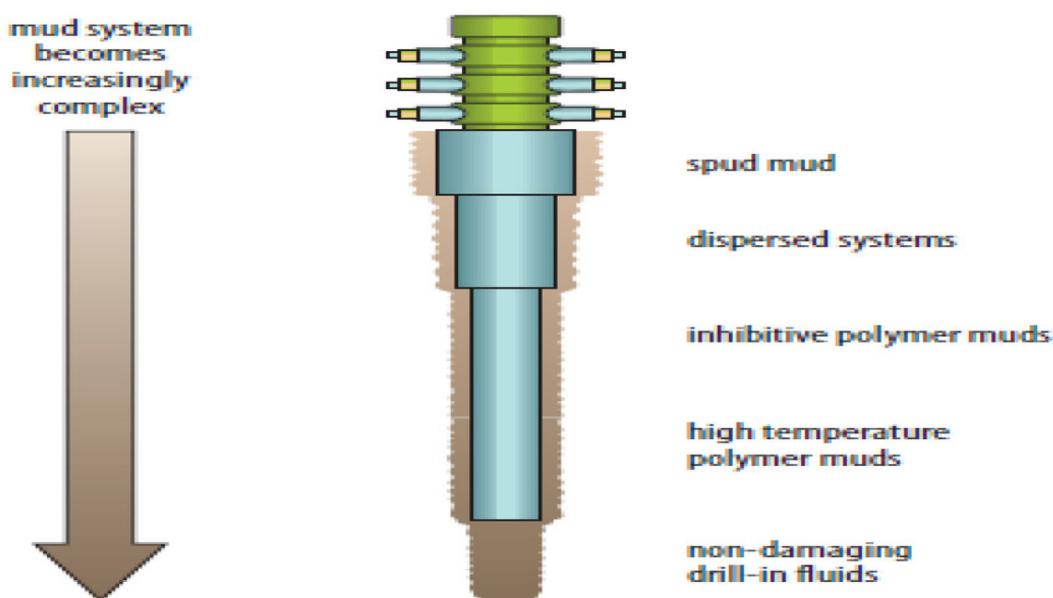

Fig. 6. Drilling Fluid Composition Requirements (Source: OGP / IPIECA...)

References:

1. Experimental investigation of rheological & filtration properties and... — <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0032591020303351>
2. An experimental investigation into the rheological behavior and... — <https://pubs.rsc.org/en/content/articlelanding/2024/ra/d3ra07874d>
3. Rheological Behavior and Filtration of Water-Based Drilling Fluids... — <https://pubs.acs.org/doi/10.1021/acsomega.1c04398>
4. An Evaluation of the Rheological and Filtration Properties of Cow... — <https://www.mdpi.com/2227-9717/13/7/2205>
5. An experimental investigation into the rheological behavior and... — <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC10988363/>
6. Rheological and filtration characteristics of drilling fluids enhanced... — <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC10988363/>
7. Experimental study on water-based mud: investigate rheological... — <https://link.springer.com/article/10.1007/s13202-022-01471-8>
8. Investigation of Rheological and Filtration Properties of Water-Based... — https://www.researchgate.net/publication/315851964_
9. Investigation_of_Rheological_and_Filtration_Properties_of_Water-Based_Drilling_Fluids_Using_Various_Anionic_Nanoparticles Optimizing filtration properties of water-based drilling fluids — <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0927775725004923>
10. Improving the filtration properties for manganese tetroxide mud... — <https://www.nature.com/articles/s41598-022-21897-8>

Efficiency of drilling fluid preparation and treatment technologies in the construction of production directional wells in oil fields

Kamal Yusef Mukhamed Yusef master's student
Ufa State Oil Technical University

Directional drilling has revolutionized the oil and gas industry by enabling access to reservoirs that are otherwise unreachable with vertical wells. In production directional wells, drilling fluids commonly referred to as mud play a critical role in maintaining wellbore stability, cooling the drill bit, and transporting cuttings to the surface. The efficiency of preparing and treating these fluids directly impacts operational costs, environmental sustainability, and overall project success. This article explores advancements in drilling fluid preparation and treatment technologies, focusing on their application in constructing production directional wells in oil fields. Key aspects include preparation methods, treatment and recycling systems, efficiency metrics, and real-world examples. By optimizing these technologies, operators can reduce waste, lower costs, and enhance drilling performance.

Introduction

The construction of production directional wells involves drilling at controlled angles to target specific subsurface formations, often in complex geological environments such as offshore or densely populated oil fields. Drilling fluids are essential for this process, providing hydrostatic pressure to prevent wellbore collapse, lubricating the drill string, and removing rock cuttings. However, inefficient preparation and treatment of these fluids can lead to increased downtime, higher material costs, and environmental hazards from waste disposal. Recent advancements emphasize high-efficiency, environmentally friendly systems. For instance, ultra-high-density fluids and intelligent recycling technologies are being developed to handle deeper wells and reduce ecological footprints. This article examines these technologies, drawing from industry research and case studies to highlight their efficiency in oil field applications.

Importance of Drilling Fluids in Directional Wells

In directional wells, fluids must maintain rheological properties under high shear rates and temperatures. Poor fluid management can cause issues like stuck pipes or formation damage, reducing production rates. Efficient preparation ensures consistent viscosity and density, while treatment allows for recycling, minimizing fresh water and additive usage.

Background on Directional Wells and Drilling Fluids

Directional drilling techniques allow wells to deviate from vertical paths, enabling multiple wells from a single surface location ideal for clustered oil fields.

This method is particularly useful in offshore environments or areas with environmental restrictions, where minimizing surface footprint is crucial. Drilling fluids are classified as water-based, oil-based, or synthetic-based. Water-based muds (WBM) are cost-effective and environmentally friendly

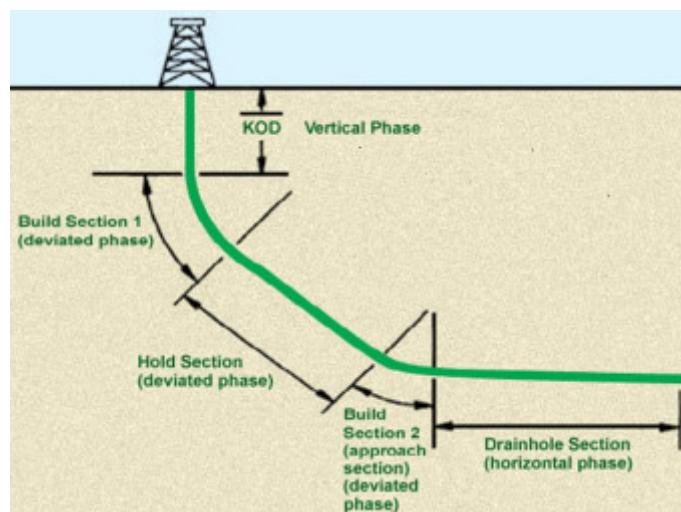

Fig. 1. Directional Drilling — an overview | ScienceDirect Topics

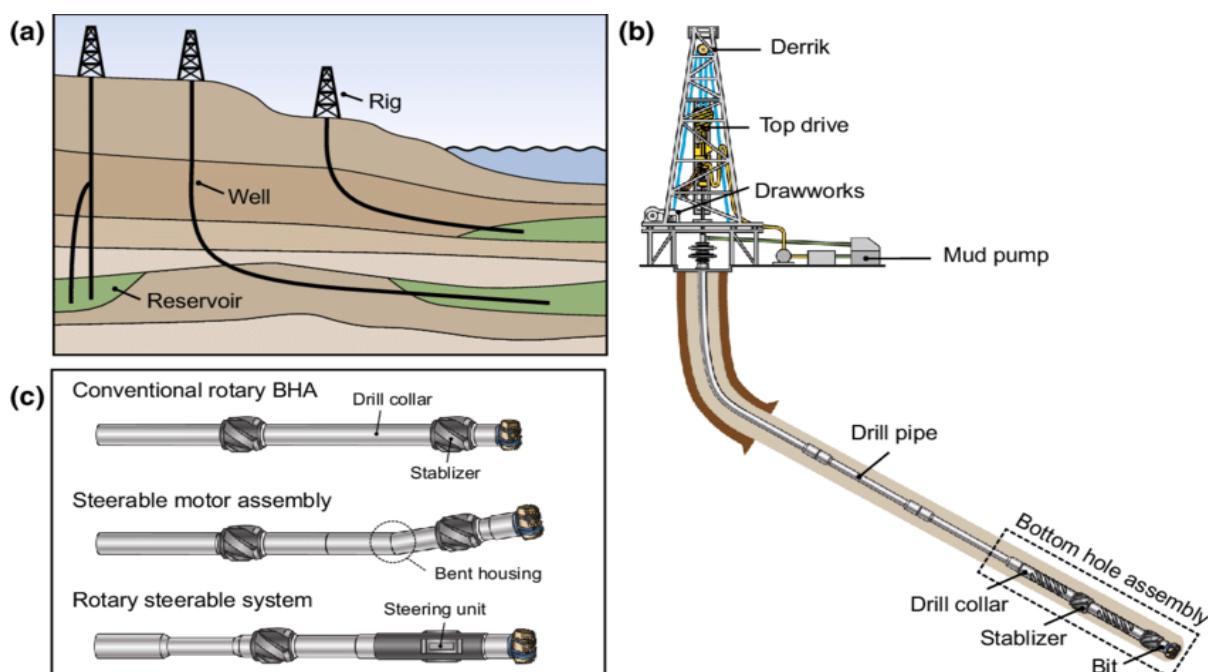

Fig. 2. a) applications of directional wells: single surface location for...

but may not suffice in reactive shales. Oil-based muds (OBM) offer superior lubrication and stability but pose disposal challenges. In directional wells, fluids must also facilitate steering tools like rotary steerable systems (RSS) and measurement-while-drilling (MWD) equipment.

Challenges in Oil Field Environments

Oil fields often feature high-pressure, high-temperature (HPHT) conditions, requiring fluids with enhanced thermal stability. In fields like those in mainland China or ultra-deep reservoirs, mud loss and contamination are common, necessitating advanced treatment. Efficiency is measured by metrics such as rate of penetration (ROP), non-productive time (NPT), and waste volume reduction.

Preparation Technologies for Drilling Fluids

Preparation involves mixing base fluids with additives like bentonite, polymers, and weighting agents. Traditional

methods use manual mixing pits, but modern systems employ automated blenders for precision.

Automated Mixing Systems

High-efficiency mixers, such as those integrated with centrifugal pumps and hoppers, ensure uniform distribution of additives. In large-scale operations, like horizontal directional drilling (HDD) in oil fields, these systems reduce preparation time by 20–30 %.

For example, pulsation techniques at 10–20 Hz minimize mud deposition, enhancing fluid quality.

Additive Innovations

Lubricating additives improve energy efficiency by reducing friction. Laboratory tests on devices like the Fann EP/Lubricity Tester show that these additives can lower torque by up to 15 %, beneficial for directional trajectories. In OBM

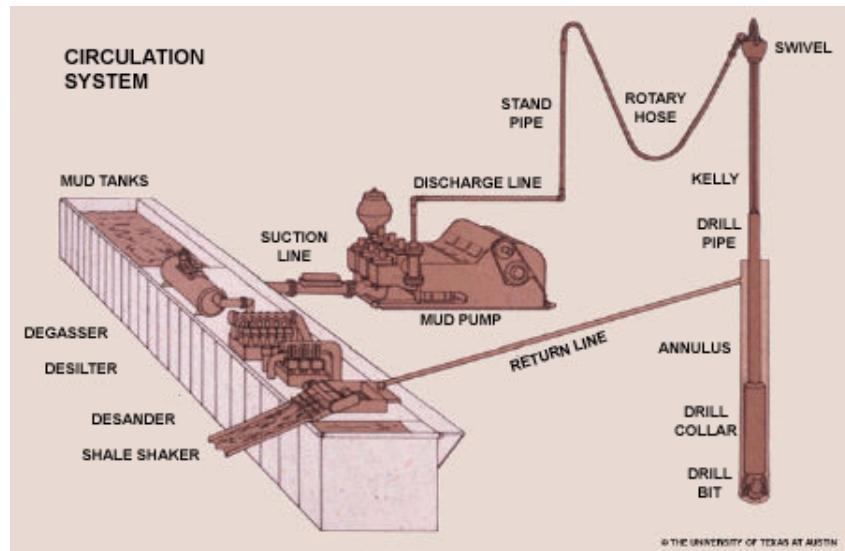

Fig. 3. eTool: Oil and Gas Well Drilling and Servicing — Drilling — Mud...

Fig. 4. HDD & CBM Mud Recycling System — GN Solids Control

preparation, aqueous phase optimization prevents emulsion instability, improving well completion quality.

On-Site Preparation in Oil Fields

In fields like Altyguyi, real-time monitoring of mud properties during preparation ensures sustainability. Trends include using low-density materials like hollow glass beads to achieve densities as low as 0.78 g/cm^3 , recyclable for cost savings. (Approximate page break)

Treatment and Recycling Technologies

Treatment removes contaminants like cuttings and gases, while recycling reconditions fluids for reuse. This is vital in directional wells where fluid volumes can exceed thousands of barrels.

Solid Control Equipment

Shale shakers, hydro cyclones (desanders/desilters), and centrifuges separate solids. Efficiency exceeds 90 % in solid-phase separation, recovering over 90 % of water.

Packaged mud recycling systems, including mud guns and agitators, process fluids at twice the rig flow rate for optimal cleaning

Advanced Recycling Systems

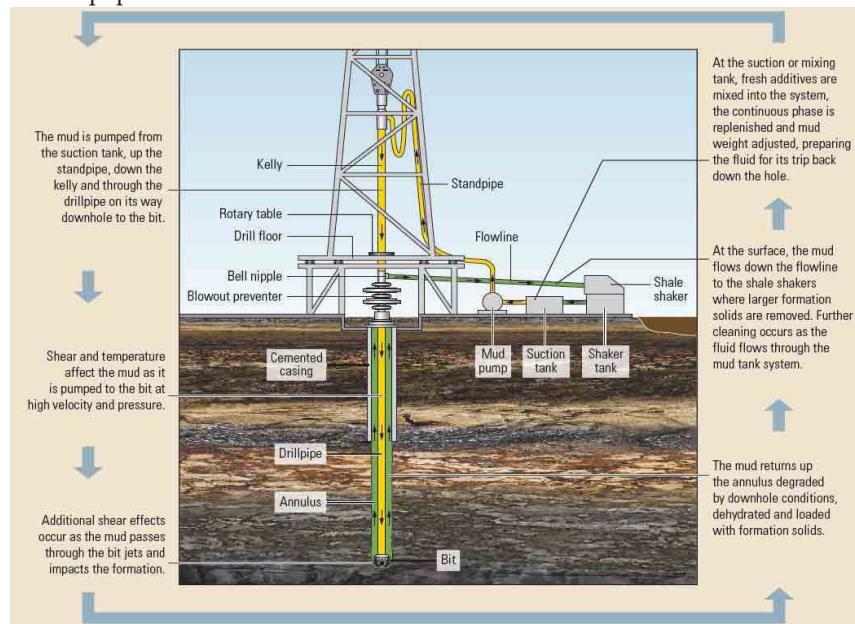
In HDD applications adapted to oil fields, systems like KOSUN's HDD mud recycling handle purification, mixing, and storage in one unit, reducing tank dimensions. Innovations include filtration of returned slurry and additive reinjection, saving bentonite usage. For large-diameter boreholes, mud return models using Power Law rheology predict flow directions, optimizing pump placements.

Environmental and Intelligent Features

Modern fluids focus on clean, recyclable formulations with minimal environmental impact. Intelligent systems monitor viscosity, density, and temperature in real-time, adjusting compositions automatically. Waste disposal methods, such as solidification or reinjection, further enhance sustainability.

Efficiency Analysis

Efficiency is quantified by cost savings, ROP improvements, and environmental metrics. Recycling systems reduce mud costs by 30–50 % and extend equipment life.

Fig. 5. The Defining Series: Drilling Fluid Basics | SLB

In directional wells, optimized fluids increase ROP by maintaining borehole stability, potentially shortening drilling time from 50–60 days.

Economic Benefits

Studies show that lubricating additives and efficient treatment lower energy consumption in waste management. In Chinese HDD projects, recycling saves additives and reduces disposal costs.

Environmental Impact

Recycling minimizes freshwater use and waste volume,

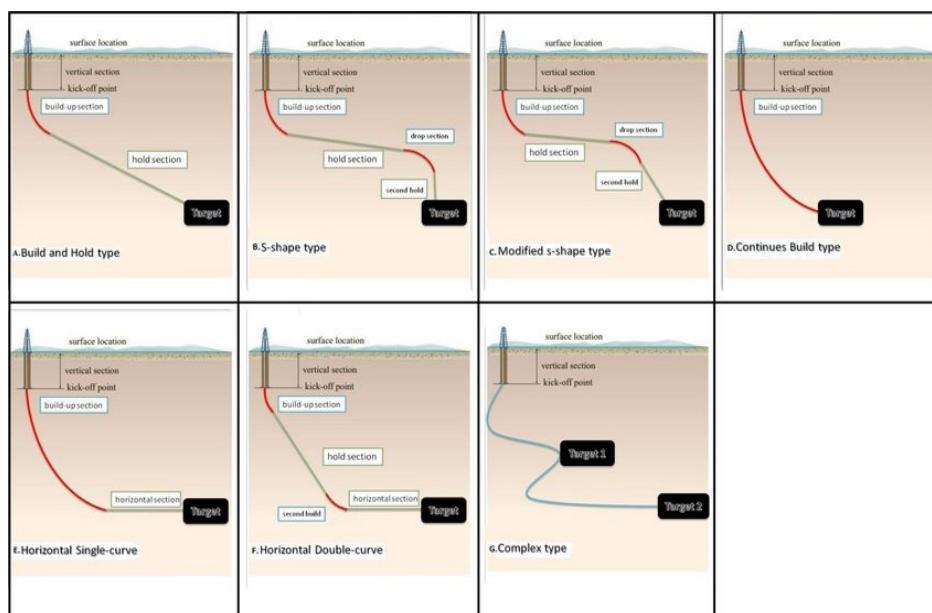
aligning with regulations. Solid control achieves high separation rates, reducing ecological footprints.

Performance Metrics

In ultra-deep wells, advanced fluids enable intelligence and recycling, improving overall efficiency. Case studies from major innovations indicate faster production and compliance.

Case Studies

In mainland China's large HDD river-crossing projects, integrated recycling systems handled 1–3 m³/min flows, reusing mud effectively.

Fig. 6. Directional Drilling well types | Download Scientific Diagram

Similarly, in Altyguyi field, trend analysis improved drilling sustainability. American Augers' M200D system for HDD demonstrates reduced wear and higher penetration rates in oil field adaptations. Wellbore cleanup treatments compatible with drill-in fluids enhance completion efficiency.

Conclusion

Efficient drilling fluid preparation and treatment technologies are pivotal for successful construction of production

directional wells in oil fields. Advancements in automation, recycling, and additive formulations drive cost reductions, environmental benefits, and operational improvements. Future trends point toward smarter, greener systems to meet the demands of deeper and more complex reservoirs. By adopting these technologies, the industry can achieve sustainable growth.

References:

1. Increasing the Efficiency of Drilling Intervals of wells Composed of... — <https://www.earthdoc.org/content/papers/10.3997/2214-0399.2021.000171>
2. 4609.2025510021?crawler=true Deep and ultra-deep oil and gas well drilling technologies — <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2352854022000171>
3. [PDF] Engineering aspects and improvement of well drilling technologies... — https://technicalscience.com.ua/web/uploads/pdf/ME_15 %282 %29_2024_9-20.pdf
4. Improving energy efficiency in well construction through the use of... — <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1742-6596/1728/1/012031/pdf>
5. Improving Energy Efficiency in the Management of Drilling Waste... — <https://www.mdpi.com/1996-1073/18/4/788>
6. Drilling, Completing, and Producing from Oil and Natural Gas Wells — <https://understand-energy.stanford.edu/energy-resources/fossil-fuel-energy/drilling-completing-and-producing-oil-and-natural-gas-wells>
7. Research of oil-based drilling fluids to improve the quality of wells... — https://www.researchgate.net/publication/337820313_Research_of_oil-based_drilling_fluids_to_improve_the_quality_of_wells_completion
8. Major Innovations in Oil & Drilling Technologies — Techs Research — <https://www.techsciresearch.com/blog/major-innovations-in-oil-drilling-technologies/3390.html>
9. Adding Value to Well Completions via Effective Wellbore Cleanup — <https://onepetro.org/SPEATCE/proceedings/01ATCE/All-01ATCE/SPE-71687-MS/134192>

Implementation of multilateral drilling technology in directional wells: a case study of the Karsovayskoye Field

Mokhamed Mostafa tarek Mostafa, master's student
Ufa State Oil Technical University

Multilateral drilling technology has revolutionized the oil and gas industry by enabling multiple wellbores to branch from a single main well, enhancing reservoir drainage and production efficiency. This case study examines the implementation of multilateral drilling in directional wells at the Karsovayskoye Field, located in the Yamalo-Nenets Autonomous District of Russia. The field, operated by Gazprom, features complex carbonate reservoirs with varying permeability, making traditional vertical drilling inefficient. Through the adoption of advanced directional and multilateral techniques, production rates increased by up to 30 %, while reducing operational costs and environmental impact. Key challenges, including geological uncertainties and equipment limitations, were addressed using real-time logging and borehole imaging. This article draws on field data from 2019–2025 operations, highlighting technical details, results, and lessons learned.

Introduction

The Karsovayskoye Field, often referred to in literature as Kharasaveyskoye due to transliteration variations, is a major gas condensate field in Russia's Arctic region. Discovered in the 1970s, it spans both onshore and offshore segments in the Kara Sea, with reserves estimated at over 2 trillion cubic meters of gas. Development began in earnest in 2019, with initial drilling focusing on horizontal wells to access the Cenomanian and Valanginian formations. The field's remote location

and harsh environmental conditions necessitated innovative drilling strategies to maximize recovery while minimizing infrastructure needs. Multilateral drilling involves creating multiple lateral branches from a primary wellbore, often in directional (non-vertical) trajectories. This technology, pioneered in Russia as early as the 1950s in Bashkiria fields, allows for greater reservoir exposure without additional surface footprints. In directional wells, the main bore is deviated from vertical to target specific zones, and branches are kicked off using

tools like whipstocks or milling assemblies. At Karsovayskoye, this approach was critical for tapping into compartmentalized reservoirs, where single horizontal wells could not achieve optimal drainage.

This case study outlines the geological context, drilling methodology, implementation phases, results, challenges, and future implications, providing a comprehensive view of how multilateral technology has been applied in this Arctic setting.

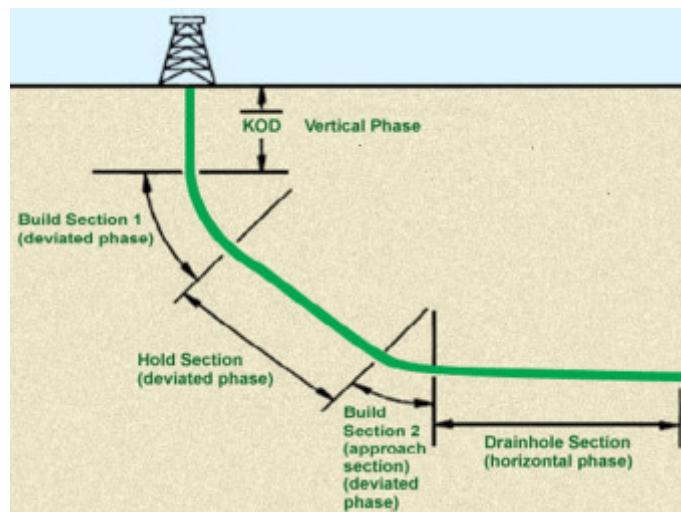

Fig. 1. Directional Drilling — an overview | ScienceDirect Topics

Diagram illustrating multilateral drilling in directional wells, showing branching laterals from a deviated main bore.

Geological and Reservoir Background

The Karsovayskoye Field lies in the West Siberian Basin, characterized by thick sedimentary sequences of Jurassic and Cretaceous age. The primary reservoirs are in carbonate rocks with high heterogeneity, including fractures and vugs that enhance permeability but introduce drilling risks like lost circulation. Porosity ranges from 10–20 %, with permeability varying from 1–100 mD, leading to uneven fluid flow. Directional

drilling was employed to navigate the dipping strata, with inclinations up to 60 degrees. Multilateral branches targeted isolated pay zones, increasing contact area by 2–3 times compared to single-laterals. Seismic data and borehole imaging from laterolog resistivity tools helped map faults and optimize branch placement. The field's offshore extension required extended-reach drilling from onshore pads, similar to techniques used in nearby Bovanenkovskoye Field. This minimized environmental disturbance in the sensitive Arctic ecosystem.

Fig. 2. Map showing the location of the Karsovayskoye Field in Russia's Yamal Peninsula, highlighting onshore and offshore segments

Drilling Technology and Implementation Planning and Design

Pre-drilling planning utilized 3D geological models integrated with data from offset wells. Software like Well Ar-

chitect simulated trajectories, assessing risks such as torque and drag. Multilateral junctions were classified under TAML (Technology Advancement for Multilaterals) levels: Level 4 for cased and cemented junctions, ensuring mechanical integ-

rity and hydraulic isolation. Directional tools included rotary steerable systems (RSS) for precise control, allowing deviations without sliding. Bottom-hole assemblies (BHAs) featured measurement-while-drilling (MWD) and logging-while-drilling (LWD) for real-time data.

Execution Phases

Main Bore Drilling: The primary well was drilled vertically to 1,500m, then deviated to 3,000m true vertical depth (TVD), reaching a measured depth (MD) of 4,500m. Mud systems with low toxicity were used to combat formation damage.

Junction Creation: At the kick-off point, a whipstock was set to mill a window in the casing. The first lateral was drilled horizontally for 1,200m into the upper reservoir.

Additional Branches: Up to three branches were created, each 800–1,000m long, using retrievable tools to re-access the main bore. Completions involved swellable packers for zonal isolation. By 2025, over 16 wells incorporated multilateral designs, with drilling rates averaging 200m/day despite Arctic winters.

By 2025, over 16 wells incorporated multilateral designs, with drilling rates averaging 200m/day despite Arctic winters.

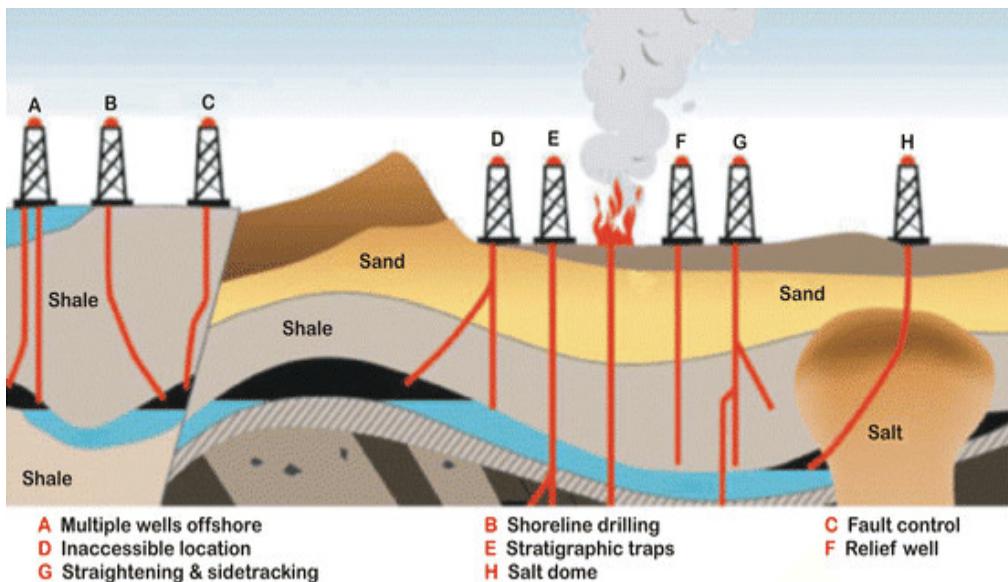

Fig. 3. The application of directional drilling (Sebastian et al. 2016...)

Schematic of a directional well with multilateral branches, depicting junction points and lateral extensions

Results and Benefits

Initial production from multilateral wells at Karsovayskoye averaged 1.5 million cubic meters of gas per day per well, a 25–30 % uplift over single-horizontal counterparts. Cumulative output exceeded 50 billion cubic meters by mid-2025, contributing to Russia's record drilling boom despite sanctions. Economic benefits included a 20 % reduction in capital expen-

diture by consolidating multiple wells into one surface location. Environmentally, fewer pads reduced land use by 40 %, aligning with sustainable Arctic development. Comparative analysis with nearby Vankor Field showed similar gains, where multilateral horizontals improved recovery factors from 35 % to 45 %.

Metric	Single Horizontal	Multilateral Directional
Avg. Production (m³/day)	1,200,000	1,500,000
Drilling Cost (\$/m)	500	400
Reservoir Contact (m)	1,200	3,200
Recovery Factor (%)	35	45

shutterstock.com · 222278692

Fig. 4. Photo of a drilling rig operating in a Russian Arctic oil field, similar to those used at Karsovayskoye

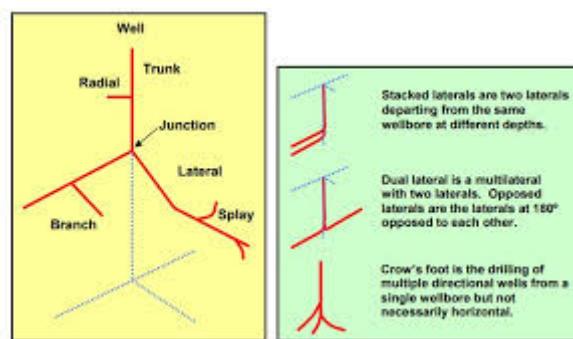
Challenges and Solutions

Key challenges included high-pressure zones causing blowouts and tool failures in extreme cold (-50°C). Solutions involved advanced mud rheology and insulated equipment. Geological uncertainties were mitigated by borehole imaging, reducing non-productive time by 15 %. Sanctions post-2022 limited access to Western technology, but Russian firms adapted by localizing services, maintaining drilling momentum.

Conclusion

The successful implementation of multilateral drilling in directional wells at Karsovayskoye demonstrates the technology's

viability in challenging environments. It has not only boosted production but also set a precedent for Arctic field development. Future expansions may incorporate intelligent completions for real-time monitoring, further enhancing efficiency. As Russia continues to lead in drilling innovations, lessons from Karsovayskoye can inform global practices in mature and frontier basins.

Fig. 5. Multilateral Wells Drilling Technology Full Guide — Drilling Manual
Detailed schematic of multilateral well configurations used in the field

References:

1. Multilateral Well Placement in Carbonates: <https://onepetro.org/SPERPTC/proceedings-abstract/20RPTC/2-20RPTC/D023S009R003/450175>
2. Gazprom Drilling at Kharasaveyskoye: <https://www.ogj.com/drilling-production/drilling-operations/article/14177950/gazprom-begins-drilling-first-production-well-at-kharasaveyskoye-field-in-yamal>
3. Russian Drilling Technology Insights: <https://www.ogj.com/home/article/17226380/pioneering-work-economic-factors-provide-insights-into-russian-drilling-technology>

ЭКОЛОГИЯ

Причины усыхания сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris L.*) в условиях Белорусского Полесья

Синчук Олег Викторович, старший научный сотрудник

Научно-практический центр Национальной академии наук Беларусь по биоресурсам (г. Минск, Беларусь)

Архипова Надежда Витальевна, аспирант

Белорусский государственный университет (г. Минск, Беларусь)

Массовое усыхание сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris L.*) в Белорусском Полесье, исследованное в 2021–2025 гг., представляет собой комплексную экологическую проблему, обусловленную синергией антропогенных и природных факторов. Ключевыми причинами являются долгосрочное снижение уровня грунтовых вод вследствие ранее проведенной осушительной мелиорации и климатические изменения, включающие рост температур, учащение засух и увеличение инсоляции, что приводит к хроническому водному стрессу и «солнечным ожогам» крон. Ослабленные насаждения, особенно монокультуры на бедных песчаных почвах, становятся очагами массового размножения вредителей, таких как короеды рода *Ips*. Для сохранения лесного фонда региона необходимы адаптивные лесохозяйственные меры, учитывающие выявленные зоны риска и ориентированные на создание устойчивых смешанных насаждений.

Ключевые слова: сосна обыкновенная, усыхание лесов, уровень грунтовых вод, климатические изменения, дендроклиматология, адаптивное лесоводство, Белорусское Полесье.

Сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris L.*) является основной лесообразующей породой в Белорусском Полесье [1, 2] и играет ключевую роль в формировании лесных экосистем, имеет исключительное экономическое и природоохранное значение [3]. На долю сосновых лесов в данном регионе приходится более половины всей лесной площади. Однако в последние десятилетия в Полесье наблюдается устойчивая тенденция к массовому ослаблению и усыханию сосновых древостоев, что приобрело масштабы серьезной экологической проблемы, ведущей к снижению устойчивости лесов и потере биоразнообразия.

В связи с этим актуальным является необходимость выявления механизмов взаимодействия лесных экосистем с динамично меняющимися экологическими факторами как естественного, так и антропогенного происхождения. Современное усыхание сосны на юге Беларусь является сложным синергетическим процессом, в котором ведущую роль играют изменения гидрологического режима территорий и климатические аномалии [4]. Ситуация осложняется спецификой почвенно-литологических условий Полесья: преобладанием кварцевых песков с низкой влагоемкостью, что делает насаждения крайне уязвимыми к водному дефициту [3]. Проблема адаптации сосны к новым экологическим условиям требует ком-

плексного научного анализа для разработки стратегии сохранения лесного фонда региона.

Материалы и методы. Исследования причин усыхания сосны обыкновенной проводились в период с 2021 по 2025 гг. на территории Белорусского Полесья, в частности в естественных лесных массивах, рекреационных посадках и на территории особо охраняемых природных территорий. Исследовательская работа базировалась на концепции дендроклиматического мониторинга, включающей выбор локальных тест-полигонов и мониторинговых участков.

В ходе работы использовались следующие методы: дендрохронологический анализ, геоинформационное моделирование, эдафо-гидрологические исследования, энтомологический мониторинг, биоиндикаторный подход и метеорологический анализ.

Результаты исследований. Проведенные в период 2021–2025 гг. исследования позволили установить, что массовое усыхание сосны обыкновенной на территории Белорусского Полесья вызвано комплексом взаимосвязанных причин.

Одной из главных предпосылок усыхания является снижение уровня грунтовых вод (УГВ) вследствие крупномасштабной осушительной мелиорации, проводившейся в прошлом веке. Было установлено, что основные

территории произрастания сосняков в Полесье приурочены к глубинам залегания грунтовых вод от 2,1 до 5,0 метров. Именно эти территории оказались наиболее уязвимыми к антропогенному или природному понижению УГВ, что приводит к хроническому водному дефициту древостоев. Снижение уровня вод до 1,6–2,1 м от исходного уровня (0,35–0,5 м) сокращает потенциал нарастания стволовой массы сосны в 1,5 раза [5].

Климатические изменения и температурный стресс. Современное потепление климата, выразившееся в росте среднегодовых температур (на 1,1–1,2 °C с 1998 г.), сопровождается увеличением частоты засушливых периодов [3, 6]. Особое значение имеет аридизация в вегетационный период и аномально холодные, малоснежные зимы (например, в 2010, 2014, 2016 гг.), которые подавляют микробиологическую активность почвы и повреждают корневую систему.

Исследования выявили новый критический фактор — значительное увеличение притока прямой солнечной радиации (на 26 % после 1998 г.). В условиях глубокого залегания грунтовых вод и недобора осадков это приводит к тому, что хвоя не получает достаточного количества влаги для транспирации. В результате к августу наблюдается побурение крон —»солнечный ожог», что резко снижает жизнеспособность деревьев.

Сосновые леса Полесья произрастают на бедных кварцевых песках. Искусственные насаждения (монокультуры), созданные на бывших истощенных пашнях (так называемых «сырых песках»), оказались наиболее подвер-

жены деградации, так как их корневая система на таких почвах часто не способна достичь глубоко залегающих грунтовых вод.

Биологические факторы (вторичные причины). Ослабленные водным стрессом и солнечными ожогами древостои становятся легкой добычей для заболеваний и насекомых-вредителей. Ключевую роль играют вершинный и шестизубчатый короеды (*Ips acuminatus* (Gyllenhal, 1827), *Ips sexdentatus* (Boerner, 1776), чьи вспышки численности носят беспрецедентный характер. Также отмечено негативное влияние инвазивного клопа *Leptoglossus occidentalis* Heidemann, 1910, который питается соком развивающихся семенами сосны, снижая репродуктивный потенциал лесов.

Таким образом, массовое усыхание сосны в Белорусском Полесье является следствием наложения антропогенной трансформации гидрологической сети на современные климатические аномалии и возросшую солнечную активность. Для минимизации последствий необходимо учитывать выявленные зоны риска при планировании лесохозяйственных мероприятий и отдавать предпочтение формированию смешанных насаждений.

Благодарности

Исследования проведены при финансовой поддержке государственной программы научных исследований «Природные ресурсы и окружающая среда», номер государственной регистрации научно-исследовательской работы: 20211768.

Литература:

- Хох, А. Н., Звягинцев В. Б. Сравнительная оценка анатомических параметров годичных слоев сосны обыкновенной разного географического происхождения // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Биология и экология. — 2022. — № 2. — с. 111–121.
- Киселев, В. Н., Матюшевская Е. В., Яротов А. Е., Митрахович П. А. Сравнительный анализ радиального прироста сосны и дуба на Белорусском Полесье в условиях естественного режима грунтовых вод // Природопользование. — 2013. — № 23. — с. 83–93.
- Матюшевская, Е. В. Ель и сосна в экологически напряженных лесных ландшафтах Беларуси. — Минск: БГУ, 2021. — 191 с.
- Матюшевская, Е. В., Киселев В. Н., Яротов А. Е. Адаптация сосны (*Pinus sylvestris*) к современным экологическим реалиям в Белорусском Полесье // Журнал Белорусского государственного университета. Экология. — 2020. — № 4. — с. 10–18.
- Архипова, Н. В., Синчук О. В. Зависимость процессов усыхания сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.) от глубины залегания грунтовых вод в условиях Белорусского Полесья // Вестник науки. — 2025. — № 12, Т. 1. — с. 1845–1849.
- Матюшевская, Е. В., Киселев В. Н., Яротов А. Е. О причинах усыхания сосны в Белорусском Полесье // Журнал Белорусского государственного университета. География. Геология. — 2021. — № 2. — с. 82–90.

ПСИХОЛОГИЯ

Искусство борьбы с детскими страхами

Андреенко Ольга Владимировна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Детство — важный этап развития личности, сопряженный с формированием эмоциональной и психологической сфер. Одной из наиболее актуальных проблем современной педиатрии и психологии является развитие и преодоление детских страхов и тревожных состояний. Согласно данным ВОЗ, более 10–20 % детей сталкиваются с различными формами тревожных расстройств, что негативно влияет на их адаптацию, учебу и личностное развитие (UNICEF, 2022) [1].

У детей страхи возникают в разном возрасте и по различным причинам, которые до сих пор не до конца изучены. Различают психологически обусловленные страхи и те, что связаны с психическими заболеваниями. Помощь детям, испытывающим страх, должна оказываться родителями совместно с психологами, а также докторами разных направлений (невролог, психиатр, педиатр). Современные социальные условия влияют на развитие страха у детей; следовательно, психологи должны регулярно изучать проблему, чтобы качественно помогать маленьким пациентам справляться со страхами. Существует очевидная необходимость в пересмотре и расширении современного понимания детских страхов и тревожности.

Цель данной статьи — связать исследования детских страхов с современными представлениями об эмоциях, влияющих на регуляцию и устойчивость, чтобы сформировать целостный и современный подход к борьбе со страхом у детей.

Ключевые слова: детские страхи, патологические признаки, тревожность, родители.

Страх представляет собой естественную реакцию человека на угрозу, исходящую от окружения, и рассматривается в качестве реакции адаптации к окружающему миру. Как указано в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова, страх — это очень сильный испуг, сильная боязнь [2]. Стоит отметить, что страх, как и другие неприятные эмоции (гнев, стыд, дистресс), не является однозначно опасным и вредным для ребенка. Каждая, даже негативная эмоция выполняет определенную функцию (В. Г. Колягина, 2016) [3]. Эмоция страха имеет определяющее значение для психического развития ребенка. По мнению А. И. Захарова, страх — это своеобразное средство познания окружающей действительности, ведущее к более критичному и избирательному отношению к ней [4]. Как отмечает В. В. Лебединский, страх выполняет «охранную функцию»: защищает ребенка от излишнего риска, уводит от опасностей, обеспечивает самосохранение, регулирует и формирует его поведение. В случае нормального психического развития детские страхи становятся важным звеном в регуляции поведения ребенка и имеют положительное адаптационное значение [5]. Переживание страха необходимо для полноценного функционирования психики, так как она нуждается не только в позитивных, но и в неприятных эмоциях. Следовательно, страх выполняет

стабилизирующую, охранительную, регулирующую и адаптационную функции в процессе эмоционального развития и формирования личности ребенка. Детские страхи являются неотъемлемой частью процесса нормального психологического развития и социальной деятельности ребенка.

Мир ребенка полон опасностей, реальных и воображаемых, о которых многие взрослые забывают. Большинство детских страхов являются нормальными, временными: постепенно дети их перерастают. Однако при этом результаты исследований свидетельствуют о том, что тревожные расстройства, вызванные страхами, — одни из наиболее распространенных психических расстройств у детей. В значительной доле случаев оказывается, что симптомы тревожного расстройства у взрослых впервые появились в детстве, поэтому коррекция детских страхов важна и может помочь предотвратить тревожные расстройства во взрослом возрасте.

Как и разум, эмоциональная сфера детей непрерывно развивается, и не все эмоции осваиваются ими с одинаковой скоростью, поэтому не всегда легко отличить обычные страхи от тех, которые требуют особого внимания.

Кроме обычных страхов, различают также патологические, связанные с болезненными переживаниями.

Они возникают на фоне постоянной тревожности и отличаются особой интенсивностью. Такие страхи не поддаются произвольному контролю со стороны ребенка и часто не могут быть объяснены или логически опровергнуты. Кроме того, термины «страх» и «тревожность» тесно связаны, однако в настоящее время принято их разграничивать. Это обусловлено тем, что страх сегодня позиционируется как боязнь реальной угрозы, в то время как тревожность характерна для переживаний, имеющих в большей степени воображаемый характер.

Тревожные расстройства характеризуются частыми и интенсивными тревожными состояниями, которые мешают нормальному функционированию и развитию: нарушениями сна, отказом от социальных контактов, проблемами в учебе (Kovacs, 1989) [6].

В психологической литературе подчеркивается важность раннего выявления и своевременного вмешательства, поскольку хроническая тревожность увеличивает риск развития депрессии, внутренних проблем и социального отчуждения.

Анна Михайловна Приходян, изучающая проблему взаимосвязи страхов и тревожности в детском возрасте, выделяет три основных аспекта:

1. Эмоциональный аспект характеризует внутренние переживания ребенка, ощущение опасности, страха или тревоги.

2. Когнитивный аспект связан с мыслями и представлениями ребенка о возможных угрозах и источниках опасности.

3. Поведенческий аспект проявляется в конкретных действиях, избегании опасных ситуаций или проявлении тревожных реакций [7; 8].

В детском возрасте страхи могут проявляться как типичная реакция ребенка на ситуацию и под влиянием различных факторов приобретать патологические признаки.

Страхи могут возникнуть в самом раннем возрасте. У младенцев они проявляются уже в возрасте 7–12 месяцев. Обычно новое событие или предмет вызывают у ребенка повышенный интерес, оживление и улыбку, однако в некоторых случаях заметны неуверенность и страх. Например, хорошо знакомый или близкий человек, появившийся перед ребенком внезапно и в необычном виде, может вызвать страх; внезапный резкий звук может испугать ребенка, и впоследствии он будет испытывать страх, слыша новые звуки или шум.

Боязнь незнакомых людей чаще возникает у детей во второй половине первого года жизни, особенно у пугливых и при обращении к ним громким голосом.

Страх разлуки с матерью или с человеком, который постоянно находится рядом, обычно возникает в период 7–12 месяцев жизни ребенка и достигает своего пика к 15–18 месяцам. Наиболее ярко он проявляется в ситуации, где ребенку все незнакомо: место, окружающие предметы, люди, запахи и звуки.

В дошкольном, младшем школьном возрасте и вплоть до 12 лет дети могут бояться множества предметов и ситу-

аций. Особенно это касается тревожных детей или тех, которых воспитывают тревожные родители.

Для детей в возрасте 4–5 лет характерны богатое воображение, склонность к фантазиям и способность воспроизводить яркие, детальные, почти фотографические образы предметов или сцен после того, как они перестали воздействовать на органы чувств — эйдетическая способность (или эйдетизм). Эйдетизм играет немаловажную роль в легком и быстром образовании детских страхов, в дальнейшем (наряду с другими факторами) может способствовать болезненной фиксации на страхе, а также привести к патологическому (болезненному) фантазированию или образованию навязчивых страхов — фобий.

Причиной страха может стать и внезапный испуг. При этом ребенка может напугать совершенно обычный раздражитель, который не вызывает у него такой реакции в повседневной обстановке: соседская собака, неожиданно выбежавшая из подъезда с радостным лаем, внезапно включенный чайник или телевизор, резкое появление родителя и т. д.

Особое место занимает страх остаться в одиночестве. При этом некоторые дети придумывают себе ритуалы, игры, которые способны, по их мнению, защитить их. Страх одиночества может проявиться в боязни оставаться одному в квартире, за закрытыми дверьми, взаперти.

Страх темноты у малышей связан с иллюзорным восприятием действительности и недостаточным контролем самосознания. В старшем детском возрасте страх одиночества может возникнуть и по неосознанной причине: «Боюсь — и все».

Страхи у детей и особенно у подростков могут возникнуть вследствие пережитого ими травмирующего события, стрессовой ситуации: например, болезни или смерти близкого человека.

В возрасте 8–9 лет дети активно взрослеют и сталкиваются с новыми вызовами. Одно из характерных для этого этапа проявлений — страхи, которые могут мешать развитию и эмоциональному благополучию ребенка. Правильное понимание причин и особенностей страхов детей данного возраста позволяет эффективно помогать им справляться с этой проблемой.

На данном этапе развития у ребенка уже сформированы некоторые представления о реальности, но его воображение продолжает активно работать. Основные причины возникновения страхов в этом возрасте:

— Возрастные особенности: развитие воображения и фантазии способствует появлению страхов, связанных с необъяснимыми явлениями.

— Обучение и школа: высокая нагрузка, страх перед контрольными, экзаменами и оценками.

— Социальное окружение: конфликты со сверстниками, страх быть отвергнутым или непонятым.

— Страх ошибок и неудач: опасение провала и осуждения со стороны взрослых и сверстников.

— Социальные страхи: страх публичных выступлений, страх оказаться в центре внимания.

— Внутренние переживания: страх потери близких, болезни или смерти.

Реабилитация детей с различными видами страхов включает прежде всего психотерапию с элементами когнитивно-поведенческой терапии (КПТ). Научные исследования подтверждают эффективность КПТ (Kendall et al., 2006) [9]: она помогает ребенку понять и изменить негативные мысли, связанные со страхами, постепенно привыкнуть к пугающим ситуациям. Также стоит отметить эффективность экспозиционной терапии, в ходе которой происходит постепенное знакомство с объектом или ситуацией, вызывающей страх, под контролем специалиста, а также эффективность игровой терапии, в рамках которой игра используется для выражения чувств, понимания и преодоления страхов.

Игровую терапию с маленькими детьми могут проводить и родители: например, можно проиграть ситуацию со страшным пылесосом или собакой. В дошкольном возрасте желательно создавать игровые ситуации, постепенно приближаясь к объяснению того, что напугало ребенка: делать уколы куклам, изображать большую шумную машину, заставить лаять игрушечную собачку. Если ребенок будет делать то же самостоятельно, он победит свой страх.

Иногда источником беспокойства ребенка является семейная проблема; иногда тревожный ребенок думает, что он или она является причиной каких-либо проблем в семье. В этом случае хорошей идеей может быть совместная семейная терапия, в которой участвуют все члены семьи.

Литература:

1. Child and adolescent mental health and psychological wellbeing across the life course // UNICEF, 2022. — URL: <https://www.unicef.org/innocenti/media/4926/file/UNICEF-Child-Adolescent-Mental-Health-Psychosocial-Wellbeing-Life-Course-2022.pdf>
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов. — Москва: Оникс, 2012. — 1376 с.
3. Колягина, В. Г. Психология страхов дошкольников: монография / В. Г. Колягина. — Москва: Прометей, 2016. — 40 с.
4. Захаров, А. И. Дневные иочные страхи у детей / А. И. Захаров. — СПб.: Изд-во «Союз», 2004. — 448 с.
5. Эмоциональные нарушения и их коррекция в детском возрасте / В. В. Лебединский, О. С. Никольская, Е. Г. Баневская, М. М. Либлинг. — М.: Изд-во Мгу, 1990. — 196 с.
6. Kovacs, M. Affective disorders in children and adolescents / M. Kovacs // The American Psychologist. — 1989. — № 44 (2). — Р. 209–215. — Doi: 10.1037/0003-066x.44.2.209.
7. Прихожан, А. М. Психологический справочник, или как обрести уверенность в себе / А. М. Прихожан. — Москва: Просвещение, 1994. — 191 с.
8. Сабурова, В. Г. Диагностика и коррекция страхов у детей старшего дошкольного возраста / В. Г. Сабурова. — Лесосибирск: ЛПИ, 2021. — 68 с.
9. Kendall, P. Cognitive-behavioral therapy for anxious children: Therapist manual / P. Kendall, [et al.] // Workbook Publishing, 2006. — 104 p.

Однако целесообразнее заранее задуматься о предупреждении появления страхов — это важная часть профилактики и создания безопасной среды для эмоционального развития детей. Такая цель достигается несколькими путями. Во-первых, не следует пугать ребенка страшными сказками и устрашающими историями. Во-вторых, важно обеспечить ему ощущение безопасности. Родителям рекомендуется регулярно разговаривать с ребенком о чувствах, прислушиваться к его переживаниям, объяснять ситуации спокойно и понятно, избегая драматизации. В-третьих, важно создать предсказуемый, стабильный график дня, объяснять, что будет происходить дальше (предварительные объяснения снижают тревогу). В-четвертых, важно поощрять положительный настрой ребенка и уверенность в себе, вдохновлять его на самостоятельность. Если страхи очень сильны, если ребенок переживает их длительное время, если они мешают ему жить полноценной жизнью, важно вовремя обратиться к специалисту, который подберет эффективные методы работы.

Переживание страхов — это естественный этап развития ребенка, связанный с процессом взросления и расширением знаний о мире. Взрослые, чьи дети столкнулись с проблемой страха, должны проявлять терпение, понимание и обеспечивать поддержку, чтобы помочь ребенку преодолеть страхи и уверенно двигаться к следующему этапу взросления.

Профилактика — процесс постоянный и требует внимания к мелочам: чем лучше подготовлен ребенок, тем реже возникают серьезные страхи.

Особенности переживания одиночества студентами

Белова Алла Игоревна, студент магистратуры
Самарский государственный социально-педагогический университет

Одиночество человека — это сложная проблема, обусловленная социальными, психологическими, экономическими, культурными факторами. В настоящее время в зону социального риска, вызываемого отчуждением, попала молодежь. Анализ сложившейся ситуации показывает, что в молодежной среде наблюдается рост негативных социально-психологических явлений, таких как: неуверенность в завтрашнем дне, увеличение стрессовых ситуаций, нарушение межличностных отношений, отчаяние, одиночество. Испытываемые молодыми людьми негативные переживания влияют на процесс социализации и формирования личности, становятся одной из основных причин их социальной дезадаптации.

Ключевые слова: одиночество, студенты, кризис, особенности, причины.

В настоящее время студенты сталкиваются с различными кризисами, включая возрастные, личностные и профессиональные кризисы, а также кризисы, связанные с нестабильностью настоящего и неопределенностью будущего. Однако именно в период обучения студенты начинают формировать жизнестойкость и способность эффективно справляться со стрессом. Развитие жизнестойкости помогает молодым людям успешно справляться со стрессом, достигать самореализации и поддерживать психическое и физическое здоровье.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью решения проблемы одиночества среди молодежи, которая в современной науке недостаточно изучена.

Одиночество является одной из глобальных проблем человечества. Одиночество понимается как феномен, явление, переживание, чувство, состояние, проблему, в то же время отметим существование многочисленных подходов к определению и изучению одиночества. В исследованиях отечественных психологов в последнее десятилетие наблюдается направление к расширению и углублению изучения одиночества.

Юношеский возраст — основной этап в формировании мировоззрения. Мировоззрение — это собственное восприятие человеком мира, вынесение суждений о нем в целом и его принципах, а также совокупность человеческих знаний [3, с. 116]. В юном возрасте взгляд на окружающий мир в большей степени подчинен личным потребностям. Молодые люди пытаются сориентироваться в этом мире, найти себя, свое место в жизни. Перед ними стоит важная задача выбора профессии, от которой зависит их будущее положение в обществе.

Юность — это один из этапов жизни человека. Четко признанных границ юности мы не находим. Как показывает анализ отечественной и зарубежной литературы юношеский возраст делится на два этапа: 16–18 лет — это ранняя юность, 18–21 год — юность. Трудность в определении нижнего предела юности заключается в том, что не все юноши и девушки проходят одинаковые этапы обучения. Некоторые старшеклассники после окончания неполной средней школы (9-е классы) поступают в колледжи, лицеи, техникумы, кто-то начинает работать, кто-то переходит на вечерние курсы. Их социальное по-

ложение меняется раньше других, влияя на их взгляды, мировоззрение и личность в целом. Юношеский возраст у них наступает раньше, как и кризис развития, который наступает в возрасте 15 лет. В этот период юноши и девушки покидают своих родителей, расстаются со школьными друзьями и начинают переживать о неопределенном будущем. Думая об этих обстоятельствах, юноши и девушки в некоторых случаях могут замыкаться в себе, что также способствует возникновению чувства одиночества, изоляции. Старшеклассники, заканчивающие 11-й класс, позже вступают в юношеский возраст, их социальное положение не меняется до 17 лет, они также переживают кризис развития [1, с. 212].

Тех, кто переживает сложный юношеский кризис, отличает появление страхов, повышенная тревожность и беспокойство по поводу будущего. В это время они решают, что будут делать в будущем, при этом боятся совершить ошибку. Эти страхи усиливаются влиянием родителей, которые давят на ребенка, торопят его с выбором будущей профессии.

Еще одним тревожным фактором является новая социальная среда, новые требования и правила. Для молодых людей это время усугубляется проблемой армии, которая в этот период стоит особенно остро. Но даже те, кто с оптимизмом смотрит на изменения ситуации, так или иначе сталкиваются с некоторыми трудностями. Прежде всего, они связаны с адаптацией, принятием и усвоением новых требований, умением влиться в новый коллектив [2, с. 373].

Ведущим видом деятельности в этом возрасте является образовательная и профессиональная деятельность. Стремление найти себя, определить свое будущее порождает у молодых людей тягу к знаниям, к обучению. Меняются их мотивы, желания совпадают с возможностями. В этот период они готовы и способны воспринимать новую для себя информацию и получать ее с помощью самых разнообразных видов обучения.

Юноши и девушки выбирают для себя наиболее важные направления, их образовательная и профессиональная деятельность в первую очередь направлена на социализацию, темпы которой могут увеличиваться за счет таких параметров, как:

- определенность планов на будущее, понимание смысла жизни;
- заинтересованность в выборе своей профессии, определение стремлений, мотивов;
- отношение к работе, желание и способность овладеть определенной профессией;
- формирование чувства долга и ответственности, желания слышать похвалу и одобрение [4, с. 250].

Одним из психических достижений ранней юности является открытие своего внутреннего мира. Полностью отдавая себе отчет в своих поступках, он еще не осознает своих психологических состояний. Для молодого человека внешний, физический мир — это лишь одна из возможностей субъективного переживания, в центре которого находится он сам. Получая возможность погрузиться в себя, в свои переживания, юное существо открывает для себя целый мир новых эмоций, красоту природы и звуки музыки. Открытие своего внутреннего мира — это радостное и волнующее событие, но оно также вызывает множество тревожных, драматических переживаний. Вместе с сознанием своей уникальности, непохожести на других приходит чувство «внутреннего» одиночества.

Юношеский возраст характеризуется большим стремлением к дружбе и любви. Дружба между юношей и девушкой отличается более глубоким и устойчивым характером, чем у подростков. Стремление к эмоциональному теплу и искренности становится значимым. Появляется желание поделиться с другом чем-то личным. Весьма характерно, что молодые люди пытаются идеализировать дружбу и своих друзей. В то же время они довольно требовательны к себе. Молодым людям может казаться, что они недостаточно близки со своими друзьями. В ранней юности они делятся своим опытом, чувствами, планами и т. д. друг с другом. Позже его заменяет любимый человек или любимая девушка.

В это время юноша или девушка могут полностью раскрыться как личность, испытывая духовную и секулярную близость. Для этого возраста потребность в любви — это желание быть понятым, испытывать эмоциональную привязанность и тепло [2, с. 423].

Рассмотрение проблемы одиночества в подростковом возрасте актуализируется также тем фактом, что именно в этом возрасте происходят процессы социальной идентификации, формируются социальные позиции, обеспечивающие дальнейшую социализацию и индивидуализацию. В период поздней юности делаются прогнозы на будущее и осмысливаются существующие ценности.

Одиночество юношами и девушками также может быть использовано как уединение, как возможность побывать наедине с самим собой, поразмыслить над своими поступками.

Литература:

1. Каменев, Ю. П. Самопредъявление одиноких людей в тексте газетных объявлений// Spbqotic propect — 2006.
2. Колесникова, А. А. Лабиринты одиночества// Spbqotic propect — 2007. <http://www.anthropology.ru>

Как уже было сказано, студенты переживают самые разнообразные чувства в юношеский период, и самое тяжелое и мучительное переживание это — одиночество. Оно стимулировано тем, что учебно-профессиональная деятельность осуществляется вне дома. Основным видом деятельности в этом возрасте является образовательная деятельность, и поэтому основные переживания, возникающие в этом возрасте, связаны с обучением. В начале своего обучения студенты осваивают новую роль — роль студента, они привыкают к новым правилам и требованиям, из-за этого могут испытывать тревогу и беспокойства.

Студенты довольно часто сталкиваются с ситуациями, субъективно переживаемыми ими как трудные, которые нарушают привычный ход жизни. Именно в таких случаях человек вдруг начинает осознавать собственную бесполезность и невозможность реализовать свои личностные способности, начинает переживать и осознавать самого себя, как покинутого, забытого, потерянного. Современный образ жизни, а также стрессы делают людей особенно уязвимыми к одиночеству. Изменения в сфере занятости, какие-либо потрясения, а также тот факт, что люди могут уйти из отношений — для многих это может стать причиной возникновения одиночества. Формирование жизнестойкости является залогом психического здоровья людей и необходимым условием социальной стабильности, прогнозируемых процессов, происходящих в обществе [6]. Переживание одиночества в юношеском возрасте может негативно отразиться на физическом здоровье.

Исследователи отмечают, что одиночество нарушает иммунитет на клеточном уровне, при этом не приводятся механизмы данного процесса. Также приводятся выводы, что одинокие люди больше рисуют заболеть, чем социально активные. Возможно, это связано с повышенным уровнем стресса, а также длительное пребывание в условиях социальной изоляции [7].

Итак, переживание одиночества в подростковом возрасте возникает в связи с проблемами социальной идентификации и возрастных взаимоотношений. Это время формирования активной социальной позиции, обеспечивающей дальнейшую социализацию и идентификацию. Человек репродуктивного возраста может испытывать одиночество из-за коммуникативных сбоев, что формирует страх перед новыми эмоциональными межличностными отношениями и их избегание; при нарушении взаимопонимания в профессиональных группах, семье; в ситуации потери родителей и других близких людей в связи с их смертью; в ситуации безответной любви.

3. Кулагина, Н. Ю. Взрастная психология [Текст]: учебное пособие для студентов высших учебных заведений/ Н. Ю Кулагина — М.: ТЦ Сфера, 2004. 464 с.
4. Майленова, Ф. Г. Два лика одиночества // Spbqotic project. — 2007. <http://www.hpsy.ru>
5. Мудрик, Л. В. Современный старшеклассник [Текст]: хрестоматия по возрастной психологии / Л. В Мудрик — М.: ТЦ Сфера, 2000. 267 с.
6. Коломиец, М. Н., Макаровская И. В. Особенности переживания одиночества с разным уровнем жизнестойкости / М. Н. Коломиец, И. В. Макаровская // Международный научно-практический журнал «Мир педагогики и психологии» № 6, 2024. <https://scipress.ru/pedagogy/articles/osobennosti-perezhivaniya-odinochestva-studentami-s-raznym-urovnem-zhiznestojkosti.html>
7. Якшина, Т. В., Шаповалова И. С. Проблема молодежного одиночества / Т. В. Якшина, И. С. Шаповалова // Журнал «Скиф. Вопросы студенческой науки», № 3 (67), 2022 <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-molodezhnogo-odinochestva/viewer>

Социальные сети и их влияние на формирование ценностей

Богдан Вероника Валерьевна, студент;

Шершнёва Анна Александровна, студент

Научный руководитель: Хашаева Светлана Владимировна, доктор социологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена анализу глубокого влияния социальных сетей («ВКонтакте», Яндекс.Дзен, Telegram, RuTube) и их алгоритмов на трансформацию ключевых ценностей современного человека. Рассматривается, как алгоритмические ленты меняют представления об успехе, здоровье, социальных связях и самооценке, а также предлагаются пути формирования осознанного потребления цифрового контента.

Ключевые слова: социальные сети, алгоритмы, ценности, влияние соцсетей, самооценка, цифровая среда, медиаграмотность, психическое здоровье, информационное воздействие, российские платформы.

Social media and its impact on value formation

Bogdan Veronika Valeryevna, student;

Shershnyova Anna Aleksandrovna, student

Scientific advisor: Khashayeva Svetlana Vladimirovna, doctor of sociology, associate professor
Belgorod State National Research University

The article analyzes the profound influence of social networks (VKontakte, Yandex.Zen, Telegram, RuTube) and their algorithms on the transformation of key values in modern society. It examines how algorithmic feeds are changing perceptions of success, health, social connections, and self-esteem, and suggests ways to promote conscious consumption of digital content.

Keywords: social networks, algorithms, values, social media influence, self-esteem, digital environment, media literacy, mental health, information impact, and Russian platforms.

Ценности — это фундаментальные убеждения и принципы, которые направляют наши мысли, решения и поступки. Они формируются под влиянием семьи, образования, культуры и социального окружения. Однако в XXI веке на эту сложную экосистему обрушилась новая, мощная сила — цифровая среда, ядром которой являются социальные сети и их алгоритмы. Эти технологии не просто изменили способы нашего общения и потребления информации; они активно трансформируют саму систему наших ориентиров, предпочтений и представлений о нормальном. Алгоритмы, стремящиеся удержать наше внимание, создают персонализированные реаль-

ности, которые постепенно, но неуклонно перестраивают наши взгляды на успех, красоту, здоровье, социальные отношения и собственное «Я». Данная работа посвящена анализу того, каким образом социальные сети и алгоритмические системы влияют на формирование и изменение наших ценностей, опираясь на современные научные исследования в области психологии, социологии и медиа-воздействия.

Алгоритмическая персонализация и фрагментация реальности

Ключевым механизмом влияния социальных сетей является алгоритмическая подача контента. Как отме-

чает О. А. Дворянкин, современные методики информационного воздействия в интернете основаны на тонком анализе пользовательских данных и создании целевых информационных потоков [2, с. 335]. Алгоритмы популярных российских платформ, таких как «ВКонтакте», Яндекс.Дзен или RuTube, изучают наши лайки, время просмотра, репосты и даже время суток, когда мы наиболее активны. Их цель — максимизировать вовлеченность, а значит, и время, проведенное на платформе.

В погоне за этой целью алгоритмы создают так называемые «пузыри фильтров» или «эхо-камеры». Пользователь оказывается в информационном пространстве, где ему постоянно предлагается контент, усиливающий его существующие убеждения и интересы. Если человек склонен к определенным политическим взглядам, его лента в «ВКонтакте» или рекомендации на Дзене будут наполнены подтверждающими их новостями и мнениями, а альтернативные точки зрения будут отфильтрованы. Это ведет к фрагментации общей реальности и радикализации общества. Ценность плюрализма мнений, критического мышления и конструктивного диалога замещается ценностью принадлежности к «своей» группе, что укрепляет черно-белое восприятие мира и нетерпимость к инакомыслию.

Следовательно, первое фундаментальное изменение, которое вносят алгоритмы в нашу систему ценностей, — это подмена объективного, многогранного восприятия реальности на комфортное, но узкое и субъективное. Ценность «быть правым» и «находиться среди своих» начинает превалировать над ценностью «узнавать новое» и «понимать другого».

Трансформация ценностей успеха и самореализации

Социальные сети стали глобальной витриной, где выставляются на показ истории успеха. Однако понятие успеха в этой среде приобретает специфические, зачастую искаженные черты. Под влиянием визуального контента («ВКонтакте», Telegram-каналы) и мнения лидеров (масс-медиа, как обобщенно указывают А. Ю. Шалаев и С. В. Выставкин) формируется новый эталон благополучия [5, с. 30].

Успех все чаще ассоциируется не с глубокими профессиональными знаниями или личностным ростом, а с внешними, демонстративными атрибутами: количеством подписчиков, дорогими путешествиями, идеальным телом, статусными вещами. А. П. Прохорова в своем исследовании визуальной рекламы прямо указывает на то, что рекламные образы становятся причиной преобразований в повседневности человека, формируя у него новые потребности и стандарты жизни [4, с. 585]. Алгоритмы, продвигающие контент «успешных успехов» в ленте «ВКонтакте» или в рекомендациях Яндекс.Дзена, делают эти образы навязчивыми и повсеместными.

В результате ценность упорного труда и внутреннего удовлетворения от работы может замещаться ценностью быстрого признания и виральной славы. Возникает феномен, когда молодые люди стремятся стать не учеными

или инженерами, а блогерами на RuTube или инфлюенсерами в «Одноклассниках», видя в этом кратчайший путь к признанию и материальному благополучию. Это переориентирует жизненные стратегии целого поколения, ставя под вопрос устойчивость и глубину такой системы ценностей.

Влияние на ценности здоровья и образа тела

Одной из наиболее уязвимых сфер, подверженных влиянию соцсетей, является восприятие собственного тела и ценности здоровья. А. Е. Маербеков в своей работе о влиянии цифровых технологий на формирование привычек ЗОЖ справедливо отмечает как возможности, так и риски [3, с. 19]. С одной стороны, соцсети могут популяризировать спорт, правильное питание и заботу о ментальном здоровье. С другой — они же порождают токсичные тренды, такие как культура диет, фитнес-экстрем и пропаганда неестественных стандартов красоты.

Алгоритмы, основанные на вовлеченности, часто продвигают драматизированный и экстремальный контент о трансформациях тела в российском сегменте YouTube (RuTube) и тематических пабликах «ВКонтакте», что формирует искаженное представление о здоровье. Ценность здорового и гармоничного тела подменяется ценностью соответствия цифровому идеалу, который часто является результатом фотошопа, пластической хирургии и специального света. Это приводит к росту числа психических расстройств, связанных с образом тела.

А. В. Облаухова прямо связывает использование социальных сетей с ухудшением психического здоровья, отмечая рост тревожности, депрессии и неврозов у пользователей [6, с. 192]. Постоянное сравнение своей обычной жизни с кураторной, идеализированной жизнью других в ленте «ВКонтакте» вызывает хроническую неудовлетворенность собой. Как следствие, ценность самопринятия и заботы о себе вытесняется навязчивой ценностью соответствия, что наносит прямой ущерб психологическому благополучию личности.

Пересмотр социальных ценностей и коммуникации.

Социальные сети кардинально изменили саму природу общения и дружбы. Л. Д. Федотова в аспектах влияния гаджетов на социум указывает на парадокс: технологии, призванные объединять, одновременно могут вести к социальной изоляции [7, с. 460]. Ценность живого, глубокого эмоционального контакта постепенно замещается ценностью быстрого, поверхностного онлайн-взаимодействия в мессенджерах, таких как Telegram или VK Мессенджер.

Критерием значимости социальных связей становится их количественное выражение: число друзей в «ВКонтакте», лайков и комментариев. Это формирует «экономику внимания», где каждый человек становится своего рода брендом, вынужденным конкурировать за аудиторию. Ценность искренности и уязвимости в отношениях может уступать место ценности создания привлекательного и безупречного имиджа.

Особенно остро это отражается на подростках, чья идентичность находится в стадии активного формирования. Исследование А. В. Шиханцовой о влиянии соцсетей на самооценку подростков демонстрирует прямую зависимость между количеством положительных реакций на публикации и уровнем самооценки молодого человека [1, с. 119]. В такой системе ценность собственного «Я» начинает напрямую зависеть от внешней валидации, получаемой в той же сети «ВКонтакте», что делает личность крайне уязвимой и зависимой от мнения виртуального окружения. Исчезает ценность внутреннего стержня, независимого от внешней оценки.

Ценность времени и внимания в эпоху алгоритмов

Фундаментальным ресурсом, за который борются алгоритмы, является наше внимание и время. Дизайн социальных сетей, основанный на бесконечной ленте «ВКонтакте», уведомлениях в Telegram и коротком, ярком контенте (например, в клипах на RuTube), формирует новые поведенческие паттерны. Ценность концентрации, глубокого погружения в задачу или длительного чтения подвергается эрозии.

Мозг привыкает к постоянной смене стимулов, к быстрому получению «дофаминового вознаграждения» в виде лайка в «Одноклассниках» или смешного видео в рекомендациях. Это приводит к снижению способности к устойчивому вниманию — длительному удержанию внимания. В результате ценность продуктивного, осмысленного использования времени подменяется ценностью постоянного развлечения и избегания скуки. Мы начинаем ценить не процесс глубокого познания или творчества, а момент получения новой порции развлекательного контента из ленты «ВКонтакте» или канала в Telegram, что

делает нас пассивными потребителями, а не активными созидателями.

Подводя итоги, можно сказать, что социальные сети и их алгоритмы серьезно влияют на то, что мы считаем важным в жизни. Платформы вроде «ВКонтакте», Яндекс.Дзена и Telegram не просто показывают нам контент — они активно формируют наши взгляды.

Алгоритмы, стремясь удержать наше внимание, создают индивидуальные ленты новостей. В результате мы видим только то, что нам нравится, и перестаем замечать другие точки зрения. Это может делать нас более категоричными и менее терпимыми к чужому мнению.

Мы начинаем по-другому смотреть на успех. Вместо реальных достижений ценностью становится количество подписчиков, показной образ жизни и внешний лоск. Здоровый образ жизни иногда превращается в одержимость идеальной внешностью, что вредит физическому, и психическому здоровью.

Живое общение постепенно заменяется онлайн-коммуникацией, где главным показателем становятся лайки и количество друзей. Наша самооценка начинает зависеть от одобрения в интернете. Кроме того, мы привыкаем к постоянной смене контента и теряем способность концентрироваться на чем-то серьезном и долгом.

Что же делать в этой ситуации? Важно понимать, как работают социальные сети, и осознанно подходить к их использованию. Нужно учиться фильтровать информацию, делать перерывы в использовании гаджетов и ценить реальное общение. Технологии — это всего лишь инструмент, и именно мы должны решать, как его использовать, а не позволять им управлять нашей жизнью и нашими ценностями.

Литература:

1. Шиханцева, А. В. Влияние социальных сетей на самооценку подростков / А. В. Шиханцева. // Молодой ученый. — 2025. — № 30 (581). — с. 118–123.
2. Дворянкин, О. А. Методики информационного воздействия на человека, в том числе в Интернете / О. А. Дворянкин. // Молодой ученый. — 2023. — № 4 (451). — с. 334–342.
3. Маербеков, А. Е. Влияние цифровых технологий на формирование привычек здорового образа жизни: возможности и риски / А. Е. Маербеков. // Молодой ученый. — 2025. — № 13 (564). — с. 19–21.
4. Прохорова, А. П. Визуальная реклама как причина преобразований, происходящих в повседневности человека / А. П. Прохорова. // Молодой ученый. — 2023. — № 23 (470). — с. 585–587.
5. Шалаев, А. Ю. Воздействие масс-медиа на социум / А. Ю. Шалаев, С. В. Выставкин. // Юный ученый. — 2019. — № 10 (30). — с. 29–31.
6. Облаухова, А. В. Влияние социальных сетей на психическое здоровье человека / А. В. Облаухова. // Молодой ученый. — 2019. — № 23 (261). — с. 192–194.
7. Федотова, Л. Д. Основные аспекты влияния гаджетов на социум / Л. Д. Федотова. // Молодой ученый. — 2024. — № 19 (518). — с. 459–462.

Кинестетики: их особенности, развитие и способы общения с ними

Демина Ольга Владимировна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье автор исследует особенности воспитания и развития детей-кинестетиков, а также особенности общения с кинестетиками-взрослыми.

Ключевые слова: кинестетик, развитие, общение.

Тема изучения преимущественных способов получения человеком информации из внешнего мира встала передо мной неожиданно. Я заметила, что в современном мире всё больше детей относится к типу кинестетиков. Меня заинтересовало, в чём же заключаются их главные особенности, и каковы вообще различия между людьми с разными типами восприятия. Именно поэтому я решила глубже изучить этот вопрос.

Психологи выделяют четыре основных типа восприятия, которые влияют на поведение, предпочтения и способы обработки информации. При этом каждый человек сочетает в себе элементы всех типов восприятия, однако преобладает чаще всего один-два доминирующих способа [2].

Ребёнок-кинестетик воспринимает мир преимущественно через телесные ощущения и движение. У таких детей ярко выражены характерные черты, отличающие их от сверстников с другим восприятием. Рассмотрим подробнее характеристики ребёнка-кинестетика:

1. Любовь к движению:

Кинестетики часто находятся в постоянном движении [1]. Они активны, энергичны и испытывают трудности с длительным сидением на месте. Им необходимо постоянно перемещаться, бегать, прыгать и играть физически.

2. Высокая чувствительность к физическим ощущениям:

Эти дети тонко чувствуют температуру, фактуру предметов, поверхность вещей. Прикасаясь к разным материалам, они получают яркие впечатления и быстро запоминают объекты именно благодаря своим чувствам.

3. Физическое взаимодействие с окружающим миром:

Ребёнок-кинестетик предпочитает учиться и понимать вещи, действуя непосредственно с ними. Чтобы усвоить материал, ему важно потрогать предмет, ощутить его форму, структуру, вес.

4. Развитие мелкой моторики:

Часто интересуются деятельностью, связанной с мелкими движениями пальцев: рисованием, раскрашиванием, конструированием, лепкой. Хорошо развита способность аккуратно обращаться с мелкими предметами.

5. Предпочитают практические задания:

Изучение через игру и физические действия приносит больше удовольствия и понимания, нежели теоретический подход. Простые объяснения становятся эффективнее, если подкреплены наглядностью и движением.

6. Интерактивное обучение:

Важно включать визуализацию и практическую деятельность в процесс обучения. Учебники с картинками, использование карточек, игрушек и конструкторов существенно улучшают восприятие учебного материала.

7. Хорошее чувство ритма и координация:

Многие кинестетики проявляют способности в музыке, танцах, спортивных играх. Их тело прекрасно адаптируется к различным видам физических нагрузок, обеспечивая хорошую координацию движений.

8. Активность и любопытство:

Очень любознательны и открыты новому опыту. Постоянно исследуют окружающую среду, стремятся попробовать всё новое самостоятельно, предпочитают получать знания опытным путём.

Как же организовать воспитание и поддержать развитие такого ребёнка?

Чтобы поддерживать гармоничное развитие ребёнка-кинестетика, родителям рекомендуется уделять внимание следующим аспектам:

— Создавать развивающую среду: игрушки с разными текстурами, спортивные снаряды, пазлы, конструкторские наборы, творческие инструменты.

— Привлечение к активным играм: танцы, спорт, подвижные игры на улице или дома, театральные постановки.

— Использование мультисенсорных методов обучения: сочетать зрительные образы, звук и физическое взаимодействие с предметом обучения.

— Поощрение самостоятельного освоения: позволять пробовать новые дела, поощрять желание экспериментировать и совершать открытия собственными силами.

Таким образом, понимание особенностей ребёнка-кинестетика позволяет подобрать правильный подход к обучению и воспитанию, помогая раскрыть потенциал каждого маленького исследователя.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что воспитание ребёнка-кинестетика требует особого подхода, поскольку дети с таким типом восприятия активно познают мир через тактильные ощущения и движения.

Вот несколько рекомендаций, которые помогут вам создать благоприятные условия для воспитания и развития кинестетика:

1. Обеспечьте физическую активность

Дети-кинестетики любят двигаться и исследовать окружающее пространство своими руками. Представ-

ляйте им возможности для активных занятий спортом, танцами, плаванием, гимнастикой или любыми видами физической активности, которые доставляют удовольствие ребёнку.

2. Используйте тактильные стимулы

Обучайте ребёнка новым вещам через прикосновения. Например, читайте вместе книги с иллюстрациями, позволяйте малышу трогать разные поверхности и предметы разной фактуры. Это способствует лучшему запоминанию и пониманию материала.

3. Организуйте занятия творчеством

Рисование пальцами, лепка из пластилина, создание поделок и аппликаций помогают развивать мелкую моторику и воображение. Такие виды творчества идеально подходят детям-кинестетикам, позволяя выражать эмоции и идеи через движение рук.

4. Поддерживайте сенсорную среду

Создавайте дома обстановку, стимулирующую развитие чувств. Игрушки разных форм и размеров, песочницы, специальные коврики с различными текстурами помогут удовлетворить потребность ребёнка в ощущениях и движении.

5. Применяйте метод игры

Игра — лучший способ изучения мира для детей-кинестетиков. Используйте игровые методы обучения, вовлекающие активное участие тела. Например, изучайте буквы, выкладывая их из макарон или рисуя пальцем на песке.

6. Развивайте двигательные навыки

Включайте упражнения на координацию движений и равновесие в повседневную жизнь ребёнка. Прогулки на свежем воздухе, походы, активные игры на природе укрепят здоровье и способствуют развитию чувства пространства и координации.

7. Будьте терпимы и поддерживающими

Помните, что каждый ребёнок уникален, и важно учить индивидуальные особенности своего малыша. Поддерживайте стремление ребёнка проявлять инициативу и экспериментировать, создавая безопасные условия для исследования окружающей среды.

Следуя этим простым правилам, родители смогут обеспечить гармоничное развитие ребёнка-кинестетика, создав комфортные условия для познания мира и формирования уверенности в себе.

Но ребёнок-кинестетик растёт и коммуницирует. Общение с человеком-кинестетиком, так же, как и воспитание, предполагает особый подход, учитывающий его восприимчивость к физическому контакту, эмоциям и действиям. Ниже приведены рекомендации, которые помогут наладить эффективную коммуникацию с такими людьми:

1. Учтите важность физического контакта

Для многих кинестетиков объятия, похлопывания по плечу или простое касание руки являются важным элементом доверия и взаимопонимания. Однако помните,

что границы личного пространства у каждого индивидуальны, поэтому обязательно уважайте желания собеседника относительно уровня близости.

2. Покажите искреннюю заинтересованность

Кинестетики ценят тепло и открытость. Страйтесь говорить искренне, показывать своё расположение и симпатию. Демонстрируйте готовность выслушать и принять точку зрения другого человека.

3. Используйте живые жесты и мимику

Жесты и мимика позволяют передать дополнительную информацию и эмоции. Выразительная жестикуляция, улыбка, кивок головой помогают создать атмосферу доверительного общения и облегчить восприятие информации.

4. Акцентируйте внимание на опыте и ощущениях

Говорите о конкретных событиях, переживаниях и результатах. Вместо абстрактных понятий рассказывайте историю из своей жизни, делитесь впечатлениями и наблюдениями. Это позволит глубже погрузиться в обсуждение и вызвать отклик у кинестетика.

5. Позвольте выразить эмоции

Эмоциональная выразительность важна для большинства кинестетиков. Позвольте своему собеседнику свободно высказываться, не подавляя проявления эмоций. Проявляйте сочувствие и поддержку, показывая свою заботу и внимание.

6. Соблюдайте комфортную дистанцию

Каждому человеку комфортно находиться на определённом расстоянии от собеседника. Следите за реакцией кинестетика, определяя оптимальную зону комфорта. Избегайте чрезмерной близорукости или наоборот излишней дистанции.

7. Относитесь внимательно к языку тела

Поскольку кинестетики обращают особое внимание на неверbalное общение, будьте внимательны к собственным позам, взглядам и телодвижениям. Четкий взгляд, открытая позиция тела и спокойная манера поведения создают ощущение надежности и честности.

Таким образом, можно отметить, что эффективное общение с кинестетиками строится на понимании их потребности в тактильных ощущениях, живой эмоциональности и искреннем взаимодействии [1]. Забота, поддержка и уважение к индивидуальным особенностям позволят построить крепкие отношения и укрепить доверие друг к другу.

Надеюсь, что знание особенностей кинестетического восприятия откроет новые возможности для личностного роста и эффективного общения. Я рекомендую читателям изучать собственные предпочтения и потребности окружающих, применяя полученные знания на практике. Помните, умение чувствовать и понимать своё тело и окружающих позволит вам стать более чутким и успешным человеком, способным построить гармоничные взаимоотношения и эффективное взаимодействие в обществе.

Литература:

1. Аудиалы, визуалы, кинестетики, дигиталы: почему мы воспринимаем информацию по-разному?. — Текст: электронный // smart-inc.ru: [сайт]. — URL: <https://smart-inc.ru/blog/audialy-vizualy-kinestetiki-digitaly-pochemu-my-vosprinimaem-informatsiyu-po-raznomu/> (дата обращения: 30.12.2025).
2. Лядский, Игорь. Что такое тип восприятия и какие типы восприятия бывают? / Игорь Лядский. — Текст: электронный // wikiGrowth.com: [сайт]. — URL: <https://wikigrowth.com/ru/psychologiya/tip-vospriyatiya/> (дата обращения: 30.12.2025)..

Своеобразие изменений эмоционально-личностных особенностей у ИТ-специалистов в условиях удаленной работы

Зайнуллина Галия Гусмановна, студент магистратуры

Московский городской педагогический университет, Самарский филиал

В статье рассматриваются изменения эмоционально-личностного функционирования ИТ-специалистов при переходе на удаленный формат работы. Показано, что данные изменения целесообразно интерпретировать не как линейное усиление/ослабление отдельных качеств, а как перестройку механизмов адаптации в системе профессиональных требований и ресурсов: возрастает роль техностресса, когнитивной перегрузки, размывания границ «работа — дом», дефицита мгновенной обратной связи и профессиональной изоляции. На основе анализа современной научной литературы описываются специфические проявления выгорания в цифровой среде, изменения мотивации, трансформация саморегуляции и восстановления, а также возможные последствия для инновационности и командного взаимодействия. Предлагается интегративная теоретическая модель изменений и обозначаются практические направления профилактики профессиональных деформаций в удаленных ИТ-командах.

Ключевые слова: удаленная работа, ИТ-специалисты, профессиональное выгорание, техностресс, когнитивная нагрузка, мотивация, саморегуляция, границы «работа — дом», профессиональная изоляция.

Переход ИТ-специалистов на удаленную работу в период пандемии COVID-19 и последующее закрепление гибридных форм занятости привели к существенным изменениям в организации труда и, как следствие, в эмоционально-личностной сфере работников. Современные обзоры подчеркивают, что удаленный формат не является психологически нейтральным: он одновременно может повышать автономию и снижать ряд офисных отвлечений, но также усиливать риски профессиональной изоляции, размывания границ и дефицита восстановления [2; 9; 22].

Актуальность анализа обусловлена тем, что традиционные модели психологии труда и стресса, включая концепцию профессионального выгорания, требуют уточнения применительно к цифровой среде, где меняются источники напряжения и механизмы поддержания вовлеченности [5; 13; 14]. Цель статьи — проанализировать своеобразие изменений эмоционально-личностных особенностей ИТ-специалистов в условиях удаленной работы и предложить теоретическую модель данных изменений. Метод — теоретический анализ и систематизация отечественных и зарубежных исследований по проблематике удаленной занятости, выгорания, техностресса, мотивации и восстановления.

Классическая трехкомпонентная модель выгорания (эмоциональное истощение, деперсонализация/цинизм,

редукция профессиональных достижений) концептуализирована в работах К. Маслач и С. Джексон и получила дальнейшее развитие в исследованиях выгорания как синдрома хронического профессионального стресса [13; 14]. В логике модели требований и ресурсов (Job Demands-Resources, JD-R) выгорание рассматривается как результат дисбаланса между высокими требованиями труда и недостаточными ресурсами (поддержкой, автономией, обратной связью, контролем, возможностями восстановления) [5].

При удаленной работе у ИТ-специалистов меняется структура требований. Существенную роль начинают играть цифровые стрессоры: постоянная работа с множеством приложений и каналов коммуникации, повышенная доступность и ожидание быстрого ответа, а также необходимость поддерживать продуктивность в условиях асинхронности взаимодействий. Эти факторы относятся с концепцией техностресса и его организационных последствий (рост ролевого стресса, снижение продуктивности, ухудшение самочувствия) [16; 19]. Дополнительно к этому, особенности видеосвязи и длительных онлайн-встреч описываются в рамках феномена Zoom fatigue, связываемого с неверbalной перегрузкой, постоянным самоконтролем и спецификой формата общения [4].

Следовательно, при удаленной занятости выгорание у ИТ-специалистов часто проявляется не только эмоциональным истощением как реакцией на интенсивное очное взаимодействие, но и выраженной когнитивной усталостью, снижением концентрации и субъективным ощущением «перегретости» информационных процессов. Данный профиль согласуется с тем, что удаленный формат усиливает требования к вниманию и саморегуляции рабочего режима [18; 20].

Удаленная работа повышает вероятность частых прерываний и переключений контекста задач (мессенджеры, почта, таск-трекеры, звонки). Экспериментальные и полевые исследования показывают, что прерывания связаны с ростом субъективного стресса и ускорением работы ценой повышения напряжения [12], а высокая медиамногозадачность может коррелировать со снижением когнитивного контроля [15]. Для ИТ-деятельности, требующей длительного удержания сложных системных зависимостей (архитектура, контекст кода, логика алгоритмов), подобная когнитивная фрагментация становится значимым фактором истощения.

Несмотря на потенциальное снижение ряда офисных стрессоров, удаленные сотрудники могут чаще сталкиваться с переживанием неопределенности: видимость усилий и вклада падает, а обратная связь становится более редкой и формализованной. В организационно-психологической литературе профессиональная изоляция рассматривается как фактор, ухудшающий субъективное благополучие и связанный с неблагоприятными рабочими исходами [10].

Параллельно повышается риск переживания одиночества и сниженной включенности в команду. Исследования социальной изоляции указывают на ее связь с ухудшением когнитивного и эмоционального функционирования [6], а метааналитические данные подтверждают, что одиночество и социальная изоляция выступают важными предикторами неблагоприятных последствий для здоровья [11]. В контексте удаленных ИТ-команд это означает, что при недостатке регулярной поддерживающей коммуникации и ясных критериев оценки результатов труда могут усиливаться тревожность, сомнения в собственной компетентности и снижение удовлетворенности работой, особенно у сотрудников, ориентированных на частое социальное подкрепление [2; 9].

Теория самодетерминации утверждает, что устойчивой внутренней мотивации способствует удовлетворение трех базовых психологических потребностей: автономии, компетентности и связности (принадлежности) [8; 17]. Удаленная работа действительно нередко повышает автономию за счет гибкости и контроля над режимом труда, однако одновременно может снижать связность и затруднять подтверждение компетентности через оперативную и неформальную обратную связь.

Отсюда следует важный вывод: рост автономии сам по себе не гарантирует усиления внутренней мотивации, если ухудшаются условия удовлетворения потребно-

стей в принадлежности и переживании эффективности. В таком случае возможны снижение вовлеченности и постепенное формирование эмоционального истощения в соответствии с JD-R-логикой дефицита ресурсов [5; 8; 17].

При удаленном формате может трансформироваться роль внешних мотиваторов (вознаграждение, статусные маркеры, карьерные сигналы). Снижается публичность признания и социальная видимость достижений. Одновременно возрастает субъективная значимость организационных ресурсов: прозрачных правил, регулярной обратной связи, предсказуемых коммуникационных процедур и норм цифровой доступности, которые выступают буфером против хронического стресса [5; 22].

При удаленной работе физические и ролевые границы между профессиональной и личной сферами становятся более проницаемыми. Теория границ «работа — семья» и исследования переходов ролей показывают, что их устойчивость поддерживается не только личным намерением, но и пространственно-временными маркерами и социальными ожиданиями [3; 7]. При исчезновении офисных рамок возрастает риск формирования режима постоянной включенности: рабочие задачи присутствуют в нерабочее время, что ухудшает восстановление и повышает вероятность истощения [18; 22].

В модели стресса и восстановления ключевым защитным фактором выступает психологическое дистанцирование от работы, а также качественные формы восстановления (сон, смена деятельности, отдых без рабочих стимулов) [18]. В удаленном формате необходимость самонастройки границ и восстановления возрастает, поскольку внешние ограничения рабочего времени ослабевают, а цифровые каналы остаются постоянно доступными [22].

Удаленная работа оказывает двойственное влияние на продуктивность и креативность: с одной стороны, создает условия для глубокой индивидуальной концентрации, с другой — снижает долю спонтанных обменов в команде и может перестраивать сеть взаимодействий. Исследования на выборках информационных работников показали, что массовый переход на удаленную работу способен изменять паттерны взаимодействия и усиливать силу коммуникации (более выраженное взаимодействие внутри групп при снижении межгрупповых связей) [21]. Классические исследования организационной коммуникации также подчеркивают роль физической близости в частоте рабочих контактов, влияющих на обмен знаниями и инновации [1].

Для ИТ-сфера это означает, что поддержание инновационности требует управляемой архитектуры взаимодействия: регулярных технических обсуждений, кросс-командных сессий, практик совместной рефлексии и механизмов видимости прогресса [1; 21].

Обобщая результаты анализа, изменения эмоционально-личностных особенностей ИТ-специалистов при удаленной работе целесообразно описывать как

следствие перестройки баланса профессиональных требований и ресурсов [5]. Ключевые факторы при переходе на удаленный формат работы включают техностресс и многоканальную когнитивную нагрузку [12; 15; 16; 19], размытие границ и дефицит восстановления [18], [3; 7; 22], а также профессиональную изоляцию и неопределенность обратной связи [10]. Ресурсами выступают автономия, поддержка со стороны руководителя и команды, ясность целей и критериев успеха, а также организационные нормы цифровой гигиены и управляемые коммуникационные практики [2; 9; 20; 22]. На мотивационном уровне критически значимым является сохранение условий удовлетворения потребностей в компетентности и связанности наряду с автономией [8; 17].

Таким образом, удаленная работа для ИТ-специалистов связана с качественной перестройкой психологической адаптации: возрастает роль техностресса, когнитивной перегрузки и размытия границ «работа — дом», что

может формировать профиль истощения с выраженным когнитивным компонентом [12; 16; 18; 19; 22].

Профессиональная изоляция и дефицит спонтанной обратной связи повышают риски тревожности и снижения субъективного благополучия, особенно при недостатке поддерживающей коммуникации [6; 10; 11].

С позиций теории самодетерминации устойчивость мотивации в удаленном формате зависит не только от автономии, но и от сохранения переживания компетентности и принадлежности, что требует организационных решений (регулярная обратная связь, признание, включенность в командные процессы) [8; 17].

Профилактика профессиональных деформаций у удаленных ИТ-специалистов должна включать: регламенты цифровой доступности, развитие навыков саморегуляции и восстановления, мониторинг нагрузки и состояния, а также специально организованные форматы командного взаимодействия для поддержания инновационности и психологической включенности [12; 20; 21; 22].

Литература:

- Allen, T. J. Managing the Flow of Technology: Technology Transfer and the Dissemination of Technological Information within the R&D Organization. Cambridge, MA: MIT Press, 1977.
- Allen, T. D., Golden T. D., Shockley K. M. How effective is telecommuting? Assessing the status of our scientific findings // Psychological Science in the Public Interest. 2015. Vol. 16, № 2. P. 40–68. DOI: 10.1177/1529100615593273
- Ashforth, B. E., Kreiner G. E., Fugate M. All in a day's work: Boundaries and micro role transitions // Academy of Management Review. 2000. Vol. 25, № 3. P. 472–491. DOI: 10.5465/AMR.2000.2791601
- Bailenson, J. N. Nonverbal overload: A theoretical argument for the causes of Zoom fatigue // Technology, Mind, and Behavior. 2021. Vol. 2, № 1. DOI: 10.1037/tmb0000030
- Bakker, A. B., Demerouti E. The Job Demands-Resources model: state of the art // Journal of Managerial Psychology. 2007. Vol. 22, № 3. P. 309–328. DOI: 10.1108/02683940710733115
- Cacioppo, J. T., Hawkley L. C. Perceived social isolation and cognition // Trends in Cognitive Sciences. 2009. Vol. 13, № 10. P. 447–454. DOI: 10.1016/j.tics.2008.10.010
- Clark, S. C. Work/family border theory: A new theory of work/family balance // Human Relations. 2000. Vol. 53, № 6. P. 747–770. DOI: 10.1177/0018726700536001
- Deci, E. L., Ryan R. M. The «What» and «Why» of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior // Psychological Inquiry. 2000. Vol. 11, № 4. P. 227–268. DOI: 10.1207/S15327965PLI1104_01
- Gajendran, R. S., Harrison D. A. The good, the bad, and the unknown about telecommuting: Meta-analysis of psychological mediators and individual consequences // Journal of Applied Psychology. 2007. Vol. 92, № 6. P. 1524–1541. DOI: 10.1037/0021-9010.92.6.1524
- Golden, T. D., Veiga J. F., Dino R. N. The impact of professional isolation on teleworker job performance and turnover intentions // Journal of Applied Psychology. 2008. Vol. 93, № 6. P. 1412–1421. DOI: 10.1037/a0012722
- Holt-Lunstad, J., Smith T. B., Baker M., Harris T., Stephenson D. Loneliness and social isolation as risk factors for mortality: A meta-analytic review // Perspectives on Psychological Science. 2015. Vol. 10, № 2. P. 227–237. DOI: 10.1177/1745691614568352
- Mark, G., Gudith D., Klocke U. The cost of interrupted work: more speed and stress // Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '08). 2008. P. 107–110. DOI: 10.1145/1357054.1357072
- Maslach, C., Jackson S. E. The measurement of experienced burnout // Journal of Occupational Behavior. 1981. Vol. 2, № 2. P. 99–113. DOI: 10.1002/job.4030020205
- Maslach, C., Schaufeli W. B., Leiter M. P. Job burnout // Annual Review of Psychology. 2001. Vol. 52. P. 397–422. DOI: 10.1146/annurev.psych.52.1.397
- Ophir, E., Nass C., Wagner A. D. Cognitive control in media multitaskers // Proceedings of the National Academy of Sciences (PNAS). 2009. Vol. 106, № 37. P. 15583–15587. DOI: 10.1073/pnas.0903620106
- Ragu-Nathan, T. S., Tarafdar M., Ragu-Nathan B. S., Tu Q. The consequences of technostress for end users in organizations: Conceptual development and empirical validation // MIS Quarterly. 2008. Vol. 32, № 2. P. 417–434.

17. Ryan, R. M., Deci E. L. Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness. New York: Guilford Press, 2017. 756 p.
18. Sonnentag, S., Fritz C. Recovery from job stress: The stressor-detachment model as an integrative framework // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. 2015. Vol. 2. P. 261–284. DOI: 10.1146/annurev-orgpsych-032414-111424
19. Tarafdar, M., Tu Q., Ragu-Nathan B. S., Ragu-Nathan T. S. The impact of technostress on role stress and productivity // Journal of Management Information Systems. 2007. Vol. 24, № 1. P. 301–328. DOI: 10.2753/MIS0742-1222240109
20. Wang, B., Liu Y., Qian J., Parker S. K. Achieving effective remote working during the COVID-19 pandemic: A work design perspective // Applied Psychology: An International Review. 2021. Vol. 70, № 1. P. 16–59. DOI: 10.1111/apps.12303
21. Yang, L., Holtz D., Jaffe S., et al. The effects of remote work on collaboration among information workers // Nature Human Behaviour. 2022. Vol. 6. P. 43–54. DOI: 10.1038/s41562-022-01378-5
22. Eurofound, ILO. Working anytime, anywhere: The effects on the world of work. 2017. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/en/publications/2017/working-anytime-anywhere-effects-world-work> (дата обращения: 30.12.2025).

Факторы формирования эмоционально-личностных особенностей у сотрудников ИТ-сферы при разных формах занятости

Зайнуллина Галия Гусмановна, студент магистратуры

Московский городской педагогический университет, Самарский филиал

Статья посвящена анализу факторов, влияющих на эмоционально-личностные особенности ИТ-специалистов при офисной и удаленной занятости. Показано, что форма занятости выступает контекстом, который изменяет баланс профессиональных требований и ресурсов, структуру коммуникаций, условия саморегуляции и восстановления. На основе модели Job Demands-Resources, теории самодетерминации и концепции техноСтесса систематизированы ключевые личностные, деятельностные, социально-психологические и организационные факторы, связанные с мотивацией, стрессом и рисками выгорания у сотрудников ИТ-сферы.

Ключевые слова: ИТ-специалисты, удаленная работа, офисная работа, саморегуляция, техноСтесс, социальная поддержка, выгорание, мотивация.

Введение

ИТ-деятельность характеризуется высокой когнитивной сложностью, необходимостью регулярного обучения, работой в условиях неопределенности и давления сроков. Эти особенности делают эмоционально-личностное функционирование ИТ-специалистов значимым объектом организационно-психологического анализа. Массовое распространение удаленной формы занятости усилило актуальность вопроса: одна и та же профессиональная нагрузка реализуется в разных средовых условиях, меняющих доступность ресурсов и способы адаптации.

Цель статьи — выделить и кратко охарактеризовать ключевые факторы, формирующие эмоционально-личностные особенности ИТ-сотрудников при разных формах занятости.

В качестве базовой объяснительной модели целесообразно использовать подход Job Demands-Resources (JD-R): устойчивость и благополучие зависят от соотношения требований (нагрузка, прерывания, ролевой стресс, временно давление) и ресурсов (поддержка, автономия, ясность роли, обратная связь, возможности восстановления) [1]. Форма занятости меняет этот баланс, а не создает качества личности напрямую.

Мотивационные эффекты удобнее интерпретировать через теорию самодетерминации, согласно которой внутреннюю мотивацию поддерживает удовлетворение потребностей в автономии, компетентности и связности [4]. Удаленный формат нередко усиливает автономию, но может снижать связность и усугублять переживания по поводу своей компетентности при дефиците оперативной обратной связи.

Для ИТ-специалистов обычно значимы внутренние мотиваторы: интерес к задачам, ориентация на мастерство, автономия и профессиональный рост. При удаленной занятости автономия может усиливать внутреннюю мотивацию, однако при недостатке коммуникации и признания возрастает риск субъективной невидимости результата и снижения вовлеченности, что отражает дефицит ресурсов по JD-R-логике [1; 2].

Критичным фактором при удаленной работе становится саморегуляция: планирование, управление вниманием, контроль темпа и восстановление. Если в офисе часть структуры задается средой (ритм, физические границы, наблюдаемость), то при удаленной занятости большая доля контроля переносится на самого работника. Следовательно, индивидуальные различия в саморегу-

ляции начинают сильнее проявляться в виде устойчивой нагрузки, тревожности, прокрастинации и риска истощения.

Прокрастинация рассматривается как типичное саморегуляторное затруднение, связанное не только с дисциплиной, но и с эмоциональным совладанием (тревога, перфекционизм, избегание неопределенности) [9]. Удаленный формат работы может повышать вероятность прокрастинации за счет слабее выраженных внешних ограничителей и большего числа бытовых отвлечений, тогда как офис чаще задает эффект видимости и рабочий ритм.

Когнитивная нагрузка в ИТ остается высокой независимо от формата, однако при удаленной работе возрастает нагрузка от многоканальной цифровой коммуникации и переключения контекстов. При отсутствии договоренностей о коммуникациях (временные окна, правила уведомлений) повышается риск когнитивного истощения и раздражительности, что и подтверждается моделью Job Demands-Resources [1].

Существенное различие форм занятости связано с доступностью социальной поддержки. Профессиональная изоляция удаленных сотрудников ассоциирована с неблагоприятным рабочим исходом и снижением удовлетворенности [5]. Для ИТ-команд это особенно значимо, поскольку в их работе высока роль совместного решения проблем, передачи контекста и неформального обучения.

Вторым фактором являются границы «работа — дом». Удаленная занятость повышает проницаемость границ и риск хронической вовлеченности, когда рабочие задачи продолжают психологически присутствовать вне рабочего времени. Такой режим ухудшает восстановление и может

повышать вероятность выгорания при длительном сохранении высокой нагрузки [8].

В удаленном формате возрастает значимость техностресса — напряжения, связанного с цифровыми инструментами, скоростью изменений и ожиданием постоянной доступности [6; 10]. Техностресс усиливается, если в организации нет норм цифровой гигиены, единых правил коммуникации и поддержки коллег.

Кроме того, в удаленном формате меняется механизм формирования воспринимаемой организационной поддержки: снижается количество повседневных проявлений заботы и признания, поэтому поддержка должна быть более явной — через регулярную обратную связь, ясные критерии оценки результата, доступность руководителя, практики включения сотрудников в командные процессы [3; 7].

Таким образом, форма занятости не задает эмоционально-личностные особенности напрямую, но системно меняет условия, в которых они формируются и проявляются. Офис чаще усиливает связанность и внешнюю структурированность, но может повышать социальные и коммуникативные перегрузки. Удаленная работа чаще увеличивает автономию и гибкость, однако предъявляет повышенные требования к саморегуляции, защите границ и компенсации дефицита социальной поддержки. Практически это означает, что профилактика истощения и поддержание устойчивой мотивации в ИТ-командах должны строиться как управление балансом требований и ресурсов (JD-R), включая нормы коммуникаций, поддержку восстановления, инструменты обратной связи и управленические практики, поддерживающие автономию и связанность.

Литература:

1. Bakker, A. B., Demerouti E. The Job Demands-Resources model: state of the art // Journal of Managerial Psychology. 2007. Vol. 22, № 3. P. 309–328.
2. Deci, E. L., Ryan R. M. The «What» and «Why» of goal pursuits // Psychological Inquiry. 2000. Vol. 11, № 4. P. 227–268.
3. Eisenberger, R., Huntington R., Hutchison S., Sowa D. Perceived organizational support // Journal of Applied Psychology. 1986. Vol. 71, № 3. P. 500–507.
4. Gajendran, R. S., Harrison D. A. Telecommuting meta-analysis // Journal of Applied Psychology. 2007. Vol. 92, № 6. P. 1524–1541.
5. Golden, T. D., Veiga J. F., Dino R. N. Professional isolation in telework // Journal of Applied Psychology. 2008. Vol. 93, № 6. P. 1412–1421.
6. Ragu-Nathan, T. S., Tarafdar M., Ragu-Nathan B. S., Tu Q. The consequences of technostress for end users in organizations // MIS Quarterly. 2008. Vol. 32, № 2. P. 417–434.
7. Rhoades, L., Eisenberger R. Perceived organizational support: Review // Journal of Applied Psychology. 2002. Vol. 87, № 4. P. 698–714.
8. Sonnentag, S., Fritz C. Recovery from job stress // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. 2015. Vol. 2. P. 261–284.
9. Steel, P. The nature of procrastination // Psychological Bulletin. 2007. Vol. 133, № 1. P. 65–94.
10. Tarafdar, M., Tu Q., Ragu-Nathan B. S., Ragu-Nathan T. S. The impact of technostress on role stress and productivity // Journal of Management Information Systems. 2007. Vol. 24, № 1. P. 301–328.

Профилактика интернет-зависимости у подростков: современные подходы и перспективы

Копжурсинова Айсауле Кадирханкызы, студент
Омская гуманитарная академия

В статье рассматривается проблема интернет-зависимости у подростков, обусловленная широким распространением цифровых технологий. Анализируются факторы, способствующие формированию аддиктивного поведения, и виды интернет-зависимости. Обосновывается необходимость комплексного подхода к профилактике данного явления, включающего информирование, развитие альтернативных интересов и психологическую поддержку. Предлагаются перспективные направления профилактической работы, акцентируется важность скоординированных усилий семьи, школы и специалистов. Подчеркивается, что целью профилактики является формирование у подростков здоровых привычек и баланса между онлайн и офлайн активностями.

Ключевые слова: интернет-зависимость, подростки, профилактика, цифровые технологии, аддиктивное поведение, психологическая поддержка, альтернативные интересы, информирование, самоконтроль, онлайн-активности, офлайн-активности.

Актуальность проблемы интернет-зависимости у подростков обусловлена повсеместным распространением цифровых технологий и их интеграцией в повседневную жизнь. Интернет, являясь мощным инструментом для обучения и коммуникации, одновременно представляет собой источник потенциальных рисков, в частности, формирования аддиктивного поведения.

Формирование интернет-зависимости у подростков обусловлено комплексом факторов, включающих индивидуальные психологические особенности, социальное окружение и специфику контента, потребляемого в сети. Недостаток навыков саморегуляции, низкая самооценка, дефицит реального общения и подверженность влиянию сверстников могут способствовать чрезмерному увлечению онлайн-активностями.

Признаки интернет-зависимости могут быть разными, но чаще всего это:

- значительное время, проводимое в интернете, часто с нарушением сна и питания;
- необходимость постоянного общения в социальных сетях или мессенджерах;
- потеря интереса к реальной жизни и отход от обычных социальных контактов;
- снижение производительности в учебе или работе из-за постоянного присутствия в интернете;
- отрицание проблемы и раздражение при попытках контроля или ограничения времени, проведенного в интернете [3].

Ю. Д. Бабаева и А. Е. Войскунский отмечают, что интернет-зависимость может иметь серьезные последствия для здоровья человека. Физические проявления зависимости включают нарушения сна, проблемы со зрением, боли в спине и шее от длительного пребывания в неправильной позе. Психологические последствия включают депрессию, тревожность, социальную изоляцию и снижение самооценки [1].

Как любая зависимость, интернет-зависимость требует осознания проблемы и предпринятия мер для ее преодоления. Психологическая помощь, поддержка со стороны близких и самоконтроль помогают людям выйти из состояния зависимости и установить баланс между реальной и виртуальной жизнью.

Т. Ю. Удалова выделяет несколько видов интернет-зависимости:

1. Зависимость от общения. Обычно такая зависимость возникает у подростков, им постоянно нужно присутствовать в интернет-эфире: социальных сетях, форумах и т. д. Данная зависимость возникает на фоне того, что общение со сверстниками часто не ладится, так как необходимо проявлять такт, уважение, знать, что сказать и выстроить разговор. В интернете общение может проходить непринужденно с любым человеком и без всяких обязательств. Также психологи утверждают, что в подростковом возрасте интернет общение — это неотъемлемая часть их социальной жизни, дети могут находиться рядом, при этом общаться по средствам телефона и интернета, а не разговаривать напрямую;

2. Зависимость от информации. Если онлайн общение для некоторых людей не столь важно, то поиск и поглощение информации делает их также зависимыми от интернета. Информация и ее бесконечный поток увлекает людей, делая их вовлеченным в ее поиск. Однако надо заметить, что большинство людей, зависимых от информации, не углубляются в ее суть, им важно просто ее просмотреть, никаких умозаключений после просмотра они не делаю;

3. Зависимость от игр в интернете. Психологи акцентируют внимание на том, что в последнее время большая часть мужского населения стала интернет-зависимой в связи с играми онлайн. Такая зависимость, с одной стороны безобидная, а с другой — это колоссальная траты времени, денег, а, главное, из-за игр нарушается психика

игрока, так как сюжеты зачастую крайне агрессивные. Если у мужчины наблюдается пристрастие к играм, часто вокруг него рушится все: семья, работа и т. д.;

Киберсексуальная зависимость. Эта зависимость затрагивает преимущественно мужчин, особенно тех, у кого есть проблемы в личной жизни, а также подростков с еще несформированной психикой и не устоявшимися взглядами на жизнь. Данная зависимость опасна тем, что замещение межличностных половых отношений интернетом, может привести к тому, что мужчина не захочет создавать семью, растить детей, ему будет проще и удобнее существовать в интернет пространстве, не имея забот и обязательств [3].

В рамках профилактических мероприятий целесообразно применять комплексный подход, включающий следующие направления:

1) информирование и образование. Проведение лекций, семинаров и тренингов для подростков, родителей и педагогов, направленных на повышение осведомленности о рисках интернет-зависимости, обучение навыкам безопасного использования интернета и критической оценке информации;

2) развитие альтернативных интересов. Стимулирование участия подростков в спортивных, творческих и социально значимых мероприятиях, способствующих расширению круга общения и формированию здоровых увлечений;

3) психологическая поддержка. Организация индивидуальных и групповых консультаций для подростков, испытывающих трудности в общении, саморегуляции и контроле над временем, проводимым в интернете [3].

Эффективность профилактических мероприятий во многом зависит от скоординированных усилий семьи, школы и специалистов в области психологии и педагогики. Важным аспектом является создание поддерживающей и доверительной атмосферы, способствующей открытому обсуждению проблем, связанных с использованием интернета, и своевременному обращению за помощью [1].

По мнению Т. И. Митичевой, перспективные направления профилактики включают разработку интерактивных программ и мобильных приложений, направленных на формирование навыков самоконтроля и осознанного использования цифровых технологий [2].

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что профилактика интернет-зависимости среди подростков требует комплексного подхода и внимания как со стороны родителей, так и школы и общественных организаций. Главной целью является не запрещение использования интернета, а формирование здоровых привычек и баланса между онлайн и офлайн активностями для подростков.

Литература:

1. Бабаева, Ю. Д., Войскунский А. Е. Психологические последствия информатизации [Текст] / Ю. Д. Бабаева, А. Е. Войскунский // Психологический журнал. — 1998. — № 1. — с. 89–100.
2. Митичева, Т. И. Психолого-педагогическая профилактика интернет-зависимости подростков / Т. И. Митичева, Е. С. Хрустова. // Молодой учёный. — 2022. — № 5 (139). — с. 509–511.
3. Удалова, Т. Ю., Аксютина З. А. Краткосрочная профилактика интернет-зависимости у старших подростков // ОмГУ. 2023. № 2. — с. 83–88.

Психологические средства профилактики стресса в профессиональной деятельности медицинских работников

Кошелева Светлана Александровна, студент

Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассматривается проблема профессионального стресса в деятельности медицинских работников как одного из факторов, оказывающих существенное влияние на их психоэмоциональное состояние и эффективность профессиональной деятельности. Анализируются основные источники и проявления профессионального стресса, а также раскрывается содержание психологических средств его профилактики. Особое внимание уделяется индивидуальным, поведенческим и социально-психологическим средствам профилактики, направленным на формирование стрессоустойчивости и сохранение психического здоровья медицинских работников. Обоснована необходимость комплексного подхода к профилактике профессионального стресса, ориентированного на предупреждение эмоционального выгорания и повышение профессиональной устойчивости специалистов в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: профессиональный стресс, медицинские работники, психологическая профилактика, стрессоустойчивость, эмоциональное выгорание, психологическая саморегуляция, психическое здоровье.

Введение. Профессиональная деятельность медицинских работников протекает в условиях повышенной эмоциональной и психологической напряжённости, что обусловлено высокой ответственностью за жизнь и здоровье пациентов, интенсивным темпом труда, необходимостью принятия решений в ситуациях неопределенности, а также регулярным контактом с человеческими страданиями. Совокупность данных факторов формирует устойчивую стрессогенную среду, способную оказывать негативное влияние как на психоэмоциональное состояние специалиста, так и на эффективность его профессиональной деятельности.

Хронический профессиональный стресс в медицинской сфере рассматривается как один из ключевых предикторов развития эмоционального выгорания, психосоматических расстройств, снижения когнитивных функций и профессиональной мотивации. В условиях дефицита кадров и возрастания нагрузки на систему здравоохранения проблема сохранения психологического благополучия медицинских работников приобретает не только индивидуальное, но и социальное значение, напрямую связанное с качеством оказания медицинской помощи.

В современной психологической науке всё большее внимание уделяется разработке и внедрению средств профилактики стресса, ориентированных не на коррекцию уже сформировавшихся нарушений, а на предупреждение их возникновения. Психологические средства профилактики включают в себя как индивидуальные механизмы саморегуляции и стрессоустойчивости, так и организованные формы психологической поддержки, направленные на формирование адаптивных стратегий совладания с профессиональными нагрузками. Однако, несмотря на наличие теоретических разработок, проблема практического применения данных средств в системе здравоохранения остаётся недостаточно изученной.

Особую актуальность приобретает анализ психологических средств профилактики стресса с учётом специ-

фики профессиональной деятельности медицинских работников, различий в условиях труда, уровне ответственности и характере межличностных взаимодействий. Комплексный подход к профилактике профессионального стресса позволяет рассматривать её как важный ресурс сохранения психического здоровья специалистов, повышения их профессиональной устойчивости и предупреждения негативных последствий длительного эмоционального напряжения.

В связи с этим исследование психологических средств профилактики стресса в профессиональной деятельности медицинских работников представляет собой актуальное направление научного анализа и практической психологии, ориентированное на развитие эффективных моделей психологического сопровождения в сфере здравоохранения.

Изложение основного текста статьи. Проблема профессионального стресса в деятельности медицинских работников занимает одно из центральных мест в современной психологии труда. Специфика медицинской профессии связана с постоянным эмоциональным напряжением, высокой ответственностью за результаты профессиональных действий, необходимостью оперативного принятия решений, а также регулярным взаимодействием с пациентами и их родственниками в ситуациях, сопровождающихся болью, тревогой и неопределенностью. Данные обстоятельства формируют устойчивый фон психоэмоциональной нагрузки, который при отсутствии профилактических мер может трансформироваться в хронический стресс и эмоциональное выгорание [1, с. 23].

Исследования последних лет показывают, что профессиональный стресс медицинских работников усиливается в условиях кризисных ситуаций в системе здравоохранения. Так, в период пандемии COVID-19 были выявлены дополнительные стрессогенные факторы, включая повышенные риски для собственного здоровья, дефицит ресурсов, переработки и социальную изоляцию. Ука-

занные условия способствовали росту показателей тревожности, депрессивных состояний и профессионального дистресса среди медицинского персонала [3, с. 12]. Полученные данные подтверждают необходимость системного подхода к профилактике стресса, ориентированного не только на индивидуальные, но и на организационные аспекты профессиональной деятельности.

В психологической науке профилактика стресса рассматривается как комплекс мер, направленных на предупреждение негативных последствий психоэмоцио-

нального напряжения и формирование устойчивых адаптационных механизмов. Психологические средства профилактики стресса включают когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты, обеспечивающие сохранение внутреннего равновесия личности в условиях повышенных профессиональных требований [1, с. 24]. К числу таких средств относятся развитие навыков саморегуляции, формирование конструктивных копинг-стратегий, повышение уровня осознанности и эмоциональной компетентности.

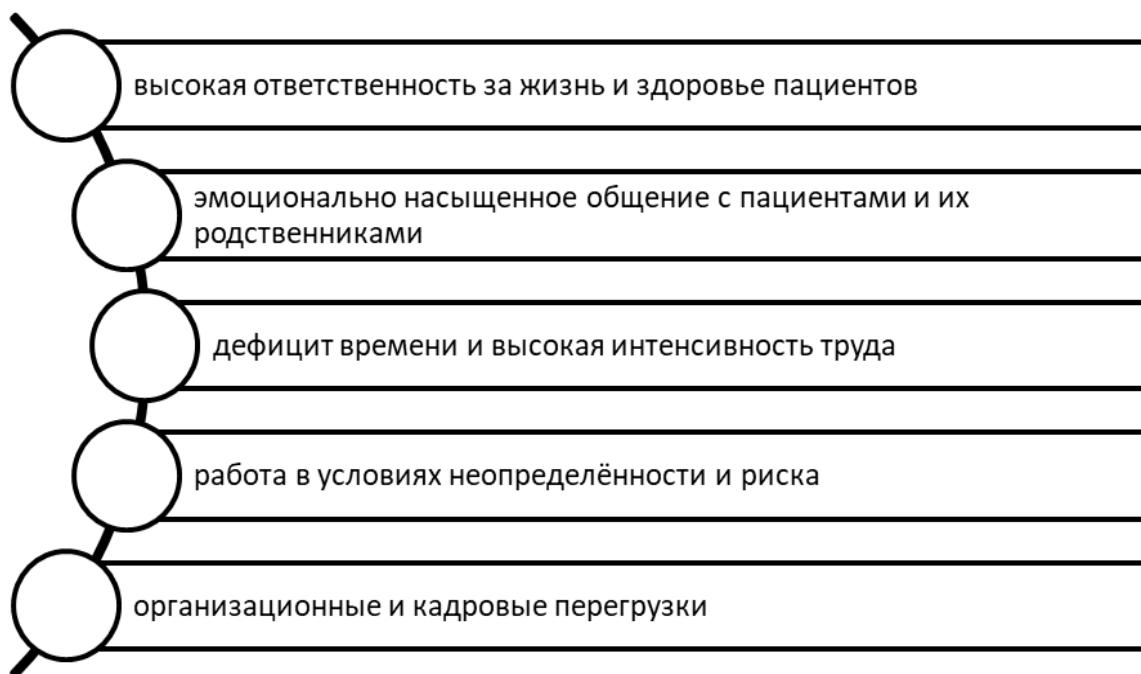

Рис. 1. Источники профессионального стресса

Одним из значимых направлений профилактики профессионального стресса является формирование у медицинских работников навыков психологической саморегуляции. Способность осознавать собственное эмоциональное состояние, управлять уровнем напряжения и своевременно восстанавливать психические ресурсы способствует снижению интенсивности стрессовых реакций и предотвращает развитие эмоционального истощения. Как отмечают исследователи, регулярное использование техник саморегуляции позволяет повысить устойчивость к профессиональным нагрузкам и сохранить продуктивность деятельности в долгосрочной перспективе [1, с. 25].

Важную роль в системе психологической профилактики стресса играет физическая активность как универсальный ресурс поддержания психического благополучия. Несмотря на то что значительная часть исследований посвящена студенческой среде, полученные результаты имеют прикладное значение и для медицинских работ-

ников. Установлено, что регулярная физическая активность способствует снижению уровня тревожности, улучшению эмоционального фона и повышению стрессоустойчивости [4, с. 21; 5, с. 75]. Физиологические механизмы данного эффекта связаны с нормализацией нейрогуморальных процессов и снижением уровня психодоматического напряжения.

Связь между стрессом и физическим состоянием организма подтверждается результатами исследований, демонстрирующих негативное влияние хронического стресса на соматическое и психическое здоровье. Повышенная утомляемость, нарушения сна, снижение концентрации внимания и эмоциональная нестабильность являются типичными проявлениями стрессовых состояний, возникающих при длительном воздействии профессиональных нагрузок [6, с. 29]. В условиях медицинской деятельности подобные проявления могут снижать качество профессионального взаимодействия и повышать риск профессиональных ошибок.

Рис. 2. Психологические средства профилактики стресса

Комплексный подход к профилактике стресса предполагает сочетание индивидуальных и групповых форм психологической поддержки. Групповые программы, направленные на развитие навыков стрессоустойчивости и эмоционального взаимодействия, создают условия для обмена опытом, снижения чувства профессиональной изоляции и формирования поддерживающей среды в коллективе. В то же время индивидуальные психологические средства позволяют учитывать личностные особенности медицинских работников и специфику их профессионального опыта [1, с. 26].

Психологические средства профилактики стресса в профессиональной деятельности медицинских работников представляют собой многоуровневую систему, ориентированную на предупреждение негативных последствий эмоционального напряжения и сохранение психического здоровья специалистов. Их внедрение способствует повышению профессиональной устойчивости, улучшению качества медицинской помощи и формированию более благоприятной психологической среды в учреждениях здравоохранения.

Выходы. Проведённый анализ показал, что профессиональная деятельность медицинских работников характеризуется высокой степенью стрессогенности, обусловленной как спецификой выполняемых функций, так и условиями труда. Хроническое психоэмоциональное

напряжение при отсутствии профилактических мер приводит к снижению адаптационных возможностей организма, развитию эмоционального выгорания и ухудшению общего психического состояния специалистов, что в конечном итоге отражается на качестве профессиональной деятельности.

Установлено, что психологические средства профилактики стресса обладают значительным потенциалом в предупреждении негативных последствий профессионального напряжения. Формирование навыков психологической саморегуляции, развитие конструктивных копинг-стратегий и использование ресурсов физической активности способствуют снижению уровня тревожности, повышению стрессоустойчивости и сохранению эмоционального баланса медицинских работников в условиях повышенных нагрузок.

Таким образом, внедрение комплексных программ психологической профилактики стресса в систему здравоохранения следует рассматривать как важное направление поддержки профессионального здоровья медицинских работников. Систематическое использование психологических средств профилактики позволяет не только снизить выраженность стрессовых реакций, но и повысить устойчивость специалистов к профессиональным вызовам, обеспечивая стабильность и эффективность медицинской деятельности в долгосрочной перспективе.

Литература:

1. Кулжабаева, Л. С., Шаихов Р. О. Психологические средства профилактики стресса в профессиональной деятельности // Наука и образование сегодня. 2018. № 5 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-sredstva-profilaktiki-stressa-v-professionalnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 25.12.2025).

2. Купченко, В.Е. (2023). Факторы профессионального стресса у медицинского персонала в условиях COVID-19. Современная зарубежная психология, 12(2), 53–63. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120205>
3. Профессиональное выгорание, симптомы эмоционального неблагополучия и дистресса у медицинских работников во время эпидемии COVID-19 / С. С. Петров, А. Б. Холмогорова, А. Ю. Суроегина, О. Ю. Микита, А. П. Рой, А. А. Рахманина // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Том 28. № 2. с. 8–45. DOI:10.17759/crp.2020280202
4. Балышева, А. Е. Роль физической активности в снижение стресса и улучшении психического здоровья студентов // Студенческий вестник: сетевое изд. — 2024. — № 23/2 (309). — с. 21–22. — URL: <https://www.internauka.org/authors/balysheva-anna-yevgenyevna> (дата обращения: 24.12.2025).
5. Занина, В. В. Роль физической активности в профилактике и снижении стресса у студентов / В. В. Занина, П. М. Гусев // Тенденции развития науки и образования. — 2024. — № 105/10. — с. 74–78. — Электронная копия сборника доступна на сайте «Центр регистрации DOI». URL: <https://doicode.ru/doifile/lj/105/lj012024p10.pdf> (дата обращения: 24.12.2025).
6. Зиннатуллина, Г. М. Влияние стресса на физическое и психическое состояние здоровья студентов во время экзаменов // Студенческий вестник: сетевое изд. — 2022. — № 39/1 (231). — с. 29–30. — URL: <https://www.internauka.org/authors/yusupova-guzel-valimuhamedovna> (дата обращения: 24.12.2025).

Особенности взаимосвязи тревожности и мотивации к обучению у старшеклассников

Лазарева Елена Ивановна, студент магистратуры
Московский городской педагогический университет, Самарский филиал

В статье рассматривается взаимосвязь тревожности и мотивации к обучению у старшеклассников. Она обусловлена возрастающими требованиями к системе образования, необходимостью повышения качества знаний и подготовки выпускников к успешной адаптации в современном обществе. В период старшего школьного возраста происходят значительные изменения в психоэмоциональной сфере личности, связанные с завершением подросткового периода, формированием идентичности, профессиональным самоопределением и подготовкой к поступлению в высшие учебные заведения. Эти факторы могут оказывать существенное влияние на уровень тревожности и структуру учебной мотивации старшеклассников.

Повышенный уровень тревожности, вызванный стрессом, связанным с учебной нагрузкой, экзаменами, социальными отношениями и неопределенностью будущего, может негативно сказываться на мотивации к обучению, снижать интерес к познавательной деятельности, ухудшать концентрацию внимания и приводить к снижению успеваемости. С другой стороны, низкая мотивация к обучению может способствовать возникновению чувства неуверенности в своих силах, страха перед неудачами и, как следствие, повышению уровня тревожности.

В связи с этим, изучение взаимосвязи тревожности и мотивации к обучению у старшеклассников является актуальной психолого-педагогической задачей, решение которой позволяет разработать эффективные стратегии поддержки и сопровождения учащихся в период подготовки к взрослой жизни. Проблема взаимосвязи тревожности и мотивации в обучении привлекала внимание многих исследователей в области психологии и педагогики.

Изучением тревожности как психологического феномена занимались такие известные ученые, как Ч. Спилбергер, Ю. Ханин, А. М. Приходян, Ф. Б. Березини другие.

Ключевые слова: тревожность, мотивация, обучение, интерес, успеваемость, самоопределение.

Проблема взаимосвязи тревожности и мотивации к обучению у старшеклассников является особенно актуальной в силу возрастной специфики данного периода развития личности. Старший школьный возраст — это время интенсивных психологических изменений, связанных с формированием самоопределения, профессиональной ориентации, выстраиванием системы ценностей и жизненных целей. На фоне этих процессов резко возрастает роль как учебной мотивации, так и уровня тре-

вожности, причём эти два феномена находятся в сложной, подчас противоречивой взаимосвязи.

Тревожность в старшем школьном возрасте часто обусловлена высокими требованиями со стороны школы, родителей и самого ученика к собственным достижениям. Старшеклассники находятся в состоянии необходимости выбора дальнейшего образовательного или профессионального пути, от которого, как им кажется, зависит их будущее. Это объективно усиливает внутреннее напря-

жение, повышает уровень личностной и ситуативной тревожности, особенно в контексте подготовки к экзаменам, конкуренции за места в престижных вузах и стремления соответствовать высоким ожиданиям [14].

Мотивация к обучению в этом возрасте также усложняется: наряду с внешней мотивацией (желание получить хорошую оценку, поступить в вуз, оправдать ожидания родителей) начинает активно формироваться внутренняя мотивация — интерес к познанию, стремление к самореализации через учебную деятельность, желание овладеть знаниями и навыками для будущей профессии. Однако уровень и качество учебной мотивации могут значительно различаться у старшеклассников, в зависимости от их индивидуальных особенностей, стиля воспитания, уровня саморегуляции и социальной среды.

Взаимосвязь тревожности и мотивации к обучению носит двусторонний и многозначный характер. С одной стороны, умеренный уровень тревожности может выступать как положительный фактор, усиливающий учебную мотивацию. Лёгкая тревога мобилизует психические ресурсы, повышает концентрацию внимания, способствует лучшему выполнению учебных задач. Стремление избежать провала на экзамене или разочарования родителей может становиться мощным стимулом для активной учебной деятельности.

С другой стороны, высокий уровень тревожности, особенно личностной и хронической, приводит к ухудшению учебной мотивации. Сильная тревога способна нарушать когнитивные процессы — ухудшать внимание, память, способность к логическому мышлению, снижать уверенность в собственных силах. В условиях высокой тревожности старшеклассники могут проявлять избегающее поведение: откладывать подготовку, избегать выполнения сложных заданий, демонстрировать «псевдомотивацию», внешне имитируя учебную активность без реального погружения в материал. Таким образом, высокая тревожность снижает не только эффективность учебной деятельности, но и ослабляет внутреннюю мотивацию к обучению [5].

Кроме того, важным является то, какова структура мотивации у тревожного старшеклассника. При доминировании мотива избегания неудачи (страх провала, страх наказания) учащийся сосредотачивается не на достижении успеха, а на минимизации риска ошибок. Это приводит к стратегии минимальных усилий, снижению амбиций, отказу от участия в ложных проектах и соревнованиях. Напротив, при доминировании мотива достижения успеха умеренная тревожность может стимулировать активное стремление к самосовершенствованию и преодолению трудностей.

Особенности взаимосвязи тревожности и мотивации также зависят от индивидуальных психологических характеристик старшеклассников. Так, у подростков с внутренним локусом контроля, высоким уровнем саморегуляции и позитивной самооценкой тревожность в меньшей степени деструктивно влияет на учебную мотивацию. Они

способны использовать тревожные сигналы как стимул для планирования, подготовки и мобилизации усилий. У подростков с внешним локусом контроля, низкой самооценкой и выраженной эмоциональной неустойчивостью тревожность быстрее приводит к демотивации и отказу от усилий.

Необходимо также учитывать влияние социальных факторов. Стиль родительского воспитания играет значительную роль: чрезмерно требовательные или критикующие родители способствуют формированию у подростка завышенных ожиданий и повышенной тревожности. Это, в свою очередь, снижает уровень внутренней учебной мотивации, поскольку обучение начинает восприниматься не как интересная и ценная деятельность, а как средство избегания наказания или разочарования взрослых. В то время как поддерживающая, принимающая позиция родителей способствует развитию внутренней мотивации и снижению деструктивной тревожности.

Педагогическая среда также оказывает существенное влияние. Атмосфера сотрудничества, поддержка учителей, ориентированных на личностное развитие ученика, способствуют снижению уровня тревожности и укреплению учебной мотивации. Наоборот, высоко конкурентная, авторитарная учебная среда с постоянной угрозой негативной оценки усиливает тревожность и снижает внутреннюю мотивацию [2].

Отдельного внимания заслуживает проблема экзаменационной тревожности, которая представляет собой специфический вид ситуационной тревожности, возникающей в условиях тестирования знаний.

Экзаменационная тревожность у старшеклассников часто сопровождается соматическими симптомами (сердцебиение, потливость, головная боль), когнитивными нарушениями (блокировка памяти, снижение концентрации) и поведенческими проявлениями (избегание подготовки, уход от ответственности). При высоком уровне экзаменационной тревожности мотивация к обучению может снижаться из-за формирования страха перед самим процессом проверки знаний, а не перед учёбой как таковой.

Таким образом, изучение особенностей взаимосвязи тревожности и мотивации к обучению у старшеклассников показывает, что эта взаимосвязь носит сложный, многомерный характер и зависит от множества факторов: уровня тревожности, структуры мотивации, индивидуально-личностных особенностей, социальной поддержки и характеристик образовательной среды. Для эффективной помощи старшеклассникам в поддержании высокой учебной мотивации и оптимальном уровне тревожности необходим комплексный подход, включающий психологическую поддержку, развитие навыков саморегуляции, формирование позитивной учебной мотивации и создание безопасной и поддерживающей образовательной среды.

Особенности взаимосвязи тревожности и мотивации к обучению у старшеклассников также необходимо рас-

сматривать через призму различных типов тревожности. Так, различают личностную тревожность — как устойчивую индивидуальную характеристику, отражающую склонность воспринимать широкий спектр ситуаций как угрожающие, — и ситуационную тревожность, которая возникает в ответ на конкретные события (например, подготовку к экзамену). В контексте учебной деятельности личностная тревожность оказывает более глубокое, долговременное влияние на мотивационные установки: старшеклассники с высокой личностной тревожностью чаще демонстрируют нестабильную мотивацию, склонны к быстрому снижению учебной активности при столкновении с трудностями [18].

Ситуационная тревожность, в свою очередь, может кратковременно повышать учебную мотивацию, особенно когда ученик воспринимает ситуацию как контролируемую и верит в свои способности справиться с задачами. Однако при частом повторении стрессогенных ситуаций и отсутствии успешного опыта преодоления тревоги возможно перерастание ситуативной тревожности в устойчивую личностную тревожность, что в долгосрочной перспективе снижает учебную мотивацию.

Отдельным аспектом является эмоциональный компонент мотивации, который в условиях повышенной тревожности приобретает особую значимость. Старшеклассники с высокой тревожностью склонны испытывать больше негативных эмоций в процессе обучения: страх ошибок, страх перед оценкой окружающих, неуверенность в правильности своих действий. Эти эмоции способны снижать удовольствие от процесса обучения, приводить к избеганию сложных или требующих усилий заданий, что, в свою очередь, препятствует развитию внутренней учебной мотивации.

Более того, высокий уровень тревожности может исажать когнитивные оценки учащихся относительно своих способностей и достижений. Старшеклассники с выраженной тревожностью склонны занижать собственные успехи, интерпретировать даже нейтральные события как свидетельства своей некомпетентности. Это формирует негативную мотивационную установку: вместо стремления к самореализации появляется ожидание неудачи, которое ещё больше усиливает тревожность и снижает мотивацию [9].

Важно отметить, что степень взаимосвязи тревожности и мотивации может существенно различаться в зависимости от психологических особенностей пола. Исследования показывают, что девушки в старших классах,

как правило, демонстрируют более высокий уровень личностной и экзаменационной тревожности, тогда как юноши чаще проявляют уверенность, но при этом могут испытывать внутреннюю демотивацию, замаскированную внешне спокойным поведением. Эти различия необходимо учитывать при разработке программ психологической поддержки старшеклассников.

Ещё одним значимым фактором является уровень развития навыков саморегуляции. Старшеклассники, обладающие умением осознанно управлять своим эмоциональным состоянием, планировать действия и контролировать выполнение учебных задач, способны более эффективно справляться с тревогой. У таких учеников тревожность реже приводит к демотивации, поскольку они воспринимают стресс как временное, преодолимое явление. В то время как недостаточная сформированность навыков саморегуляции способствует тому, что тревожность становится хроническим фоном учебной деятельности, разрушая внутреннюю мотивацию и снижая продуктивность обучения.

Таким образом, взаимосвязь тревожности и мотивации к обучению у старшеклассников определяется сложным взаимодействием когнитивных, эмоциональных, личностных и социальных факторов. Адекватный уровень тревожности способен поддерживать высокую учебную активность и стремление к достижению успеха, тогда как избыточная тревожность ведёт к снижению мотивации, избеганию трудностей и ухудшению учебных результатов. Эффективная работа с тревожностью — через развитие навыков саморегуляции, формирование позитивной самооценки, создание поддерживающей образовательной среды — является важнейшим условием сохранения и укрепления мотивации к обучению у старшеклассников.

Подводя итог, можно сказать, что теоретические и методологические проблемы исследования особенности взаимосвязи тревожности заключаются не только в сложности самого феномена, но и в необходимости учитывать его многомерность, изменчивость, адаптивный и дезадаптивный потенциал, а также влияние широкого спектра биологических, психологических, социальных и культурных факторов.

Для полноценного понимания тревожности требуется комплексный, междисциплинарный подход, сочетающий достижения клинической психологии, нейронауки, когнитивной психологии, социальной психологии и культурологии.

Литература:

1. Асоциальное поведение подростков [Электронный документ]. — Режим доступа: <http://www.psihdocs.ru/asocialenoe-povedenie-podrostkov.html>
2. Берковиц, Л. Агрессия: причины, последствия, контроль / Л. Берковиц. — М.: Прайм-ЕвроЗнак, 2016. — 512 с.
3. Бэрон, Р. Агрессия / Р. Бэрон. —СПб.:Питер,2018.—352 с.
4. Выготский, Л. С. — О подростковом кризисе [Электронный документ]. — Режим доступа: <https://psyera.ru/4604/l-s-vygotskiy-o-podrostkovom-krizise>

5. Гиппенрейтер, Ю. Б. Общаться с ребенком. Как? / Ю. Б. Гиппенрейтер. — М.: АСТ, 2018. — 238 с.
6. Диянова З., В. Психология личности. Закономерности и механизмы развития личности: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / З. В. Диянова, Т. М. Щеголева. — М.: Юрайт, 2018. — 169 с.
7. Ениколов, С. Н. Понятие агрессии в современной психологии / С. Н. Ениколов // Прикладная психология. — 2018. — № 1. — с. 60–72.
8. Кобзева, О. В. Динамика агрессивности и ее взаимодействия с личностными особенностями в подростковом и юношеском возрастах: автореф.дис.канд.психол.наук/О. В. Кобзева.—М.:Педагогика,2016.—22 с.
9. Кон, И. С. Психология ранней юности: учебное пособие.—М.: Наука, 2015. — 226 с.
10. Осницкий А., К. Психологический анализ агрессивных проявлений учащихся / А. К. Осницкий // Вопросы психологии. — 2016. — № 5. — с. 70–82.
11. Педагогика. Педагогические науки [Электронный документ].— Режим доступа: <http://www.edurus.ru/edunauka/pedagog/256246.htm#XK5BsKDjx1s>
12. Проблемы «трудных» подростков, пути их предупреждения и решения [Электронный документ]. — Режим доступа: <http://www.psihdocs.ru/trudnie-podrostki.html>
13. Психологические особенности подросткового возраста [Электронный документ]. — Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru/view/315308641/sch1vorkuta.ru>
14. Райс, Ф., Долджин К. Психология подросткового и юношеского возраста. — СПб.: Питер, 2014. — 237 с.
15. Реан, А.А Психология подростка: учебник/А. А. Реан. — М.: Наука, 2015. — 480 с.
16. Реан, А. А. Агрессия и агрессивность личности / А. А. Реан // Психологический журнал. — 2017. — № 5. — с. 3–18.
17. Рогов, Е. И. Настольная книга практического психолога в образовании: учебное пособие / Е. И. Рогов. — М.: ВЛАДОС, 2016. — 384 с.
18. Семенюк, Л. М. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции: учебное пособие / Л. М. Семенюк. — М.: Флинта, 2015. — 93 с.
19. Семчук, Л. А. Подход к изучению кризисов в подростковом возрасте/Л. А. Семчук, А. И. Янчий//Возрастная психология.—Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2018. — с. 155.
20. Толстых, Н. Н. Психология подросткового возраста: учебник и практикум для академического бакалавриата / Н. Н. Толстых, А. М. Прихожан. —М.: Юрайт,2016.—406 с.

Методологическая модель телесно-голосовой терапии для психоэмоциональной коррекции молодёжи

Мартынюк Наталья Васильевна, студент магистратуры

Крымский инженерно-педагогический университет имени Ф. Я. Якубова (г. Симферополь)

В статье представлена методологическая модель телесно-голосовой терапии (ТГТ), направленная на психоэмоциональную коррекцию молодёжи. Проведён анализ отечественных и зарубежных исследований в области телесно-ориентированного подхода, психофизиологии голоса и методов психокоррекции. Определены когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты ТГТ, а также их методические основания. Обоснована практическая значимость ТГТ как интегративной технологии снижения тревожности, депрессивных реакций и стрессового напряжения.

Ключевые слова: телесно-голосовая терапия, психоэмоциональные нарушения, молодёжь, психокоррекция, стресс, тревожность.

Постановка проблемы

Современная молодёжь сталкивается с повышенной психоэмоциональной нагрузкой, проявляющейся в тревожности, снижении стрессоустойчивости, эмоциональной нестабильности. Исследователи подчёркивают влияние социальных факторов, информационной перегрузки и высокой степени неопределённости на рост эмоциональных нарушений [1]. В условиях усложняющихся вызовов актуальным становится использование методов психокоррекции, включающих работу с телом,

дыханием и голосом, поскольку именно голос и телесные реакции отражают психофизиологическое состояние человека [2].

Анализ литературы

Телесно-ориентированная психотерапия рассматривает тело как пространство фиксации эмоциональных переживаний и стрессовых реакций (Леви П.) [1]. Зарубежные исследования подчёркивают роль голоса как инструмента эмоциональной регуляции и выражения подавленных состояний (Thompson K.) [2].

По мнению И. С. Коноваловой, дыхательные и голосовые техники оказывают влияние на психофизиологические показатели, в частности, показатели сердечного ритма, мышечного тонуса и уровня тревожности [3]. Интегративные исследования показывают, что сочетание дыхательных, голосовых и телесных техник обеспечивает выраженный терапевтический эффект при работе с молодёжью [4].

Психофизиологические механизмы такого воздействия описаны Schmidt R. [5]. Несмотря на широкий спектр исследований, систематизированная модель телесно-голосовой терапии, ориентированная именно на молодёжную аудиторию, остаётся недостаточно разработанной, что определяет необходимость дальнейшего изучения.

Цель статьи — определить и обосновать методологическую интегративную модель телесно-голосовой терапии для психоэмоциональной коррекции молодёжи.

Изложение основного материала

Телесно-голосовая терапия представляет собой интегративное направление психокоррекционной работы, основанное на целостном подходе к личности, в котором тело, эмоции и голос рассматриваются как взаимосвязанные элементы единой психофизической системы. Методологическая модель ТГТ опирается на сочетание психоаналитических, психофизиологических и телесно-ориентированных концепций, что позволяет воздействовать на различные уровни психоэмоционального функционирования.

Теоретические основания телесно-голосовой терапии

Психоаналитико-эмоциональный компонент ТГТ исходит из положения о том, что голос и телесные реакции отражают бессознательные эмоциональные конфликты личности. Леви П. [1] подчёркивает, что напряжение в теле, особенности дыхания и интонации могут служить индикаторами подавленных переживаний.

Использование голосовых и дыхательных упражнений создаёт безопасные условия для осознания и переработки этих состояний. Thompson K. [2] отмечает, что изменение тембра, громкости и ритма голоса способствует снижению эмоционального напряжения и расширению возможностей самовыражения.

Психофизиологический компонент ТГТ основан на данных о влиянии дыхательных и голосовых техник на функционирование нервной системы. Коновалова И. С. [3] доказывает, что диафрагмальное дыхание в сочетании с голосовым сопровождением приводит к снижению частоты сердечных сокращений, уменьшению мышечного напряжения и стабилизации эмоционального состояния. Schmidt R. [5] описывает механизмы воздействия звуковых вибраций на нейровегетативную регуляцию, подчёркивая их значимость в нормализации психоэмоционального фона.

Литература:

1. Леви, П. Телесно-ориентированная психотерапия: теория и практика. — М.: Питер, 2010. — 256 с.

Интегративный телесно-ориентированный компонент объединяет телесные, дыхательные и голосовые практики в единую систему. По мнению Мещеряковой С. Ю. [4], именно такое сочетание повышает адаптационные ресурсы молодёжи, улучшает коммуникативные навыки и способствует формированию эмоциональной устойчивости в стрессовых ситуациях.

2. Методологическая структура ТГТ

Анализ современных исследований, посвященных телесно-голосовой терапии, позволил описать структуру модели ТГТ, включающей три взаимосвязанных компонента: когнитивный, эмоциональный и поведенческий.

Когнитивный компонент направлен на развитие осознанности, понимание собственных эмоций и формирование навыков саморегуляции. Он включает анализ переживаний, ведение дневника эмоций, переоценку стрессовых ситуаций и снижение когнитивных искажений.

Под эмоциональным компонентом мы понимаем переработку эмоционального напряжения посредством голосовых экспрессий (пение, смех, контролируемый крик), дыхательных техник и голосово-телесных ролевых упражнений, способствующих развитию эмоциональной устойчивости [1; 3].

Поведенческий компонент включает телесные упражнения, релаксационные техники, голосовые вибрации, работу с резонаторами и интонацией [2]. Коммуникативные голосовые практики позволяют перенести полученные навыки в повседневное социальное взаимодействие.

Описанная выше структура является основой психокоррекционной работы, включающей дыхательные техники (диафрагмальное дыхание, дыхание с вокальной вибрацией), голосовые упражнения (вокальная импровизация, работа с тембром и резонаторами, голосовой выброс) и телесные практики (мягкие растяжки, «телесные волны», заземляющие техники). Их применение способствует снижению психоэмоционального напряжения и формированию устойчивых навыков саморегуляции.

Выводы

Телесно-голосовая терапия является перспективным методом коррекции психоэмоциональной сферы современной молодёжи. Предложенная нами интегративная модель включает когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Интегративная модель позволяет устранить недостатки традиционных методов коррекции. Эффективность ТГТ подтверждается исследованиями в области психофизиологии, телесно-ориентированной терапии и голосового воздействия [1–5]. Перспективы дальнейших исследований включают эмпирическую проверку разработанной модели, адаптацию упражнений под различные уровни эмоциональных нарушений, а также изучение влияния личностных особенностей на эффективность ТГТ.

2. Thompson, K. Voice and body therapy in psychological correction. — London: Routledge, 2015. — 312 p.
3. Коновалова, И. С. Влияние дыхательных и голосовых техник на психоэмоциональное состояние // Вопросы психологии. — 2012. — № 6. — с. 34–45.
4. Мещерякова, С. Ю. Телесно-голосовая терапия в работе с молодежью // Практическая психология. — 2018. — № 4. — с. 22–30.
5. Schmidt, R. Psychophysiological mechanisms of voice therapy. — Berlin: Springer, 2016. — 198 p.

Консультирование по развитию эмоционального интеллекта менеджеров: погружение в суть проблемы и поиск эффективных решений

Маштакова Юлия Владимировна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В современном мире бизнеса, где скорость изменений растёт экспоненциально, а конкуренция становится всё более изощрённой, традиционные управленческие навыки перестают быть достаточным условием для успеха. На первый план выходит способность руководителя не просто принимать рациональные решения, но и тонко чувствовать динамику человеческих отношений, управлять собственными эмоциональными состояниями и создавать благоприятный психологический климат в команде. Именно эти компетенции объединяются в понятии эмоционального интеллекта (ЭИ), который сегодня рассматривается как один из ключевых факторов эффективного лидерства.

Если мы обратимся к истории вопроса, то увидим, что концепция эмоционального интеллекта прошла долгий путь от первых интуитивных догадок до строго верифицированных научных моделей. Ещё в 1920-х годах Эдвард Торндайк ввёл понятие социального интеллекта, подразумевая под ним способность понимать людей и эффективно взаимодействовать с ними. Однако настоящий прорыв произошёл в 1990-х, когда Питер Саловей и Джон Майер предложили первую научную модель ЭИ, выделив четыре его компонента: восприятие эмоций, использование эмоций для стимулирования мышления, понимание эмоций и управление эмоциями. Позднее Дэниел Гоулман популяризировал эту концепцию, показав её практическую значимость для менеджмента и включив в модель такие элементы, как самосознание, саморегуляция, мотивация, эмпатия и социальные навыки.

Сегодня, спустя три десятилетия исследований, мы располагаем внушительной доказательной базой, подтверждающей связь эмоционального интеллекта с управленческой эффективностью. Многочисленные исследования демонстрируют, что менеджеры с высоким уровнем ЭИ принимают решения на 20–30 % эффективнее, снижают уровень конфликтности в команде на 15–25 %, повышают вовлечённость сотрудников на 18–22 %, демонстрируют более высокую адаптивность в условиях неопределенности, способны выстраивать долгосрочные

доверительные отношения с партнёрами и клиентами. Эти показатели не являются абстрактными, а напрямую конвертируются в финансовые результаты компании через повышение производительности труда, снижение текучести кадров и рост клиентской лояльности.

Однако возникает закономерный вопрос: как именно развивать эмоциональный интеллект у менеджеров? Традиционные методы обучения, основанные на лекциях и теоретических разборах кейсов, показывают ограниченную эффективность, ведь ЭИ формируется не через усвоение знаний, а через изменение привычных паттернов поведения и рефлексии. Именно поэтому современные подходы к консультированию по развитию ЭИ делают акцент на практико-ориентированных техниках, позволяющих трансформировать теоретические знания в устойчивые навыки.

Одним из наиболее научно обоснованных методов является программа RULER, разработанная Йельским центром эмоционального интеллекта. Эта методика представляет собой целостную систему развития ЭИ через пять последовательных этапов: распознавание эмоций (Recognizing), понимание их причин и последствий (Understanding), точное обозначение эмоциональными словами (Labeling), экологичное выражение чувств (Expressing) и регуляция эмоциональных состояний (Regulating). Ключевое преимущество RULER заключается в её структуированности: она не оставляет участника наедине с абстрактной задачей стать эмоционально умнее, а предлагает чёткий алгоритм действий на каждом этапе. Исследования, проведённые с участием 427 менеджеров, показали, что систематическое применение RULER в течение шести месяцев приводит к росту показателей ЭИ на 27 % по стандартизированному тесту MSCEIT. Более того, метаанализ 15 исследований за период 2019–2023 годов подтвердил, что внедрение этой методики повышает лидерскую эффективность в среднем на 19 %, что делает её одним из наиболее доказанных подходов в данной области.

Кроме RULER, заслуживает внимания техника «Эмоциональный дневник», основанная на принципах ког-

нитивно-поведенческой терапии. Её суть заключается в систематической рефлексии над собственными эмоциональными реакциями через фиксацию конкретных ситуаций, телесных ощущений, автоматических мыслей и альтернативных вариантов поведения. Регулярное ведение такого дневника позволяет менеджеру развивать навык осознанного наблюдения за собственными эмоциями; выявлять когнитивные искажения, приводящие к неадекватным реакциям; формировать более гибкие способы реагирования на стрессовые ситуации. Эмпирические исследования подтверждают, что применение этой техники снижает импульсивность решений на 23 % и повышает осознанность эмоциональных реакций на 31 %. Примечательно, что «Эмоциональный дневник» не требует значительных временных затрат: даже 10–15 минут ежедневных записей способны привести к заметному прогрессу уже через 4–6 недель.

Ещё один интересный подход — метод «Зеркальное отражение», заимствованный из нейролингвистического программирования и актёрских техник. Его основа — сознательная имитация неверbalных сигналов собеседника (мимики, жестов, интонаций) для развития эмпатии и улучшения взаимопонимания. Экспериментальные данные показывают, что после восьми сеансов такой практики точность распознавания эмоций возрастает на 28 %, а качество обратной связи в команде улучшается на 21 %. Этот метод особенно ценен для менеджеров, работающих в мультикультурных коллективах, где невербальная коммуникация играет ключевую роль.

Но как сделать эти техники максимально доступными и эффективными в условиях современного бизнеса? Ответ кроется в цифровизации процессов обучения. Цифровые инструменты открывают принципиально новые возможности для развития ЭИ, позволяя создавать безопасную среду для экспериментов с поведением, обеспечивать многократное повторение сложных сценариев, автоматически фиксировать и анализировать паттерны реакций, масштабировать обучение на сотни сотрудников одновременно. Рассмотрим ключевые технологические решения.

Виртуальная реальность (VR) представляет собой наиболее продвинутую форму цифровых симуляций. Платформы вроде Talespin позволяют погружать менеджеров в реалистичные сценарии от сложных переговоров до кризисных коммуникаций с полной имитацией невербальных сигналов и эмоциональной динамики. Исследования PwC (2023) показывают, что VR-тренинги повышают усвоение навыков на 40 % по сравнению с традиционными лекциями. Это объясняется нейрофизиологическими механизмами: при цифровой симуляции активизация префронтальной коры на 29 % выше, чем при чтении кейсов (данные fMRI-исследований 2023 года).

Чат-боты на основе больших языковых моделей (например, GPT-4) открывают новые горизонты в развитии коммуникативных навыков. Они способны анализировать эмоциональную окраску текста, давать обратную связь по тону сообщений, моделировать сложные диалоги с учётом

психологических особенностей собеседников. Эксперименты MIT Sloan (2022) продемонстрировали, что использование таких ботов снижает тревожность при отработке конфликтных диалогов на 33 %. Это особенно ценно для менеджеров, которым необходимо совершенствовать письменную коммуникацию, например при составлении сложных писем или обратной связи сотрудникам.

Веб-платформы гибридного формата (такие как Mursion) сочетают преимущества цифровых технологий и живого взаимодействия. В них виртуальные персонажи управляются операторами-тренерами, что позволяет адаптировать сложность сценариев под конкретного участника. Такие решения обеспечивают баланс между стандартизацией процесса и персонализацией обратной связи.

Теперь перейдём к практической стороне вопроса: как выстроить процесс консультирования по развитию ЭИ? Оптимальная программа включает четыре последовательных этапа.

На первом этапе (длительность — две недели) проводится комплексная диагностика текущего уровня ЭИ. Она включает: тестирование по стандартизованным методикам (MSCEIT или EQ-i 2.0); ассессмент-центр с деловыми кейсами; сбор обратной связи от коллег, подчинённых и руководителей (метод «360 градусов»). Цель этого этапа — не просто измерить стартовые показатели, но и выявить индивидуальные зоны роста для каждого менеджера. Например, один может демонстрировать высокий уровень самосознания, но испытывать сложности с управлением конфликтами; другой — хорошо понимать эмоции других, но не уметь регулировать собственные реакции.

Второй этап (восемь недель) посвящён индивидуальной работе. Первые четыре недели фокусируются на освоении метода RULER и ведении «Эмоционального дневника». Участники учатся распознавать микровыражения на лицах коллег, анализировать причины своих эмоциональных реакций, подбирать точные слова для описания чувств, выражать критику без агрессии, применять техники саморегуляции в стрессовых ситуациях. Следующие четыре недели посвящены отработке навыков в цифровых ролевых играх: участники проходят четыре сценария по два часа каждый, фокусируясь на разных аспектах ЭИ (критика подчинённого, переговоры с партнёром, мотивация команды, разрешение конфликта).

Третий этап (четыре недели) включает групповые модули, где навыки, отработанные индивидуально, переносятся в командный контекст. Здесь проводятся мастер-классы по эмпатическому слушанию, командные симуляции переговоров, рефлексивные сессии с видеоанализом поведения. Важная особенность этого этапа — возможность наблюдать за реакциями других участников и получать обратную связь от группы.

Четвёртый этап — мониторинг результатов. Через три месяца после начала программы проводится повторное тестирование по тем же методикам, что и на старте. До-

полнительно анализируются операционные показатели: текучесть кадров в подразделениях, которыми руководят участники; удовлетворённость клиентов; скорость принятия решений; количество конфликтных ситуаций. Такой комплексный подход позволяет оценить не только субъективный рост ЭИ, но и его влияние на бизнес-результаты.

При внедрении подобных программ важно учитывать возможные ограничения и риски. Технологические барьеры могут возникнуть из-за недостаточного качества интернет-соединения или устаревшего оборудования. Психологические препятствия связаны с сопротивлением цифровизации у менеджеров старшего поколения: для них особенно важен постепенный ввод цифровых инструментов и демонстрация их практической пользы. Методические сложности возникают при попытке адаптировать универсальные сценарии под специфику конкретной компании; здесь ключевую роль играет участие внутренних экспертов, способных модифицировать кейсы с учётом корпоративной культуры и отраслевых особенностей.

Подводя итоги, можно утверждать, что развитие эмоционального интеллекта у менеджеров через цифровые ролевые игры и научно обоснованные техники (RULER, «Эмоциональный дневник», «Зеркальное отражение») представляет собой перспективное направление организационного развития. Его преимущества: доказанная эффективность (рост ЭИ на 19–27 %), масштабируемость (одновременное обучение сотен сотрудников), измеримость результатов (аналитика цифровых платформ), экономическая целесообразность (снижение затрат на обучение на 40–60 % при сохранении качества). Однако успех внедрения зависит от соблюдения ряда ключевых принципов.

Прежде всего необходимо отказаться от подхода универсального рецепта. Эмоциональный интеллект — не монолитная способность, а сложная система взаимосвязанных навыков, причём у каждого менеджера формируется уникальный профиль ЭИ с сильными и слабыми сторонами. Поэтому программа развития должна начинаться с глубокой диагностики, выявляющей:

- уровень самосознания (способность распознавать собственные эмоции и их влияние на поведение);
- навыки саморегуляции (умение сохранять хладнокровие в стрессовых ситуациях);
- социальную осведомлённость (эмпатия, понимание групповых динамик);
- компетенции управления отношениями (вдохновение, урегулирование конфликтов, построение сетей).

Без такого анализа даже самые продвинутые техники рискуют оказаться неэффективными: например, менеджер с высоким уровнем эмпатии, но слабой саморегуляцией нуждается в иных инструментах, чем руководитель с развитым самоконтролем, но дефицитом социальной чувствительности.

Второй критический фактор — интеграция обучения в повседневную управлеческую практику. Развитие ЭИ

не должно восприниматься как внеурочное мероприятие, отделённое от реальных рабочих задач. Оптимальная стратегия предполагает:

- еженедельное применение техник (например, введение «Эмоционального дневника» по итогам ключевых встреч);

- включение элементов ЭИ в регулярные рабочие процессы (обратная связь с подчинённым с акцентом на эмоциональное состояние, анализ настроения команды на планёрках);

- использование цифровых инструментов в режиме «по требованию» (чат-бот для проверки тона письма перед отправкой, VR-симулятор для подготовки к сложному разговору).

Такой подход обеспечивает не просто усвоение знаний, а формирование устойчивых поведенческих паттернов. Исследования показывают, что менеджеры, интегрировавшие техники ЭИ в ежедневную рутину, демонстрируют на 37 % более высокую устойчивость навыков через шесть месяцев после завершения программы.

Третий принцип — баланс между цифровыми и живыми форматами. Хотя VR-симуляторы и чат-боты обладают неоспоримыми преимуществами, полностью заменять ими человеческое взаимодействие нецелесообразно. Живые групповые сессии выполняют несколько уникальных функций:

- создают пространство для обмена опытом (участники учатся на ошибках и успехах коллег);

- позволяют отрабатывать тонкие нюансы невербальной коммуникации (микровыражения, паузы, интонации), которые сложно имитировать в цифровом формате;

- формируют чувство психологической безопасности (поддержка группы снижает страх провала при эксперименте с новыми моделями поведения).

Оптимальное соотношение — 60 % практики в цифровой среде и 40 % живых взаимодействий. Это обеспечивает как масштабируемость программы, так и глубину проработки навыков.

Четвёртый важный элемент — система обратной связи и мониторинга. Развитие ЭИ — процесс нелинейный, и участникам необходимо регулярно получать объективные данные о прогрессе. Для этого рекомендуется:

- проводить промежуточные замеры (каждые 4–6 недель) с использованием стандартизированных тестов (MSCEIT, EQ-i 2.0);

- анализировать цифровые метрики (например, динамику тональности переписки, скорость реакции в конфликтных сценариях);

- организовывать индивидуальные сессии рефлексии с коучем для интерпретации результатов;

- сопоставлять субъективные оценки с объективными бизнес-показателями (текущесть кадров, удовлетворённость клиентов, скорость принятия решений).

Такая многомерная оценка позволяет вовремя корректировать программу: усиливать работу над отстающими

компетенциями, адаптировать сценарии под меняющиеся потребности бизнеса, мотивировать участников через демонстрацию реальных результатов.

Пятый принцип — учёт контекста организации. Универсальные техники ЭИ необходимо адаптировать под:

— отраслевые особенности (например, в ИТ-компаниях акцент на управление удалёнными командами, в ритейле — на клиентоориентированность);

— корпоративную культуру (в иерархических структурах — навыки делегирования с учётом эмоционального состояния подчинённых, в гибких командах — совместное принятие решений);

— стадию развития компании (стартапы требуют умения вдохновлять в условиях неопределённости, зрелые компании — навыков урегулирования конфликтов интересов).

Например, для менеджеров фармацевтической отрасли целесообразно включать сценарии переговоров с регуляторами, где критична точность формулировок и эмоциональная сдержанность; для руководителей в сфере услуг — кейсы по работе с недовольными клиентами, требующие сочетания эмпатии и твёрдости.

Перспективы развития направления

Несмотря на значительные достижения в области развития ЭИ, ряд вопросов остаётся открытым и формирует поле для будущих исследований:

1. Влияние ЭИ на инновационную активность. Пока недостаточно данных о том, как эмоциональный интеллект руководителей коррелирует с готовностью команды предлагать нестандартные решения. Есть гипотеза, что высокий уровень эмпатии и психологической безопасности стимулирует креативность, но требуются масштабные лонгитюдные исследования.

2. ИИ-ассистенты для мгновенной коррекции эмоций. Появление генеративных моделей открывает возможности создания цифровых наставников, способных в реальном времени анализировать речь менеджера и предлагать альтернативные формулировки. Однако этические аспекты такого вмешательства (например, риск потерять аутентичности) требуют тщательного обсуждения.

3. Кросс-культурные модели ЭИ. Большинство существующих методик разработаны для западных культур, где ценятся открытость и прямота. В восточных обществах, где важны иерархия и непрямая коммуникация, необходимы иные инструменты оценки и развития. Создание универсальных, но адаптивных программ — одна из ключевых задач на ближайшие 5–7 лет.

4. Нейрофизиологические маркеры ЭИ. Развитие методов нейровизуализации (fMRI, ЭЭГ) позволяет связывать конкретные паттерны мозговой активности с успешностью применения техник ЭИ. Это может привести к персонализации программ на основе индивидуальных когнитивных профилей.

5. ЭИ в условиях удалённой работы. Пандемия ускорила переход к гибридным форматам, но влияние цифровых коммуникаций на эмоциональный интеллект

изучено слабо. Например, неясно, как отсутствие физического контакта влияет на развитие эмпатии или как компенсировать это через технологии.

Практические рекомендации для внедрения

На основе анализа лучших практик и эмпирических данных можно сформулировать следующие рекомендации для организаций, планирующих программу развития ЭИ:

1. Начните с пилотного проекта. Выберите группу из 15–20 менеджеров с разным уровнем ЭИ и протестируйте программу в течение 3–4 месяцев. Это позволит выявить технические и методические узкие места, оценить реальную вовлечённость участников, скорректировать сценарии под специфику компании.

2. Обеспечьте поддержку топ-менеджмента. Публичное участие руководителей высшего звена в программе (даже в роли наблюдателей) повышает доверие к инициативе и снижает сопротивление изменениям. Особенно важно, чтобы первые лица демонстрировали применение техник ЭИ в реальных рабочих ситуациях.

3. Создайте инфраструктуру для непрерывного обучения. Разработайте библиотеку цифровых сценариев по ключевым управленческим задачам, чат-бот с подсказками по ЭИ, ежемесячные вебинары с разбором сложных кейсов. Это поддержит мотивацию участников после завершения основного курса.

4. Интегрируйте ЭИ в систему оценки персонала. Включите показатели эмоционального интеллекта в КРП менеджеров, например:

— количество проведённых развивающих бесед с подчинёнными;

— индекс психологической безопасности команды (по опросам);

— скорость урегулирования конфликтных ситуаций.

Это закрепит новые навыки как часть корпоративной культуры.

5. Используйте смешанные форматы оценки. Комбинируйте:

— объективные тесты (MSCEIT);

— наблюдения за поведением в симуляциях;

— обратную связь от коллег и подчинённых;

— анализ цифровых следов (тональность переписки, время реакции на запросы).

Такой подход минимизирует субъективность и повышает достоверность результатов.

6. Уделяйте внимание рефлексии. После каждого значимого события (переговоров, совещаний, обратной связи) выделяйте 5–10 минут на анализ:

— Какие эмоции я испытывал?

— Как эмоции повлияли на мои решения?

— Что можно было сделать иначе?

Постепенно это станет привычкой, усиливающей долгосрочный эффект программы.

7. Адаптируйте контент под поколения. Для молодых менеджеров (до 35 лет) делайте акцент на цифровых инструментах и геймификации, для опытных руководителей

(старше 45 лет) — на практическом применении техник в знакомых сценариях с постепенным введением технологий.

8. Формируйте сообщество практики. Создайте закрытую группу в корпоративном мессенджере, где участники смогут:

- делиться успехами и трудностями;
- запрашивать советы по сложным ситуациям;
- проводить мини-тренинги друг для друга.

Это поддержит вовлечённость и ускорит обмен опытом.

9. Отслеживайте ROI. Повышайте коэффициент окупаемости через:

- снижение затрат на подбор замены уволившимся сотрудникам;
- рост производительности труда в командах участников;
- сокращение времени на урегулирование конфликтов.

Чёткие цифры помогут обосновать расширение программы.

10. Обновляйте контент регулярно. Каждые 6–12 месяцев добавляйте новые сценарии, отражающие изменения в бизнес-среде (например, кейсы по управлению гибридными командами или кризисной коммуникации в соцсетях). Это сохранит актуальность обучения.

Заключение

Ключевой вывод: эмоциональный интеллект перестаёт быть мягким навыком в классическом понимании и становится **критической компетенцией** современного руководителя. Его развитие требует не эпизодических тренингов, а системной работы, сочетающей:

- научно обоснованные методики (RULER, когнитивно-поведенческие техники);

Литература:

1. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект / Д. Гоулман; пер. с англ. — Москва: АСТ, 2020. — 544 с.
2. Голубкова, О. А. Организационное поведение: теория и практика: учеб. пособие / О. А. Голубкова, С. В. Сатикова. — Санкт-Петербургский филиал Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики». — Санкт-Петербург: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ, 2013. — 224 с.
3. Гулевич, О. А. Психология коммуникации. — Москва: Московский психолого-социальный институт, 2007.— 384 с.
4. Ashforth, B. E., & Humphrey, R. H. (1995). Emotion in the workplace: A reappraisal. *Human Relations*, 48, 97-125.
5. Barsade, S. G. What's Love Got to Do with It? / S. G. Barsade, O. A. O'Neill // *Administrative Science Quarterly*. — 2020. — Vol. 65, No. 3. — P. 737–777.
6. Brackett, M. The RULER Approach to Social and Emotional Learning / M. Brackett, S. Rivers, M. Warren. — New York: Teachers College Press, 2021. — 288 p.
7. Boyatzis, R. E. Competency-Based Assessment and Development in Organizations / R. E. Boyatzis, D. Goleman, K. Rhee // *Human Resource Management Review*. — 2019. — Vol. 29, No. 1. — P. 45–60.
8. Cherniss, C. Emotional Intelligence in the Workplace: A Review of Research / C. Cherniss // *Journal of Organizational Behavior*. — Wiley, 2022, t. 43, release 5.
9. Côté, S. Emotional Intelligence and Leadership Effectiveness / S. Côté // *The Leadership Quarterly*. — 2020. — Vol. 31, No. 4. — Article 101307.
10. Davenport, T. H., & Foutty, J. AI-Driven Leadership. *MIT Sloan Management Review*. 2022.
11. Ekman, P. *Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life*. — New York: Times Books.

— цифровые инструменты (VR-симуляторы, ИИ-ассистенты, аналитические платформы);

— интеграцию в повседневные управленческие процессы;

— культуру обратной связи и рефлексии.

В перспективе 5–10 лет можно ожидать, что:

— ЭИ станет обязательным компонентом корпоративных моделей компетенций;

— появятся персонализированные ИИ-решения для мгновенной коррекции эмоционального состояния;

— кросс-культурные программы ЭИ позволят масштабировать практики на глобальном уровне;

— нейрофизиологические исследования дадут возможность точно таргетировать тренинги под индивидуальные когнитивные профили.

Для организаций, готовых инвестировать в это направление уже сегодня, открываются три стратегических преимущества:

1. Снижение кадровых рисков. Менеджеры с высоким ЭИ эффективнее удерживают сотрудников и снижают текучесть.

2. Ускорение адаптации к изменениям. Эмоционально грамотные лидеры быстрее находят решения в условиях неопределённости.

3. Укрепление репутации. Компании с эмоционально интеллектуальным менеджментом воспринимаются как привлекательные работодатели и надёжные партнёры.

Таким образом, развитие эмоционального интеллекта у менеджеров — это не просто тренд, а фундаментальное условие выживания и роста в эпоху, где человеческий фактор становится главным конкурентным преимуществом. Те, кто осознает это сегодня, получат долгосрочный выигрыш завтра.

12. Goleman, D. Working with Emotional Intelligence. — New York: Bantam Books, 1998. — 384 p.
13. Harvard Business Review. The Future of Leadership Development: Digital Simulations and Empathy Training // HBR Special Report. — Boston: Harvard Business Publishing, 2022. — 45 p.
14. López, P. N. Emotional Intelligence and Leadership: A Meta-Analysis / P. N. López, D. Salovy, J. Côté // Journal of Management. — 2022. — Vol. 48, No. 2. — P. 345–367.
15. Mayer, J. D. Emotional Intelligence: New Ability or Eclectic Traits? / J. D. Mayer, P. Salovy, D. R. Caruso // American Psychologist. — 2008. — Vol. 63, No. 6. — P. 503–517.
16. Petrides, K. V. The EI Meta-Analysis: A Reply / K. V. Petrides, A. Furnham // Journal of Organizational Behavior. — 2021. — Vol. 42, No. 7.
17. PwC. Virtual Reality in Corporate Training: 2023 Global Report. — London: PwC Publications, 2 Newton Street, London WC2R 1LH, 2023. — 84 p.

Интегративная стратегия работы с иррациональными убеждениями в когнитивно-поведенческом консультировании клиентов с депрессией

Могутин Артем Юрьевич, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Статья посвящена актуальной проблеме повышения эффективности психологического консультирования при депрессии через оптимизацию работы с иррациональными убеждениями (ИУ) — ключевым мишенем когнитивно-поведенческой терапии (КПТ). Несмотря на наличие мощных терапевтических систем (когнитивная терапия А. Бека и рационально-эмотивно-поведенческая терапия А. Эллиса), в практике наблюдается дефицит четких критериев для стратегического комбинирования их техник. Цель статьи — обосновать и описать модель этапной интеграции методов Бека и Эллиса, основанную на уровневой диагностике ИУ. В теоретической части проводится сравнительный анализ моделей ИУ у Бека (акцент на содержании и иерархии схем) и Эллиса (акцент на абсолютистской форме требований), выявляется их комплементарность. В методической части представлена авторская модель работы консультанта, устанавливающая соответствие между уровнем убеждения схемы (автоматические мысли, промежуточные правила, глубинные /требования) и оптимальным набором техник. Особое внимание уделяется логике перехода от поведенческой активации и когнитивного реструктурирования к модификации глубинных схем и формированию рациональной жизненной философии. Делается вывод, что предложенный интегративный подход, основанный на детальной когнитивной концептуализации, позволяет проводить более дифференцированное, а следовательно, и более эффективное терапевтическое вмешательство, направленное на снижение когнитивной уязвимости к депрессии.

Ключевые слова: депрессия, иррациональные убеждения, когнитивно-поведенческая терапия (КПТ), рационально-эмотивно-поведенческая терапия (РЭПТ), интегративный подход, когнитивная концептуализация, психологическое консультирование.

Введение

Депрессивные расстройства остаются одной из наиболее значимых проблем глобального здравоохранения [1]. Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ), обладающая солидной доказательной базой, утверждалась в качестве «золотого стандарта» психологического лечения депрессии [2]. Ее центральным механизмом является работа с иррациональными (дезадаптивными) убеждениями, которые, согласно когнитивной модели, играют ключевую роль в возникновении и поддержании депрессивной симптоматики [3; 4].

В рамках КПТ сформировались две фундаментальные и детально разработанные системы работы с ИУ: когнитивная терапия Аарона Бека и рационально-эмотивно-поведенческая терапия (РЭПТ) Альберта Эллиса. Однако анализ практики и научной литературы выявляет

существующий пробел: ощущается дефицит работ, предлагающих четкие, практико-ориентированные алгоритмы интеграции методов Бека и Эллиса, стратегически связывающие тип и уровень ИУ с оптимальным набором техник [5].

Целью данной статьи является теоретическое обоснование и описание интегративной стратегии работы с иррациональными убеждениями при депрессии, основанной на этапности и уровневой типологии убеждений.

Основная часть

1. Теоретические основания для интеграции: сравнительный анализ моделей Бека и Эллиса

Иррациональные убеждения в модели А. Бека структурированы иерархически: ситуативные автоматические мысли порождаются промежуточными убеждениями (условные правила «если..., то...»), которые, в свою оче-

редь, происходят из глубинных схем (устойчивых негативных представлений о себе, мире и будущем) [3]. Фокус подхода Бека — содержание мышления, его реалистичность. Техники (дневник мыслей, сократический диалог, поведенческие эксперименты) направлены на эмпирическую проверку и модификацию этого содержания.

А. Эллис делал акцент не на содержании, а на абсолютистской форме мышления. В основе эмоциональных расстройств, по Эллису, лежат ригидные требования — «долженствования» к себе, другим и миру, из которых выводятся катастрофизация и низкая фрустрационная толерантность [6]. Техника РЭПТ — активное оспаривание (логическое, эмпирическое, прагматическое) этих требований с целью формирования новой философии, основанной на безусловном самопринятии [7].

Таким образом, модели являются комплементарными: подход Бека детально описывает, какие мысли возникают у клиента, а подход Эллиса объясняет, почему эти мысли иррациональны (из-за их требовательной формы). Эта комплементарность служит теоретическим фундаментом для их стратегической интеграции в практике.

2. Интегративная этапная модель работы консультанта

Предлагаемая модель предполагает, что выбор техники определяется, в первую очередь, уровнем иррационального убеждения, выявленного в процессе когнитивной концептуализации. Работа строится поэтапно, от более поверхностных к глубинным мишеням.

- Этап 1. Работа с автоматическими мыслями и поведенческая активация.

— Мишень: Ситуативные негативные мысли, когнитивные искажения.

— Оптимальные техники: Преимущественно из арсенала Бека. Ведение дневника мыслей помогает идентифицировать АТ. Сократический диалог и поведенческие эксперименты используются для их проверки на реалистичность. На этом этапе техники Эллиса применяются эпизодически — для обозначения общих требовательных паттернов в речи клиента.

- Этап 2. Работа с промежуточными убеждениями (правилами, «долженствованиями»).

— Мишень: Условные правила («Чтобы меня любили, я должен всем угодить»).

— Оптимальные техники: Интеграция на пике. Техника «Стрелка вниз» (Бек) используется для выведения правила на поверхность. Затем подключается энергичный диспут по Эллису. Логический диспут вскрывает несосто-

ятельность перехода от предпочтения («мне бы хотелось») к требованию («должно быть так»). Прагматический диспут показывает вредоносность веры в это правило для эмоционального состояния клиента.

- Этап 3. Работа с глубинными убеждениями и формирование новой философии.

— Мишень: Глобальные схемы («Я никчемный») и лежащая в их основе требовательная жизненная философия.

— Оптимальные техники: Синтез методов. Для модификации схемы используются продвинутое когнитивное реструктурирование по Беку (исторический анализ, поиск доказательств «за/против» за всю жизнь). Это работа с содержанием схемы. Параллельно ведется работа по формированию безусловного самопринятия и высокой фрустрационной толерантности по Эллису, что направлено на изменение самой оценочной, требовательной установки к себе и миру.

Данная модель обеспечивает не симультанное, а стратегически выверенное комбинирование методов: техники Бека эффективны для анализа и проверки содержания мыслей на разных уровнях, а философия и техники Эллиса — для глубинной перестройки лежащей в их основе абсолютистской формы мышления.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что интеграция методов когнитивной терапии А. Бека и РЭПТ А. Эллиса не только возможна, но и является клинически обоснованной. Предложенная этапная модель, связывающая уровень иррационального убеждения с приоритетным набором техник, позволяет преодолеть эмпиризм в выборе интервенций и перейти к стратегически планируемому терапевтическому процессу.

Такой подход способствует более точному и глубокому терапевтическому воздействию: работа с содержанием (Бек) и формой (Эллис) убеждений ведется согласованно, что увеличивает вероятность модификации базовой когнитивной уязвимости — глубинных депрессогенных схем. Это, в свою очередь, является залогом не только редукции текущих симптомов депрессии, но и достижения устойчивой ремиссии и профилактики рецидивов.

Перспективы дальнейших исследований видятся в эмпирической проверке эффективности данной интегративной модели в сравнении со стандартными протоколами КПТ, а также в разработке на ее основе дифференцированных алгоритмов работы для клиентов с различными профилями иррациональных убеждений (например, с доминированием перфекционизма или социотропии).

Литература:

1. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (DSM-5). 5th ed. Washington, D.C.: American Psychiatric Publishing; 2013.
2. Beck, A. T., Rush A. J., Shaw B. F., Emery G. Cognitive Therapy of Depression. N.Y.: Guilford Press; 1979.
3. Бек Дж. Когнитивно-поведенческая терапия: от основ к направлениям. 2-е изд. СПб.: Питер; 2021.
4. Гаранян, Н. Г., Холмогорова А. Б. Когнитивно-бихевиоральная психотерапия депрессий. Социальная и клиническая психиатрия. 2010;20(2):78–85.

5. Смирнова, Е. В. Интеграция методов КПТ и РЭПТ в работе с клинической депрессией: дис.... канд. психол. наук. Москва; 2018.
6. Эллис, А., Драйден У. Практика рационально-эмоциональной поведенческой терапии. 2-е изд. СПб.: Речь; 2002.
7. Dryden, W. Fundamentals of Rational Emotive Behaviour Therapy: A Training Handbook. 3rd ed. London: Wiley; 2020.

Особенности эмоционального развития старших дошкольников

Парахина Елена Михайловна, студент магистратуры

Научный руководитель: Доронина Наталья Николаевна, кандидат психологических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье представлен анализ результатов исследования эмоционального развития дошкольников. Выявлено, что у детей преобладает гуманистический тип эмпатии и средний уровень тревожности. Полученные результаты могут быть использованы для разработки программ по коррекции психоэмоционального состояния дошкольников.

Ключевые слова: старший дошкольный возраст, эмоциональное развитие, эмпатия, тревожность

Эмоциональное развитие является значимым в дошкольном возрасте и помогает ребенку понимать окружающих людей, приспособиться к ситуации, регулировать свое поведение и т. д. В этом возрасте ребенок учится различать базовые эмоции: радость, удивление, грусть и др. Как считают Л. С. Выготский, Ж. Пиаже, эмоции служат основой для когнитивного и социального роста.

Цель данной статьи — раскрыть особенности эмоционального развития старших дошкольников.

Проблемой исследования в том или ином аспекте занимались Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Г. А. Урунтаева, Д. Б. Эльконин и др. Из зарубежных психологов необходимо отметить работы К. Изарда, Ж. Пиаже и др.

Психологи в своих исследованиях отмечают различные факторы, влияющие на эмоциональное развитие дошкольников. Одним из значимых отмечают детско-родительские отношения [1; 2].

Для выявления особенностей в эмоциональном развитии дошкольников были применены следующие методики:

— Опросник «Характер проявления эмпатических реакций и поведения у детей» (А. М. Щетинина);

— Тест тревожности (Р. Тэмпл, А. Амен, М. Дорки).

В опросе приняло участие 40 дошкольников, из них 18 мальчиков и 22 девочки. Проанализируем полученные результаты.

На рис. 1 представлено распределение дошкольников по преобладающему типу эмпатических реакций.

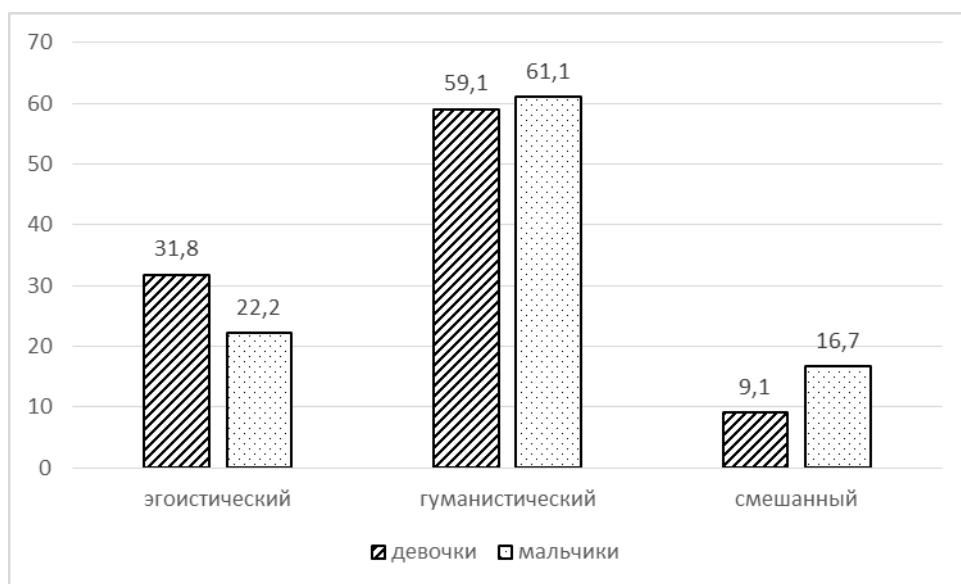

Рис. 1. Распределение дошкольников по преобладающему типу эмпатических реакций (%)

Так, на диаграмме видно, что преобладает гуманистический тип эмоциональных реакций. Среди мальчиков он

составил 61,1 % выборки, а среди девочек — 59,1 %. Такие дети проявляют интерес к окружающим, ярко и эмоци-

онально реагируют на состояние другого человека. Этот тип относится к высокому уровню проявления эмпатии.

При этом минимальное значение выявлено по шкале «смешанный тип». Он выявлен у 9,1 % девочек и 16,7 % мальчиков.

Эгоцентрическая эмпатия выражена у детей, которые пытаются привлечь внимание к себе, только изображают сочувствие, но на самом деле его не испытывают. В данной выборке выявлено 31,8 % девочек и 22,2 % мальчиков.

Низкий уровень эмпатии, при котором ребенок вообще не проявляет интереса к эмоциональному состоянию других, слабо реагирует на их переживания, не выявлен в данной выборке.

Таким образом, в исследуемой выборке у большинства детей выражен гуманистический тип эмпатии.

Далее проанализируем результаты исследования тревожности дошкольников (рис. 2).

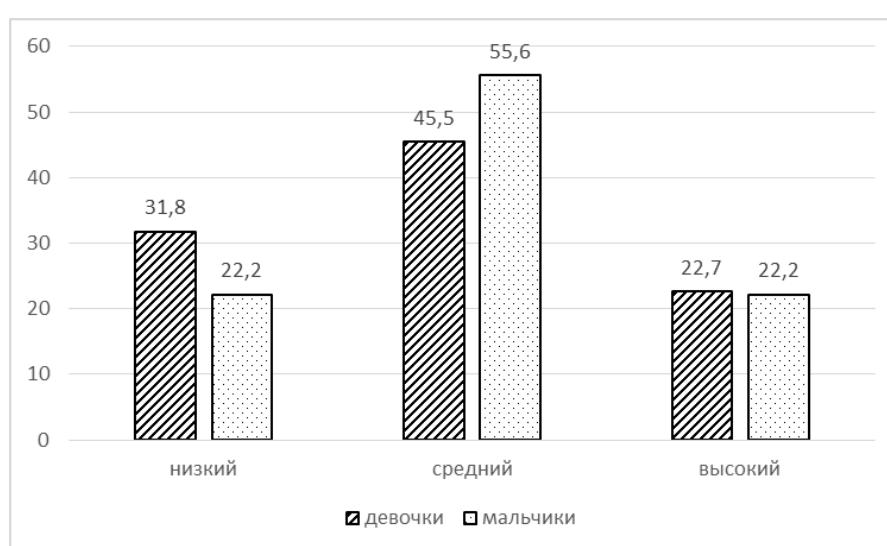

Рис. 2. Распределение дошкольников по уровню тревожности (%)

Исследование тревожности дошкольников показало, что преобладает средний уровень (45,5 % девочек, 55,6 % мальчиков). Высокий уровень тревожности выражен у 22,7 % девочек и 22,2 % мальчиков. Такие дети нуждаются в психологической помощи, в проведении целенаправленной работы по коррекции уровня тревожности.

Для выявления различий в выраженности показателей эмоционального развития детей был проведен критерий Манна-Уитни. Результаты показали следующее: выраженность эмпатии выше у девочек ($p \leq 0,05$), по выраженности тревожности значимых различий не выявлено.

Таким образом, проведенное исследование показало, что у детей преобладает гуманистический тип эмпатии и средний уровень тревожности.

На основании проведенного исследования возможны следующие рекомендации:

1. Т. к. в данном возрасте ведущей является игровая деятельность, то необходимо подбирать игры, способствующие развитию эмпатии и снижению тревожности детей.

2. Чтение сказок позволяет через раскрытие чувств героев развивать эмпатию детей. А также благоприятно воздействуют на психоэмоциональное состояние ребенка.

3. Рисование также позволяет детям гармонизировать их психоэмоциональное состояние. Например, помогает детям проработать свои страхи.

4. Песочная терапия создает безопасное пространство для выражения эмоций ребенка через игру с пе-

ском, построение мира, сказки на песке. Песочная терапия, с одной стороны, помогает развивать эмпатию и саморегуляцию дошкольника, а с другой — снижает агрессию и тревожность, гармонизирует его психоэмоциональное состояние.

Однако необходимо отметить, что важная роль должна отводиться работе с семьей, т. к. именно взаимоотношения с родителями, психологический климат в семье оказывают большое влияние на эмоциональное развитие ребенка. Так, «организация курсов или семинаров для родителей способствует повышению их компетентности в воспитании и социализации детей. Такие мероприятия помогают родителям глубже понять потребности своих детей и оказывать им необходимую поддержку» [4, с. 171].

Таким образом, проведенное исследование показало, что у опрошенных детей преобладает гуманистический тип эмпатии и средний уровень тревожности. Выраженность эмпатии выше у девочек, по сравнению с мальчиками. Полученные результаты могут быть использованы для разработки психологических программ по оптимизации психоэмоционального состояния дошкольников.

Предложенные нами рекомендации позволяет оптимизировать процесс эмоционального развития дошкольников. Перспективой дальнейшего исследования может выступать поиск факторов, оказывающих влияние на эмоциональное развитие детей.

Литература:

1. Васильева, Е. Н. Эмоциональное и социальное развитие старшего дошкольника в зависимости от материнского принятия / Е. Н. Васильева, О. В. Суворова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2004. — № 1 (3). — с. 13–26.
2. Гончарова, Н. Г. Эмоциональное развитие дошкольника / Н. Г. Гончарова // Вопросы дошкольной педагогики, 2018. — № 4 (14). — с. 18–20.
3. Горбунова, С. С. Цифровое детство: влияние раннего использования цифровых технологий на когнитивное и эмоциональное развитие дошкольника / С. С. Горбунова / В книге: Вызовы XXI века. Материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции (с международным участием). — Набережные Челны, 2025. — с. 189–191.
4. Сухова, Е. И. Эмоциональное развитие и социализация дошкольников: основы и подходы / Е. И. Сухова, Н. Г. Заметайло // Флагман науки, 2025. — Т. 1. — № 5–1 (28). — с. 168–172.

Пилотное исследование синдрома эмоционального выгорания у врачей частной клиники

Смольянинова Анна Валерьевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

Актуальность. Синдром эмоционального выгорания представляет собой одну из наиболее острых проблем современного общества. Психоэмоциональное состояние человека напрямую влияет как на его профессиональную реализацию, так и на качество личной и социальной жизни, а СЭВ выступает значимым фактором его дестабилизации.

Термин «эмоциональное выгорание» впервые был введён в научный оборот американским психиатром Гербертом Фрейденбергером в 1974 году. Изначально он описывал состояние глубокого истощения у здоровых специалистов, работающих в условиях интенсивного эмоционального контакта с другими людьми — особенно в сфере помощи (медицина, психология, социальная работа). Основными проявлениями считались ощущение собственной бесполезности, утраты смысла и физическое истощение.

В 1976 году социальный психолог Кристина Маслач расширила понимание феномена, предложив рассматривать СЭВ как триаду:

- эмоциональное и физическое истощение,
- деперсонализацию (циничное, холодное или даже враждебное отношение к другим),
- снижение чувства профессиональных достижений и личной эффективности.

Со временем в описание синдрома был включён и психодиспансерский компонент. В отечественной психологии СЭВ трактуется как защитный механизм, направленный на отключение эмоций в ответ на хроническое психотравмирующее воздействие (Бойко, 1996).

Хотя эмоциональному выгоранию подвержены представители любых профессий, наибольшему риску подвер-

гаются те, чья деятельность включает интенсивное взаимодействие «человек — человек». Особенно уязвимы врачи, педагоги, психологи, социальные работники — специалисты, работающие в условиях высокой эмоциональной нагрузки, ответственности и неопределенности (Столяренко, 2004; Балахонов, 2009).

Формирование СЭВ обусловлено совокупностью факторов:

- Физическими (шум, недостаток сна, нарушение режима),
- Физиологическими (хроническая усталость, переутомление),
- Социально-психологическими (конфликты, нехватка поддержки, несправедливость на рабочем месте).

Особую роль играет мотивационная сфера: у тех, кто изначально проявлял высокую вовлечённость, ответственность и стремление к помощи другим, выгорание развивается особенно стремительно. Постепенно работа перестаёт приносить удовлетворение, превращаясь в бессмысленную рутину. Возникает апатия, отчуждение и даже отвращение к профессиональной деятельности.

К предрасполагающим факторам также относятся молодой возраст, нехватка жизненного опыта, недавно перенесённые болезни, стрессы или личные психологические травмы (Чутко, 2014).

Важно отметить, что согласно Международной классификации болезней (МКБ-10), СЭВ официально не считается заболеванием, но его проявления фиксируются в разделе Z под кодом Z73.0 — «Проблемы, связанные с трудностями управления своей жизнью».

Ключевые симптомы синдрома включают:

1. Снижение когнитивной активности и общей психологической энергии;
2. Эмоциональную отстранённость от близких и родных;
3. Цинизм и раздражительность в профессиональных контактах;
4. Безразличие к обязанностям и профессии в целом;
5. Упадок деловой активности и внутренней мотивации;
6. Хроническое недовольство результатами труда и ощущение профессиональной несостоенности;
7. Самокритику, переходящую в деструктивность, и снижение ответственности за свои действия;
8. Необоснованную агрессию, раздражение по отношению к другим и к себе;
9. Ухудшение психовегетативного состояния (нарушения сна, головные боли, колебания артериального давления и др.).

Без своевременного вмешательства эти проявления могут перерасти в невротические расстройства, депрессию или психосоматические заболевания, что позволяет рассматривать СЭВ в качестве преморбидного состояния. Кроме того, выгорание часто трактуется как форма профессиональной деформации личности (Водопьянова, 2009; Орел, 2001).

В этих условиях особенно актуальна ранняя диагностика синдрома эмоционального выгорания — как для сохранения профессиональной эффективности, так и для профилактики серьёзных психологических и физических последствий.

Цель исследования: попытка оценки и анализа психологических особенностей синдрома эмоционального выгорания у врачей частного медицинского центра.

Материалы, выборка и методы исследования. Исследование проводилось на базе частного многопрофильного медицинского центра, расположенного в Подмосковье с населением около 300 тыс. жителей.

Выборку испытуемых составили врачи различных специальностей общей численностью 55 человек.

Все медицинские работники дали информированное согласие на участие в исследовании.

Для исследования проявлений эмоционального выгорания и сопутствующих ему нарушений применялись следующие методики:

1) опросник на выявление уровня профессионального «выгорания» и деформации (К. Маслач, С. Джексон), предназначенный для диагностики следующих компонентов СЭВ: «эмоциональное истощение», «деперсонализация» и «профессиональные достижения». «Эмо-

циональное истощение» характеризуется сниженным эмоциональным тонусом, повышенной психической истощаемостью и аффективной лабильностью, утратой интереса и позитивных чувств к окружающим, ощущением «пресыщенности» работой, неудовлетворенностью жизнью в целом. «Деперсонализация» проявляется в эмоциональном отстранении и безразличии, в формальном выполнении профессиональных обязанностей без личностной включенности и сопреживания, а в отдельных случаях — в негативизме и циничном отношении к деятельности и вовлечением в нее людям. «Редукция профессиональных достижений» отражает степень удовлетворенности врачей собой как личностью и как профессионалом;

2) диагностика уровня эмоционального выгорания (В. В. Бойко), позволяющая установить выраженность основных симптомов СЭВ в случае развития каждой его фазы (напряжения, резистентности, истощения). Основными такими симптомами являются:

— в fazу напряжения — переживание психотравмирующих обстоятельств, неудовлетворенность собой, «загнанность в клетку», тревога и депрессия;

— в fazу резистенции — неадекватное избирательное эмоциональное реагирование, эмоционально-нравственная дезориентация, расширение сферы экономии эмоций, редукция профессиональных обязанностей;

— в fazу истощения — эмоциональный дефицит, эмоциональная отстраненность, личностная отстраненность (деперсонализация), психосоматические и психовегетативные нарушения.

3) диагностика уровня астенического состояния (Л. Д. Майкова, Т. Г. Чертова), предназначенная для выявления астении, характеризующейся общей и прежде всего психической слабостью, повышенной истощаемостью, раздражительностью, снижением продуктивности психических процессов, расстройствами сна, физической слабостью и другими вегетативно-соматическими нарушениями.

В исследовании использованы статистические методы обработки первичных данных.

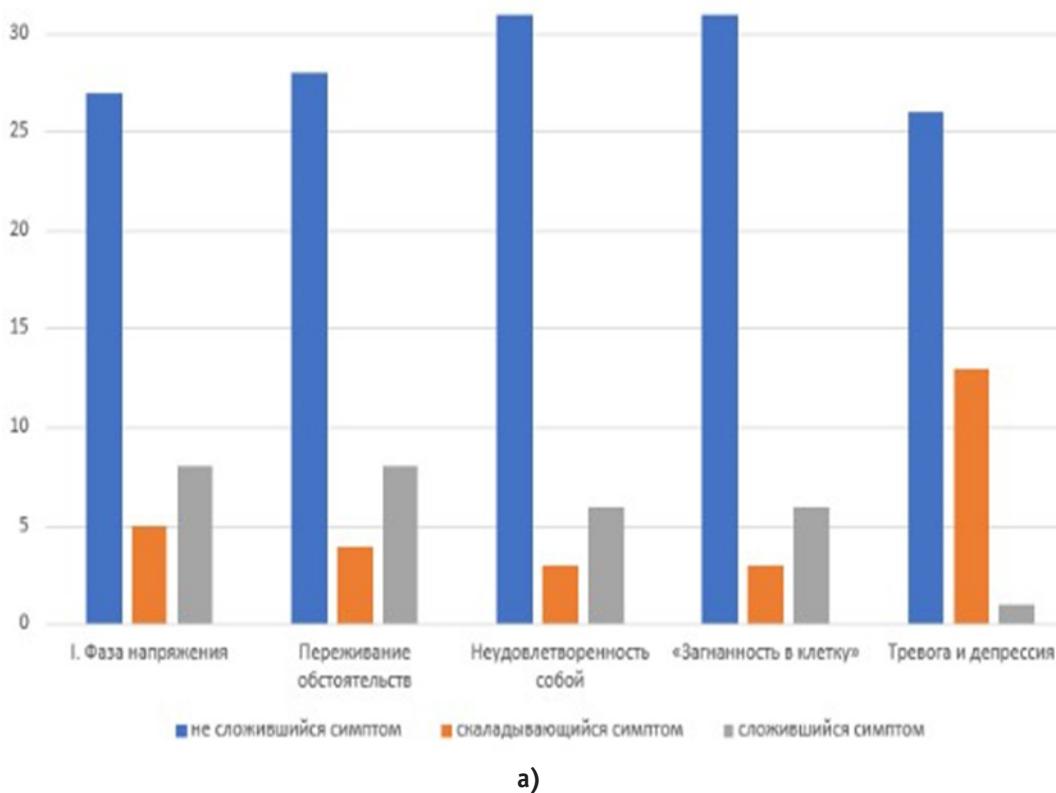
Наиболее распространенными жалобами среди всей выборки были снижение физической активности, повышенная утомляемость, апатия и раздражительность. В то же время результаты психологического обследования с использованием «Шкалы астенического состояния» выявили неожиданный парадокс (рис. 1): 85 % респондентов заявили, что у них отсутствуют даже слабые признаки астенического синдрома.

Рис. 1. Структура выборки по уровню астенического состояния

Для нашего исследования особый интерес представлял анализ выраженности симптомов синдрома эмоционального выгорания (СЭВ), оценённых с помощью методики В. В. Бойко, у врачей исследуемой группы

с учётом стадии развития синдрома — фаз напряжения, резистентности и истощения. На рисунке 2 приведены результаты обследования врачей частной медицинской организации.

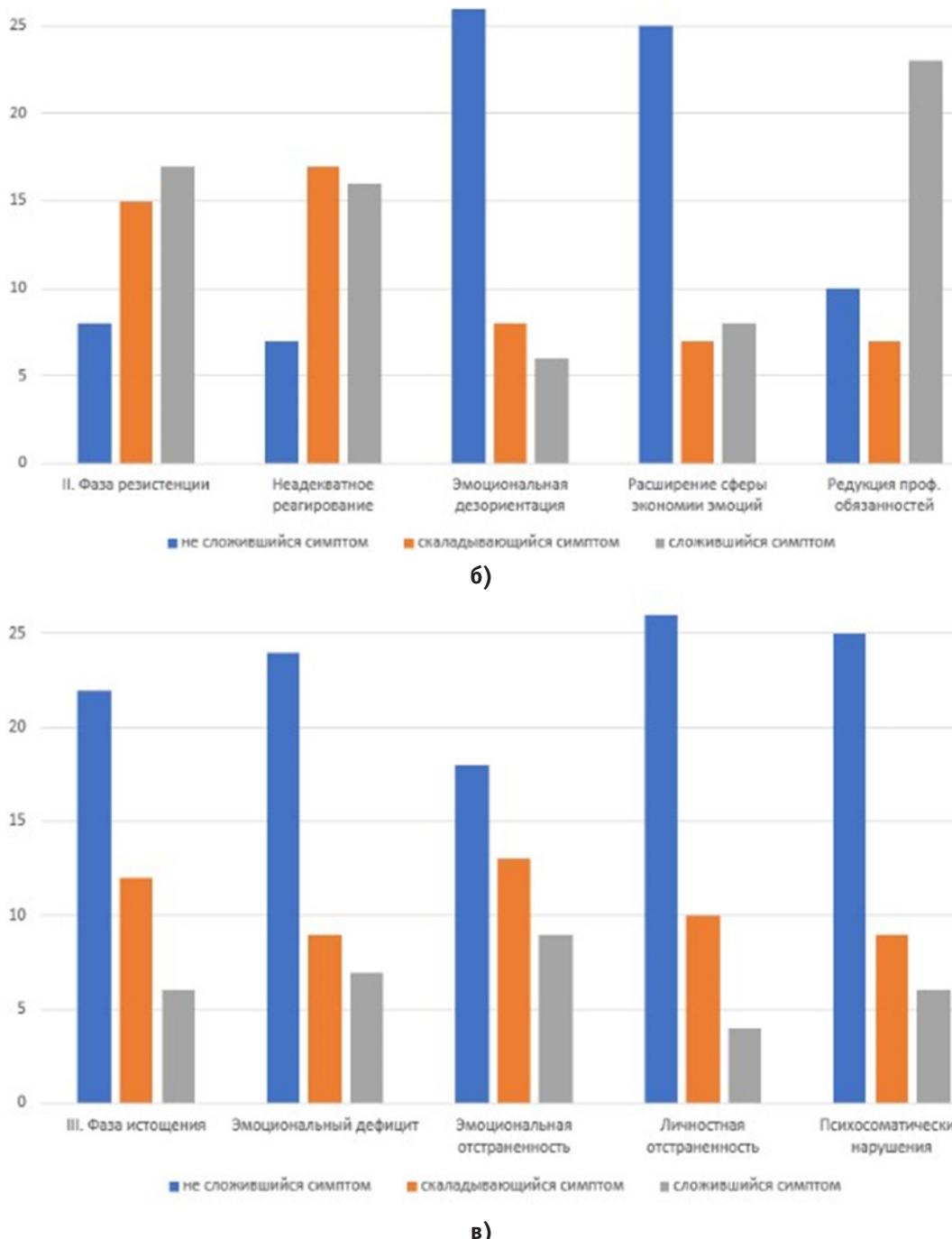

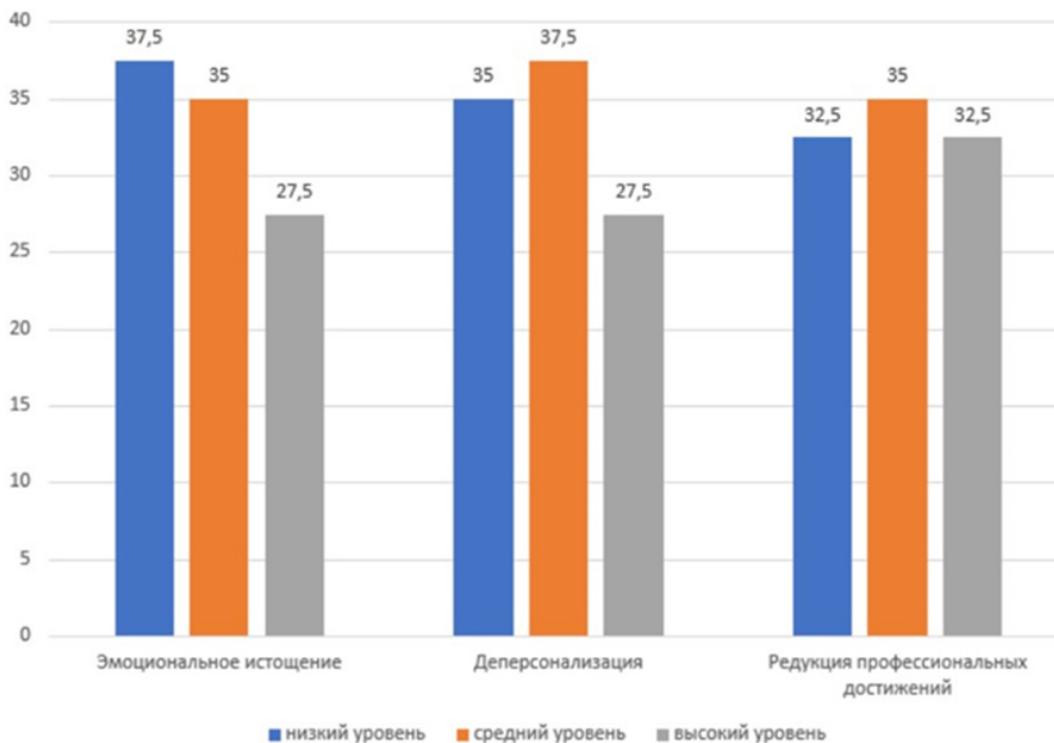
Рис. 2. Структура сформированности симптоматики СЭВ у работников частной медицинской организации:
а — в фазу напряжения; б — в фазу резистентности; в — в фазу истощения

Несмотря на относительно слабую выраженность симптоматики на этапе напряжения, у трети обследованных (32 % выборки) уже наблюдается склонность к формированию признаков тревоги и депрессии (см. рис. 2, а). В фазе резистенции преобладают симптомы «неадекватного реагирования» и «сокращения профессиональных обязанностей», в меньшей степени — «эмоциональной дезориентации». Иная картина характерна для фазы истощения: несмотря на её относительно низкую сформированность, у значительной части респондентов отмечается тенденция к развитию «эмоциональной отстранённости»

(у 32 % подвыборки) и «личностной отстранённости» (у 25 % подвыборки) (см. рис. 2).

Анализ и обсуждение результатов обследования по методике диагностики уровня профессионального «выгорания» и деформации Маслач — Джексон.

У врачей частной медицинской организации отмечается низкий уровень «эмоционального истощения» (у 37,5 % обследованных) на фоне преимущественно среднего уровня проявлений «деперсонализации» и «редукции профессиональных достижений» (у 37,5 и 35 % респондентов соответственно, рис. 5).

Рис. 5. Структура интенсивности выраженности симптомов эмоционального выгорания по шкалам опросника К. Маслач у медицинских работников частной медицинской организации

На передний план выходят ощущения неудовлетворённости как самим собой, так и своей профессиональной деятельностью, сопровождающиеся эмоциональным напряжением — в виде тревоги (ситуативной или личностной), разочарования в себе, в выбранной профессии, конкретной должности или месте работы.

Анализ симптома «переживание обстоятельств» показывает, что многие специалисты сталкиваются с психотравмирующими факторами, которые трудно или невозможно устраниТЬ. Постепенно это вызывает растущее раздражение, переходящее в отчаяние и гнев. Такая «неразрешимость» ситуации создаёт благоприятную почву для развития других признаков синдрома эмоционального выгорания (СЭВ).

Симптом, связанный со шкалой «редукция профессиональных обязанностей», также обусловлен характером профессии, требующей интенсивного общения с людьми. В ответ на эмоциональное истощение специалисты начинают сознательно сокращать или упрощать те аспекты работы, которые требуют наибольших эмоциональных усилий.

Феномен эмоциональной дезориентации отражает глубокие трансформации, произошедшие в обществе за последние десятилетия: роль медицины изменилась от традиционной миссии «оказания помощи» со стороны уважаемых и компетентных специалистов к формату «оказания услуг» — одной из сфер сервисного обслуживания населения. В результате врачи всё чаще начинают руководствоваться не профессиональным долгом, а соб-

ственным настроением и личными предпочтениями при выполнении своих обязанностей.

Тесно с этим связан феномен эмоциональной отстранённости — защитного механизма, при котором человек практически полностью исключает эмоции из профессиональной сферы. Это проявляется как отсутствие эмоционального отклика как на позитивные, так и на негативные события на работе. Такая отстранённость часто формируется как результат многолетнего эмоционального выгорания и может принимать форму специфических защитных паттернов, например, «врачебного цинизма». При этом в личной жизни человек сохраняет способность ярко переживать и реагировать на происходящее. Именно эмоциональная «отключённость» считается наиболее ярким маркером выгорания, указывающим на профессиональную деформацию личности и наносящим ущерб качеству взаимодействия с пациентами.

Ещё один ключевой симптом — деперсонализация, близкий к психопатологическим состояниям. Он проявляется в искажении отношений с окружающими: либо в чрезмерной зависимости от членов референтных групп, либо — напротив — в усилении негативизма, циничного отношения и эмоционального отторжения по отношению к тем, с кем приходится взаимодействовать в профессиональной среде.

Наконец, редукция профессиональных достижений выражается в склонности недооценивать собственные успехи, критически искажённом восприятии своих компетенций и возможностей, а также в принижении соб-

ственной значимости. Это может сопровождаться стремлением ограничить не только зону ответственности, но и степень вовлечённости в профессиональные задачи. Наличие такого симптома создаёт серьёзные барьеры для полноценной профессиональной реализации.

Выходы

Таким образом, даже предварительные результаты исследования указывают на то, что профессиональная медицинская деятельность может выступать фактором риска развития синдрома эмоционального выгорания (СЭВ), проявления которого зачастую обусловлены конкретной профессиональной ситуацией. Последствиями СЭВ становятся хроническая усталость, постоянное внутреннее напряжение, а также физическое и эмоциональное истощение врача.

Анализ взаимосвязей между симптомами СЭВ показал, что наибольшее их количество наблюдается на стадиях резистенции и истощения. Это свидетельствует о том, что фаза напряжения, как правило, более подвижна и лучше

поддаётся профилактике и коррекции. В то же время симптомы фазы резистенции и истощения образуют плотно сплетённую структуру, вмешательство в которую представляет значительные трудности.

Кроме того, полученные данные подтверждают гипотезу, выявленную на пилотном этапе: у некоторых медработников фазы резистенции и истощения, могут развиваться практически одновременно, минуя выраженную стадию напряжения. Вероятно, это связано с тем, что первые признаки напряжения — раздражительность, утомляемость, снижение мотивации — часто игнорируются: их воспринимают как временное недомогание, «тяжёлый день» или обычную усталость. В результате эти симптомы накапливаются, усиливаются и заставляют человека мобилизовать внутренние ресурсы для сопротивления выгоранию. Однако такая мобилизация нередко оказывается недостаточной или запоздалой, и у врача сразу формируется картина резистенции, а в ряде случаев — и истощения.

Литература:

1. Балахонов, А. В. Эмоциональное выгорание у медицинских работников как предпосылка астенизации и психосоматической патологии / А. В. Балахонов, В. Г. Белов, Е. Д. Пятибрат, А. О. Пятибрат // Вестник СанктПетербургского университета. — 2009. — Сер. 11, вып. 3. — с. 57–71.
2. Бойко, В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других / В. В. Бойко. — М.: Информационно-издательский дом «Филинъ», 1996. — 472 с.
3. Водопьянова, Н. Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. — 2-е изд. — СПб.: Питер, 2009. — 440 с.
4. Столяренко, Л. Д. Основы психологии: практикум / ред.-сост. Л. Д. Столяренко. — Ростов-н/Д.: Изд-во «Феникс», 2004. — 704 с.
5. Чутко, Л. С. Синдром эмоционального выгорания. Клинические и психологические аспекты / Л. С. Чутко, Н. В. Козина. — 2-е изд. — М.: МЕДпресс-информ, 2014. — 256 с.
6. Орел, В. Е. Исследование феномена психического выгорания в отечественной и зарубежной психологии / В. Е. Орел // Проблемы общей и организационной психологии. — Ярославль, 2001. — с. 76–97.
7. Миков, Д. Р. Особенности синдрома эмоционального выгорания у медицинских работников многопрофильного стационара / Д. Р. Миков, А. М. Кулеш, С. В. Муравьев и др. // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. — 2018. — Вып. 1. — с. 88–97.

Этические дилеммы самораскрытия консультанта: поиск баланса между терапевтической пользой и профессиональными границами

Чепура Александра Игоревна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье проводится теоретический анализ этических аспектов самораскрытия консультанта в процессе психологической помощи. Рассматриваются терапевтические функции, риски и ограничения раскрытия консультантом личной информации. Обсуждаются ключевые этические принципы и условия поиска баланса между потенциальной пользой самораскрытия и необходимостью сохранения профессиональных границ. Намечаются перспективы эмпирических исследований данной проблемы. Основной вывод состоит в том, что самораскрытие консультанта требует высокого уровня этического самосознания, рефлексивности и ориентации на благополучие клиента.

Ключевые слова: самораскрытие консультанта, этические дилеммы, терапевтический альянс, профессиональные границы, психологическое консультирование.

Ethical dilemmas of counselor self-disclosure: finding the balance between therapeutic benefit and professional boundaries

Chepura Aleksandra Igorevna, master's student
Togliatti State University (Samara Oblast)

The article provides a theoretical analysis of the ethical aspects of counselor self-disclosure in the process of psychological assistance. The therapeutic functions, risks, and limitations of the counselor's disclosure of personal information are considered. The key ethical principles and conditions for finding a balance between the potential benefits of self-disclosure and the need to maintain professional boundaries are discussed. Prospects for empirical research on this problem are outlined. The main conclusion is that counselor self-disclosure requires a high level of ethical self-awareness, reflexivity, and focus on the client's well-being.

Keywords: counselor self-disclosure, ethical dilemmas, therapeutic alliance, professional boundaries, psychological counseling.

Введение. Проблема самораскрытия консультанта в процессе оказания психологической помощи приобретает особую актуальность в контексте возрастающих требований к качеству консультативных услуг и этической регуляции профессиональной деятельности психолога. С одной стороны, многочисленные исследования указывают на терапевтический потенциал избирательного раскрытия консультантом личной информации для укрепления рабочего альянса, нормализации опыта клиента, моделирования желательного поведения [1; 2]. С другой стороны, злоупотребление самораскрытием сопряжено с рисками размывания профессиональных границ, нарушения конфиденциальности, ятрогенных эффектов [3; 4]. Это противоречие порождает ряд этических дилемм, связанных с поиском баланса между заботой о благополучии клиента и соблюдением профессиональных стандартов.

В отечественной психологии проблема самораскрытия консультанта пока не получила должного теоретического осмысления, несмотря на ее очевидную практическую значимость [5]. Остается неясным, каковы концептуальные и технологические границы допустимого и целесообразного использования самораскрытия в различных подходах к консультированию и психотерапии. Неоднозначность существующих рекомендаций затрудняет эти-

чески обоснованное принятие решений специалистами в реальной консультативной практике [6].

Актуальность проблемы самораскрытия консультанта обусловлена также изменением общественных ожиданий от психологической помощи. Современные клиенты все чаще ищут в консультанте не только профессионала, но и человека, способного к искреннему, эмпатичному контакту [7]. Умение выстраивать подлинные и в то же время профессионально выверенные отношения, частью которых является дозированное самораскрытие, становится важной составляющей компетентности психолога [8].

При этом нельзя забывать о культурной вариативности представлений о допустимости и границах самораскрытия в помогающих отношениях. То, что приемлемо и даже желательно в одном социокультурном контексте, может быть расценено как неуместное или даже оскорбительное в другом [9]. Это требует от консультанта межкультурной сензитивности, гибкости и осознанности в использовании самораскрытия [10].

Наконец, дилеммы самораскрытия тесно связаны с более общими вопросами профессиональной идентичности психолога. Поиск оптимального баланса между личностным и профессиональным, между аутентичностью и ролевыми границами является непростой задачей

профессионального становления [11]. Рефлексия собственной практики самораскрытия, ее этических оснований и эффектов — важное условие развития консультанта как зрелого профессионала и личности [12].

Цель данной статьи — на основе анализа и обобщения современных научных представлений выделить ключевые этические ориентиры использования самораскрытия в деятельности психолога-консультанта.

Задачи исследования:

1. Определить сущность феномена самораскрытия консультанта, его виды и формы.
2. Проанализировать терапевтические функции и риски самораскрытия в консультативном процессе.
3. Рассмотреть этические принципы, регламентирующие использование самораскрытия в консультировании.
4. Сформулировать критерии поиска баланса между терапевтической пользой самораскрытия и сохранением профессиональных границ.

Теоретическая часть. Самораскрытие консультанта определяется как преднамеренное и осознанное сообщение консультантом клиенту личной информации о себе, своем опыте, чувствах и отношениях [13]. В отличие от повседневного межличностного самораскрытия, носящего спонтанный и взаимный характер, профессиональное самораскрытие психолога всегда подчинено терапевтическим задачам и интересам клиента [1].

Содержательно самораскрытие консультанта может касаться фактов биографии, личного опыта преодоления сходных с проблемами клиента трудностей, эмоциональных реакций на происходящее в консультативном контакте, профессиональных ценностей и установок [13]. По глубине и объему раскрываемой информации выделяют поверхностное и глубокое самораскрытие, по временной отнесенности — непосредственное (касающееся происходящего «здесь-и-сейчас») и отсроченное [10]. Формы самораскрытия варьируют от прямого вербального сообщения до косвенной трансляции личностной позиции консультанта через невербальную экспрессию, предлагаемые метафоры, притчи, литературные источники [14].

Основные терапевтические функции самораскрытия консультанта связаны с установлением и поддержанием рабочего альянса, нормализацией трудного опыта клиента, расширением его представлений о возможных способах совладания с проблемами [1; 10]. Демонстрируя собственную открытость, уязвимость и человечность, консультант облегчает самораскрытие клиента, способствует углублению эмпатии и доверия в терапевтических отношениях [14]. Избирательно делясь личным опытом,озвученным переживаниям клиента, консультант помогает ему принять свои чувства и трудности как универсальные, снизить самостигматизацию [2]. Приводя примеры конструктивного преодоления сходных проблем, консультант косвенно обучает клиента более эффективным стратегиям совладания [15].

В то же время, самораскрытие сопряжено с рядом этических рисков и ограничений. Чрезмерное или неуместное самораскрытие может привести к утрате профес-

сиональных границ, инверсии ролей консультанта и клиента, размытию фокуса работы [3]. Получив избыток информации о личности консультанта, клиент рискует утратить необходимое проективное пространство для переноса, стать излишне зависимым или, напротив, усомниться в надежности и компетентности специалиста [10]. Злоупотребление самораскрытием в целях удовлетворения собственных потребностей консультанта является нарушением этики и может нанести ущерб клиенту [3].

Ключевыми этическими принципами, регулирующими практику самораскрытия в консультировании, являются:

- принцип благополучия клиента (самораскрытие должно соответствовать интересам и потребностям клиента, не наносить ему вреда);
- принцип профессиональной компетентности (самораскрытие должно быть обоснованным, опираться на знания и навыки консультанта);
- принцип ответственности (консультант должен осознавать и учитывать возможные последствия самораскрытия);
- принцип конфиденциальности (недопустимо раскрывать информацию, полученную от клиента или способную ему навредить) [3; 16].

Эти принципы задают общую этическую рамку поиска баланса между терапевтической пользой и рисками самораскрытия в каждой конкретной ситуации консультативного взаимодействия. Чтобы это равновесие было достигнуто, самораскрытие должно отвечать ряду условий:

- 1) содержательной релевантности актуальному запросу и состоянию клиента;
- 2) дозированности и краткости сообщаемой информации;
- 3) своевременности и контекстуальной уместности;
- 4) отчетливой ориентированности на потребности клиента, а не консультанта;
- 5) рефлексивности и осознанности целей самораскрытия со стороны консультанта [13; 1].

Только при соблюдении этих условий самораскрытие консультанта будет работать на благо клиента, не размывая при этом профессиональных границ и идентичности самого консультанта.

Обсуждение. Проведенный анализ показывает, что проблема самораскрытия консультанта не имеет однозначного решения и требует дифференцированного подхода с учетом особенностей клиента, специфики его запроса, этапа консультативного процесса, теоретической ориентации и опыта консультанта, культурного контекста взаимодействия. Поэтому выработка и эмпирическая валидизация четких алгоритмов принятия этически обоснованных решений о самораскрытии представляется перспективной задачей дальнейших исследований.

Не менее важной является задача операционализации конструкта этичности/неэтичности самораскрытия в консультировании и создания валидного инструментария для его диагностики. Это позволило бы отслеживать вклад данного феномена в эффективность психологической по-

мости, измерять его связь с профессионально важными качествами консультанта и характеристиками терапевтических отношений.

Наконец, значимой исследовательской проблемой выступает кросскультурное изучение особенностей восприятия и влияния самораскрытия в различных социокультурных контекстах консультирования. Можно предположить, что универсальные этические принципы будут приобретать специфическое преломление в зависимости от культурных норм близости/дистанции, иерархичности/равноправия отношений между консультантом и клиентом.

Выводы. Таким образом, самораскрытие консультанта представляет собой этически неоднозначный профессиональный инструмент, требующий от специалиста высокого уровня осознанности, рефлексивности, чувствительности к потребностям и особенностям клиента. При условии релевантности, дозированности, своевремен-

ности и клиент-центрированности, оно способно укреплять рабочий альянс, облегчать самораскрытие клиента, моделировать конструктивные способы совладания с трудностями. В то же время, неумелое или неэтичное использование самораскрытия чревато размыванием границ, ятрогенными эффектами, утратой профессиональной идентичности консультанта.

Ключом к поиску баланса между терапевтической пользой и рисками самораскрытия является постоянная опора консультанта на этические принципы благополучия клиента, профессиональной компетентности, ответственности и конфиденциальности. Это требует глубокого осознания собственных мотивов и готовности ставить интересы клиента выше своих потребностей. Только в этом случае самораскрытие будет работать не против, а на пользу психологической помощи, способствовать личностному и профессиональному развитию как клиента, так и самого консультанта.

Литература:

1. Knox, S., Hill C. Therapist self-disclosure: Research-based suggestions for practitioners // Journal of Clinical Psychology. 2003. Vol. 59, № 5. P. 529–539.
2. Henretty, J., Currier J., Berman J., Levitt H. The impact of counselor self-disclosure on clients: a meta-analytic review of experimental and quasi-experimental research // Journal of Counseling Psychology. 2014. Vol. 61, № 2. P. 191–207.
3. Barnet, J. E. Psychotherapist self-disclosure: Ethical and clinical considerations // Psychotherapy. 2011. Vol 48, № 4. P. 315–321.
4. Marais, G., McBeath A. Therapists' lived experience of self-disclosure // EJQRP. 2021. Vol. 11. P. 72–86.
5. Клюева, Н. В., Диденко Д. Н. Самораскрытие в понимающей психотерапии // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2023. Т. 17, № 3 (65). с. 464–475.
6. Диденко, Д. Н. Самораскрытие психолога-консультанта в процессе психологического консультирования. Взгляд с точки зрения этики // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2025. № 2 (54). с. 360–368.
7. Лученкова, Е. С. Психологическое консультирование через призму ожидания клиента и общества // Философия и социальные науки в современном мире: Материалы международной научной конференции к 30-летию факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, 26–27 сентября 2019 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2019. с. 382–386.
8. Горностаев, С. В. Актуализации элементов сознания клиента в процессе психологического консультирования // Прикладная юридическая психология. 2009. № 1. с. 126–128.
9. Burkard, A., Knox S., Groen M., Pérez M., Hess S. European American Therapist Self-Disclosure in Cross-Cultural Counseling // Journal of Counseling Psychology. 2006. Vol. 53. P. 15–25.
10. Audet, C., Everall R. D. Therapist self-disclosure and the therapeutic relationship: A phenomenological study from the client perspective // British Journal of Guidance and Counselling. 2010. Vol 38, № 3. P. 327–342.
11. Скоробогатова, Н. А. Исследование образа процесса психологического консультирования у психолога-консультанта как элемента его образа мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2009. № 3–1. с. 58–63.
12. Кораблина, Е. П., Коргожа М. А. Психологическое консультирование: содержание и процесс // Прикладные технологии в психологическом консультировании: коллективная монография. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2017. с. 14–19.
13. Henretty, J. R., Levitt H. M. The role of therapist self-disclosure in psychotherapy: A qualitative review // Clinical Psychology Review. 2009. Vol. 30. P. 63–77.
14. Hill, C., Knox S., Pinto-Coelho K. Therapist Self-Disclosure and Immediacy: A Qualitative Meta-Analysis // Psychotherapy. 2018. Vol. 55. P. 445–460.
15. Goldfried, M., Burckell L., Eubanks-Carter C. Therapist self-disclosure in cognitive-behavior therapy // Journal of Clinical Psychology. 2003. Vol. 59, № 5. P. 555–568.
16. Клюева, Н. В., Головчанова Н. С. Этика и профессиональное общение психолога-консультанта: метод. указания. Ярославль: ЯрГУ, 2012. 52 с.

Причины разводов: взгляд с позиции транзактного психоанализа

Чулкова Любовь Александровна, нейропедагог-психолог (г. Электросталь, Московская область)

Статья посвящена исследованию причин разводов с точки зрения транзактного психоанализа. Эмпирическим материалом послужили данные мониторинговых опросов российского населения, проведенных Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

Автор исследует роль структурных составляющих психики Ид, Я-Эго и Сверх-Я, а также функционирование эго-состояний («Ребёнок», «Родитель», «Взрослый»), оказывающих значительное влияние на принятие решений и разрешение конфликтов в браке. Результаты показывают, что эффективность взаимодействия и успешность преодоления кризисов зависят от уровня развития Сверх-Я.

Ключевые слова: психоанализ, причины разводов, семейные конфликты, транзактный анализ, эго-состояния, развод.

Традиционный психоанализ Фрейда [1] подвергался множественной критике. Так, например, Джон Готтман [2], ведущий исследователь брака и семейной динамики, подчеркивает, что методики Фрейда для диагностики и лечения эмоциональных расстройств не находят подтверждения в реальных результатах. Готтман утверждает, что традиционные техники психоанализа не способны обеспечить долгосрочный положительный эффект в терапии.

Автор же настоящего исследования считает, что причины развода практически всегда обусловлены недостаточным развитием Сверх-Я у одного из партнёров. И, если взглянуть на элементы структуры психики немного под другим углом: присовокупив транзактный анализ, — то эффективность диагностики и психотерапии повышается в разы.

Цель работы: исследование основных причин, способствующих разрыву отношений в парах, используя методы транзактного психоанализа.

Предмет исследования: эмпирические данные мониторинговых опросов населения России, посвящённые причинам и последствиям разводов, собранные Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

Задачи:

1. Проанализировать данные мониторинга Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), направленные на изучение причин и последствий разводов в российском обществе.

2. Рассмотреть взаимодействие элементов структуры психики Ид, Я-Эго, Сверх-Я, а также эго-состояния «Ребёнок», «Родитель», «Взрослый», определяющее поведенческие паттерны и способности супругов решать совместные проблемы.

В настоящей работе Ид рассматривается в качестве операционной системы для мозга и тела, при этом также как и другие компоненты структуры психики, Ид надеяется возможностью осознавать себя и отстаивать свои интересы через эго-состояние «Ребёнок».

Я-Эго представляется совокупностью прикладных алгоритмов, которые управляют человеческой речью, интеллектуальной и творческой деятельностью. Я-Эго может осознавать себя и выступать во внутреннем диалоге через эго-состояние «Родитель».

Сверх-Я — пользователь, в руках которого рычаг распределения психической энергии посредством внимания. Он управляет духовно-нравственной деятельностью, стремится к счастью, осознаёт себя через эго-состояние «Взрослый».

Как данная гипотеза может помочь в анализе причин разводов? Рассмотрим несколько типичных сценариев.

Согласно исследованию Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) за 2024 год [3], наиболее распространённой причиной расторжения браков являются финансовые проблемы. Партнёр, испытывающий дискомфорт от ограниченного семейного бюджета находится под доминированием Ид, обуславливающего приоритет материального благосостояния среди жизненных ценностей. Такое положение вещей способствует удовлетворению базовых потребностей и желаний посредством обладания финансовыми ресурсами. Напротив, индивид с высокоразвитым Сверх-Я воспринимает финансовое неблагополучие менее критично, утверждая, что счастье заключается в эмоциональном комфорте и семейных радостях, а не в богатстве: «с милым рай и в шалаше». Подобную позицию иллюстрирует персонаж девочки Синди Лу из кинофильма «Как Гринч украл Рождество»: в то время как все жители города плакали от потери материальных атрибутов праздника, она сказала, что ей для празднования Рождества ничего кроме семьи не нужно.

Второе место среди факторов, провоцирующих разводы, занимает деструктивное поведение супруга(-ги): супружеская неверность (18 %), наличие вредных привычек и зависимостей (10 %) и физическое насилие (3 %). Проанализируем каждую категорию отдельно.

Измены чаще всего происходят вследствие неконтролируемого доминирования Ид и слабого развития Сверх-Я. Такие лица ориентированы преимущественно на удовлетворение собственных нужд и желаний, игнорируя возможные последствия для себя и окружающих. Наличие вредных привычек и зависимостей также связано с низким уровнем зрелости Сверх-Я и преобладанием импульсивных реакций, определяемых элементами психики Ид и Я-Эго. Физическое насилие в семье тоже обусловлено недостаточной сформированностью морально-нрав-

ственных ориентиров (Сверх-Я) и превалированием агрессивных проявлений, инициируемых Ид и Я-Эго. Зачастую подобное поведение объясняется социальными стереотипами и культурными нормами, допускающими применение силы в целях контроля над членами семьи. Например, традиционный взгляд на распределение обязанностей в браке иногда служит оправданием физического принуждения: «жена должна трудиться, иначе нам не выжить, я ей сказал сходить набрать хворосту, а она меня не слушается; как же её ещё заставить работать?»

Нарушение коммуникационных процессов внутри семьи составляет третью по значимости причину прекращения брака, среди которых недопонимание — 14 %, конфликты — 5 %, неумение уступать друг другу — 4 %.

Непонимание имеет разнообразную природу происхождения, однако в конечном итоге сводится к отсутствию стремления одного из партнеров принять точку зрения другого. К примеру, мужчина с доминацией Ид, испытывает потребность в физическом покое и удовольствии, тогда как его партнерша, подверженная влиянию Я-Эго, стремится к личностному росту и самоактуализации путём путешествий и приобретения новых впечатлений. Мужчина ощущает дискомфорт от подобного образа жизни супруги, заявляя психологу: «Она таскает меня по музеям и театрам, хотя я хочу просто отдохнуть дома перед телевизором или спокойно посидеть на рыбалке». Если бы обе стороны обладали развитыми Сверх-Я, то каждый мог бы заниматься любимым делом самостоятельно, не стремясь принудительно вовлечь в него своего партнёра.

Другой случай демонстрирует ситуацию, когда супруг с доминацией Я-Эго обладает высоким социальным статусом, его профессиональная деятельность насыщена различными событиями, и придя домой, он критикует жену за отсутствие личностного роста «мне через 5 лет с тобой не о чем поговорить будет». Супруга, также находящаяся под доминацией Я-Эго, готова посвятить свое время личностному развитию, однако вынуждена в настоящее время уделять основное внимание воспитанию ребенка, что существенно сокращает её возможности для самореализации. А муж не хочет сидеть с ребёнком, считая данное занятие скучным и не входящим в круг его обязанностей. В этой ситуации ввиду отсутствия помощников жене приходится жертвовать своим развитием ради малыша и становиться «не под стать» мужу. Если бы у обоих супружеских было развито Сверх-Я, то муж бы не укорял, а помогал.

Наблюдалась ещё такая ситуация в практике: в больницу поступила на обследование молодая женщина. Причина госпитализации: подозрение на бесплодие. Её привёз на обследование муж, потому что она после первой брачной ночи не смогла забеременеть. Никакие просьбы жены подождать, «может быть ещё получится», не могли повлиять на решение мужчины. Он считал, что женщина просто обязана забеременеть после первого же акта. По традиции их аула, «женщина не может учесть муж-

чину и должна быть ему послушна», вследствие подобного культурного уклада развивается когнитивное искашение реальности «Абсолютное ощущение собственной правоты», и семейная жизнь часто становится насыщена абсурдами. Гордыня и Я-Эго подобных мужчин не даёт возможность развиваться критическому мышлению, признавать свои ошибки. И в данной ситуации только убедительные аргументы врача-мужчины и краткая лекция о зачатии смогли убедить индивида подождать ещё хотя бы полгода и позволили жене вернуться домой.

Наиболее непонятный вариант для окружения возникает тогда, когда внешне семейная жизнь представляется идеальной: обеспеченная пара, добросовестные родители, длительный стаж совместного проживания, отсутствие бытовых конфликтов. Однако неожиданно жена объявляет о невозможности продолжения брака. Супруг оказывается совершенно дезориентирован отсутствием видимых предпосылок к такому решению. После консультации психолога выясняется, что партнёрская конструкция взаимоотношений обусловлена преобладанием эго-состояния «Ребёнок» у мужа и «Взрослого» у жены. Жена ощущает эмоциональную усталость вследствие того, что ей постоянно приходится обеспечивать мужа «погложениями» [4, с. 10–12]: одобрять действия мужа, выдавать «вознаграждения» интимного характера, хотя сама не нуждается в поощрениях за каждодневные действия. Её раздражают капризы и сквердность мужа относительно расходов на развитие детей и здоровье, бесконечные поиски потерянных в доме вещей и необходимость постоянной опеки. Первоначально на этапе вступления в брак наблюдался баланс эго-состояний партнёров, поскольку у жены была доминация «Родителя». Однако её многолетняя работа над собой привела к высокому уровню развитию Сверх-Я, в то время как личностное формирование мужа оказалось недостаточным. Женщина осознаёт потребность в морально взрослом партнёре, ей хочется, «чтобы рядом был Мужчина с большой буквы, который бы брал на себя ответственность за семью и за дела по дому, хочется восхищаться своим мужчиной, а не тащить за руку как маленького малыша».

Большинство таких женщин откладывают решение о разводе ввиду негативного влияния последнего на детскую психику, предпочитая ждать взросления детей либо примиряться с существующими условиями, убеждая себя в неизбежности подобной ситуации: «когда-нибудь, дети вырастут, и я уйду от мужа со спокойной душой», «за неением лучшего сойдёт и такой — не пьёт, не бьёт и ладно, у других хуже бывает». Но как бы себя такие женщины не обманывали, факт остаётся фактом: они не счастливы в браке, брак для них — обрезанные крылья, поскольку они часто жертвуют своим развитием как личности.

Постоянное недопонимание и неумение уступать друг другу неизбежно рождают конфликты, которые развиваются только в семьях, где у партнёров доминация Ид или Я-Эго. В случае, если хотя бы у одного из партнеров хорошо развито Сверх-Я, то эмоциональные конфликты

«тушатся в зачатках». Также специалист может помочь супругам научить это-состояние «Взрослый» при возникновении проблемных ситуаций, чтобы они все решали в диалоге, а не в споре. Например, как в данном случае: приходит к психологу пара на приём. Жена хочет большого кобеля купить, а муж против. Пребывая преимущественно в это-состояниях «Ребёнок», супруги месяц ругались из-за собаки, но стоило специалисту помочь активировать обоим супругам режим «Взрослого», как ситуация сразу же разрешилась: они услышали друг друга и приняли решение купить маленькую собачку (самку).

Следующими в списке причин разводов идут отсутствие уважения/нетерпимость (6 %), отсутствие доверия (4 %), внимания (4 %), чувств друг к другу (4 %).

При обращении пары на приём к семейному психологу нередко возникает ситуация, когда один из супругов выражает недовольство отсутствием должного уважения со стороны другого, несмотря на уверенность партнера в обратном. Если в ходе сессии специалист запрашивает письменное изложение представлений каждого партнёра о содержании понятия «уважение», то при анализе полученных записей, становится очевидным значительное расхождение индивидуальных интерпретаций данного термина. Один партнёр воспринимает уважение как совокупность элементарных норм вежливости: отсутствие оскорблений, выполнение договорённостей, внимательное слушание собеседника, воздержание от навязывания собственного мнения. Второй же — наделяет термин гораздо более широким смысловым спектром, включая сюда ежедневные проявления внимания, заботу о комфорте партнёра, эмоциональную поддержку и участие в повседневной жизни друг друга: «писать каждый день или звонить из командировки, не кидать носки у кровати,правляться о здоровье в течение дня, интересоваться всё ли в порядке на работе». Подобные различия обусловлены индивидуальными особенностями восприятия и воспитания, и, следовательно, являются вполне закономерными. Однако значительная проблема заключается в убеждении одного или обоих партнёров, которое диктует Я-Эго через режим «Родитель», что представление о проявлении уважения универсально и очевидно каждому человеку: «так воспринимают уважение все люди, и я не обязана это всё озвучивать супругу, он сам это должен понимать, не маленький». Именно такое неверное предположение зачастую служит источником конфликтов и недопонимания внутри пар. Обращение к специалисту позволяет выявить и обсудить подобные различия, что способствует формированию адекватного понимания взаимных ожиданий. Практический опыт показывает, что подобное психотерапевтическое вмешательство эффективно предотвращает развитие серьёзных семейных кризисов и снижает риск распада брака. Напротив, упорное отстаивание каждым участником собственных взглядов без учёта точки зрения партнёра свидетельствует о недостаточной зрелости Сверх-Я и существенно повышает вероятность прекращения брачных отношений.

Также неразвитость Сверх-Я у одного из партнёров может служить причиной отсутствия доверительных отношений в браке. Характеристика зрелого поведения предполагает частую активацию это-состояния «Взрослый», связанного с принятием личной ответственности за собственные поступки и обязанности. Трудности включения данного режима приводят к преобладанию инфантильных паттернов поведения, характеризующихся низкой степенью ответственности и осознанности действий. Примером служат случаи, когда один из членов супружеской пары систематически нарушает обязательства, важные для нормального функционирования семьи. К примеру, индивид с доминацией «Ребёнок» может забыть забрать сына из детского учреждения, оставить домашнее животное голодным либо пренебречь регулярностью ухода за растениями. Подобное поведение воспринимается другим партнёром как свидетельство несформированности зрелых поведенческих моделей, что постепенно формирует образ супруга как недостаточно надёжного и заслуживающего доверия члена семьи: «он хуже ребёнка». Следствием нарушения обязательств становится отказ делегирования ответственных дел партнёру. Парадоксальным образом невыполнение ответственных поручений не вызывает внутреннего дискомфорта у провинившегося лица, поскольку доминирующее это-состояние «Ребёнок» вполне устраивает перенос ответственности на других членов семьи. Это подтверждает наличие слабо выраженного чувства вины и ограниченность способности осознавать последствия собственной халатности. Однако демонстрация проблемы в присутствии третьих лиц (например, родственников или знакомых) резко меняет ситуацию. У провинившегося задета гордыня вследствие публичного раскрытия беспечности, что во многих случаях вызывает даже агрессию. Такой механизм реакции проявляется в виде защиты личного достоинства и статуса взрослого субъекта социальных взаимодействий, демонстрируя разрыв между внутренним восприятием себя и объективной оценкой окружающих. Нередко в таких ситуациях индивиды перекладывают вину на партнёра «ты меня позоришь перед друзьями — это недопустимо», и даже подают на развод из-за этого.

Отсутствие достаточного внимания и чувств друг к другу также является следствием различного понимания соответствующих терминов партнёрами. Индивиды различаются в потребностях относительно количества и качества проявлений заботы и привязанности, разного количества внимания, «поглаживаний». Одни нуждаются лишь в эпизодическом признании значимости и превосходства, удовлетворяя потребность минимальными актами внимания, такими как похвала или комплименты, поступающие раз в неделю. Другие ожидают постоянного подтверждения любви и заинтересованности, включая частые знаки внимания, подарки, регулярную физическую близость, совместное проведение досуга и прочие формы взаимодействия. Дисбаланс потребностей и предложений создаёт предпосылки для нарастающего напря-

жения в межличностных взаимоотношениях. При доминировании эго-состояния «Взрослый» у обоих участников союз успешно преодолевает возникающие трудности посредством открытого обсуждения и выработки компромиссных решений. В подобной ситуации развитость Сверх-Я обеспечивает устойчивость отношений и сохранение брака. И напротив, если одна сторона испытывает затруднения в формировании конструктивной модели поведения, связанной с включением режима «Взрослый», конфликт приобретает хронический характер. Эмоциональная неудовлетворённость порождает постоянное чувство обиды и раздражения, а стремление восполнить недостаток эмоциональной поддержки вступает в противоречие с возможностями партнёра. Отсутствие условий для достижения компромисса неизбежно ведет к ухудшению отношений вплоть до разрыва связи.

По мнению россиян несовместимость супругов также является вескими причинами разводов: 16 % ответов, в том числе не сошлись характером — 9 %, разные интересы / взгляды на жизнь — 4 %, не подходят друг другу — 3 %.

Согласно практическим наблюдениям, концепция несовместимости утрачивает свою значимость в условиях высокого уровня развития Сверх-Я у обоих супругов, поскольку постоянное пребывание в эго-состоянии «Взрослый» позволяет партнерам находить эффективные пути разрешения любых проблемных ситуаций, потому что члены семьи стремятся видеть положительное при любых обстоятельствах. Даже при наличии выраженных различий в доминации Ид и Я-Эго, партнеры способны гармонизировать отношения благодаря признанию уникальных способностей и качеств друг друга, что способствует конструктивному диалогу и пониманию потребности каждой стороны, создает условия для свободного выражения личных предпочтений без ущемления интересов второго участника. Например, желание мужа провести свободное время на рыбалке и предпочтение супруги посетить театр вполне допускают одновременную реализацию (муж идет на рыбалку, жена в театр — все довольны, никто никого не принуждает). Разделение досуговых мероприятий осуществляется добровольно и не сопровождается возникновением негативных эмоций или недовольством. Кроме того, развитое Сверх-Я способствует согласованию жизненных ориентиров и снижению влияния индивидуально-психологических особенностей характера. Оба партнера демонстрируют способность сознательно контролировать собственное поведение и развивать позитивные черты, снижая уровень возможных конфликтов и укрепляя внутрисемейные отношения.

Неготовность к семейной жизни, согласно опросу, включает необдуманное вступление в брак (7 %) и безответственность/инфантильность (5 %). Всё это также является следствием неразвитости Сверх-Я.

Проявление инфантильных черт и безответственности со стороны одного из супругов отражает длительную фиксацию в эго-состоянии «Ребенок», что может быстро надоест другому партнеру, функционирующему

преимущественно в режиме «Взрослый» или «Родитель». Альтернативно, возможна ситуация, когда второй партнер часто тоже включает «Ребёнка», стремясь освободиться от ответственности, однако данная стратегия терпит неудачу ввиду необходимости занимать активную позицию взрослого в семейных отношениях вопреки личным желаниям. Организация распределения ролевых функций в семейной динамике предполагает присутствие как минимум одного члена семьи в состоянии «Взрослый» или «Родитель», обладающего способностью активно поддерживать продуктивные коммуникации. Преобладание инфантильной установки у обоих партнеров ведет к дестабилизации семейной системы, невозможности удовлетворения базовых потребностей. Встречалась в практике ситуация, когда оба супруга находятся под доминацией Ид, и оба перекладывают ответственность за большинство домашних дел и воспитание детей на бабушку, тратя своё время лишь на удовлетворение своих потребностей. Подобная ситуация также возможна, если оба супруга находятся под доминацией Я-Эго, занятые интеллектуальной деятельностью и озабоченные лишь личными достижениями.

Если один из супругов называет причиной развода необдуманное вступление в брак, то значит, что брак его разочаровал. Причина такого явления коренится в специфике формирования ожиданий будущих партнеров относительно супружеской жизни. Как правило, перед заключением брака каждый партнер формирует определенный образ будущего семейного взаимодействия, основанный на собственных представлениях и фантазиях о достижении личного счастья в рамках семейной жизни. Эти образы зачастую носят идеальный характер, отражая влияние культурных стереотипов, романтизованных представлений и социальных норм, а порой по теории Курта Левина являются квазипотребностями [4]. Реальная жизнь часто отличается от созданных мысленных конструкций, порождая разрыв между ожидаемым и действительным. Неудача в реализации идеальных образов ведет к возникновению чувства неудовлетворенности, ощущения невыполненных обещаний и нарушенных надежд. Данный эффект усиливает негативное восприятие партнера и всего процесса совместной жизни, что провоцирует возникновение желания вернуться к состоянию до заключения брака, воспринимаясь как избавление от иллюзий и восстановление утраченной целостности.

Примеры обманутых ожиданий: «Я мечтал о том, как буду играть с сыновьями в футбол или в машинки, а рождаются одни девки»; «Я мечтала, что муж будет любить, заботиться, на руках носить, а мне приходится ему стирать, готовить...»; «Я думал, что будем классно с женой кататься на моей Lamborghini, а родился ребёнок, и супруга требует продать мою красотку, чтобы купить семейную машину. Почему я должен расставаться с Lamborghini из-за ребёнка? Ей надо было думать головой, прежде чем рожать!»; «Я вкалываю в будни, чтобы выходные проводить в кайф. А жена меня на дачу таскает и заставляет бесплатным землемкопом работать!»; «Я думала, что брак

решит все мои материальные проблемы. А муж — жмот. Даже на новые сапоги денег не даёт. Хожу в прошлогодних как бомжиха».

Причиной развода супруги также называют и внешние обстоятельства (7 % ответов, в том числе безработица — 5 %, внутренняя политика/нестабильность — 2 %).

Как показывают наблюдения такое основание для развода — повод найти оправдание желанию развестись, когда веских причин не находится. Или они есть, но интимного характера и озвучить не представляется возможным. Поскольку, если люди действительно хотят быть вместе, то они вместе и в бедности, и в нестабильности, и находят возможность быть вместе в другой стране, если их по каким-то политическим причинам не устраивает местонахождение (например, в некоторых странах было ограничение на рождение детей — люди находили возможность выехать в другую страну и стать многодетной семьёй).

Как говорится, кто хочет, тот ищет возможности, кто не хочет — оправдания (автора выражения найти не удалось).

Далее рассмотрим примеры поведения пары с разными доминациями на приёме у психолога.

Если оба супруга находятся в эго-состояниях «Ребёнок» и в них доминирует Ид, то можно услышать на сеансе терапии подобные реплики:

Пример 1. — Вот скажите ему, что так нельзя!

— Это Вы ей скажите, чтобы отстала от меня!

Пример 2. — Он упрямый как осёл!

— Сама такая!

В том случае, если у обоих супругов доминация Я-Эго, то ругань также присутствует, только она направлена на выяснения «кто главный» — наблюдается борьба за альфа в семье:

Пример 1. — Я ему говорю, что он должен выносить мусор, зарабатывать деньги, поехать со мной в театр, а он меня не слушает!

— Мужчина — глава семьи, мне женщина не указ!

Пример 2. — Я считаю, что наш сын должен поступать в музыкальное училище, а муж против!

— Да потому что пиликать на скрипичке — это не мужское занятие, у мужика должна быть настоящая профессия!

Литература:

1. Фрейд. Введение в психоанализ: лекции / Фрейд, З. — пер. Я. М. Коган, пер. — М.: Академический проект, 2020. — 477 с.
2. Готтман Что предсказывает развод / Готтман, Дж.. — СПб.: Питер, 2004. — 256 с.
3. Разводы в России: мониторинг. Портал Всероссийского центра изучения общественного мнения. — Текст: электронный // wciom.ru: [сайт]. — Москва, 24 октября 2024 г. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvody-v-rossii-monitoring> (дата обращения 24.12.2025)
4. Берн, Э. Игры, в которые играют люди психология человеческих отношений. / Э. Берн. — Перевод с английского, предисловие и примечания А. И. Фета. — Sweden: Philosophical arkiv, 2016. ISBN 978-91-983073-2-0
5. Социальная психология / Сухов, Н. А, Казанцев [и др.]. — 6-е изд. — М.: Академия, 2008.

Когда у одного из супружеских пар начинает доминировать Ид, а у другого Я-Эго, то у первого преобладают подобные паттерны в поведении: жалобы, лень, нежелание развиваться интеллектуально, изменять что-то в своём устоявшемся течении жизни, и т. п. В то время как второй супруг развивается интеллектуально, читает книги, ищет новых впечатлений, встреч, делает перестановки, затевает переезды, ремонты и старается заставить партнёра жить по его сценарию. На приёме у психолога часто супруг с доминацией Ид произносит: «Ну, чё началось-то опять, нормально же всё было».

В семье, где один из пары развивает активно Сверх-Я, а у второго доминирует Ид или Я-Эго, супруг с высоким уровнем развития Сверх-Я не стремится к конфликтам и старается их максимально слаживать, приспособиться к ситуации и потерпеть — подождать пока второй супруг морально вырастет. Лишь отказ партнёра от личностного роста может быть причиной развода: человек, много лет не наблюдая динамики, просто не видит смысла всю жизнь тратить на капризы «Ребёнка» или подчиняться тирании «Родителя».

Заключение

Исследование показало, что развитие элемента психики Сверх-Я каждого члена семьи является залогом стабильных и бесконфликтных отношений. Такие пары отличаются способностью самостоятельно разрешать возникающие трудности, эффективно коммуницировать и находить компромиссы, практически исключая обращение за профессиональной поддержкой. Это подтверждает значимость развития внутреннего самоконтроля, нравственных ориентиров и способности к рефлексии для каждого члена семьи.

Тем не менее, современные реалии требуют разработки специализированных образовательных программ, направленных на повышение осознанности членов семьи относительно собственных поведенческих моделей и личностных качеств. Создание условий для осознания и укрепления собственного Сверх-Я позволит супругам избежать большинства потенциальных конфликтов и создать устойчивые семейные отношения, уменьшит количество разводов, повысит уровень удовлетворенности браком.

Консультирование клиентов в поиске смысла жизни: интеграция экзистенциально-гуманистического и трансперсонального подходов

Ямбарцева Алевтина Валерьевна, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассматривается проблема оказания психологической помощи клиентам, переживающим экзистенциальный кризис и утрату смысла жизни. Цель исследования — теоретическое обоснование интеграции экзистенциально-гуманистического и трансперсонального подходов в практику психологического консультирования. Проведен сравнительный анализ философско-методологических оснований, целей и методов двух подходов. На основе теоретического моделирования разработана трехуровневая интегративная модель консультирования, последовательно включающая личностно-смысловой (экзистенциально-гуманистический), феноменолого-интегративный (переходный) и надличностно-духовный (трансперсональный) уровни работы. Определены принципы, этапы и методическое обеспечение интегративного процесса. Результаты демонстрируют комплементарность подходов и расширение возможностей консультативной помощи за счет учета как личностных, так и духовных аспектов человеческого существования. Делается вывод о практической значимости модели для работы с глубинными экзистенциальными запросами в индивидуальном и групповом консультировании, а также в подготовке психологов-консультантов.

Ключевые слова: смысл жизни, экзистенциальный кризис, психологическое консультирование, экзистенциально-гуманистический подход, трансперсональный подход, интегративная модель, логотерапия, холотропное дыхание, духовное измерение

Counseling clients in the search for meaning in life: integration of existential-humanistic and transpersonal approaches

Yambartseva Alevtina Valeryevna, master's student
Togliatti State University (Samara Oblast)

This article addresses the problem of providing psychological assistance to clients experiencing an existential crisis and loss of meaning in life. The study aims to provide a theoretical foundation for integrating existential-humanistic and transpersonal approaches in psychological counseling practice. A comparative analysis of the philosophical and methodological foundations, goals, and methods of the two approaches is conducted. Through theoretical modeling, a three-level integrative counseling model is developed, encompassing: the personal-meaning level (existential-humanistic), the phenomenological-integrative (transitional) level, and the transpersonal-spiritual level.

The principles, stages, and methodological framework of the integrative process are outlined. The findings demonstrate the complementarity of both approaches and the expansion of counseling possibilities through the inclusion of personal and spiritual dimensions of human existence. The paper concludes by highlighting the practical relevance of the model for addressing profound existential concerns in individual and group counseling, as well as in the training of counseling psychologists.

Keywords: meaning of life, existential crisis, psychological counseling, existential-humanistic approach, transpersonal approach, integrative model, logotherapy, holotropic breathing, spiritual dimension.

Введение

В современном обществе, характеризующемся динамичными изменениями, трансформацией ценностей и ростом неопределенности, все больше людей сталкиваются с переживанием экзистенциального вакуума — потерей жизненных ориентиров и смысла существования [4]. Данная проблема является одной из центральных в практике психологического консультирования. Традиционно работа с экзистенциальными запросами ведется в рамках экзистенциально-гуманистического подхода (Б. Франкл, И. Ялом, А. Маслоу, К. Роджерс), фокусирующегося на личностной ответственности, аутентичности и поиске

конкретных жизненных смыслов. Однако этот подход может быть ограничен в работе с глубинными духовными переживаниями и надличностными аспектами опыта.

Трансперсональная психология (С. Гроф, К. Уилбер, А. Маслоу), рассматривающая человека в контексте расширенного сознания и духовного измерения, предлагает методы для работы с этим уровнем. Несмотря на потенциальную комплементарность, вопросы синтеза этих двух мощных направлений в единой консультативной модели остаются недостаточно разработанными.

Цель исследования — теоретическое обоснование и разработка интегративной модели психологического

консультирования, объединяющей принципы и методы экзистенциально-гуманистического и трансперсонального подходов для работы с поиском смысла жизни.

Задачи исследования:

1. Провести сравнительный анализ философско-методологических оснований, целей и методов экзистенциально-гуманистического и трансперсонального подходов.
2. Выявить теоретические предпосылки и принципы их интеграции.
3. Разработать структурную модель интегративного консультирования.
4. Определить методическое и этическое обеспечение реализации модели.

Методы исследования

Исследование носит теоретический характер. В качестве основных методов использовались: системный и сравнительный анализ философской и психологической литературы по проблеме смысла жизни, экзистенциальной и трансперсональной психологии; теоретическое моделирование для разработки структуры интегративного процесса; концептуальный анализ для выявления принципов интеграции.

Результаты исследования

1. Сравнительный анализ подходов.

Экзистенциально-гуманистический подход, укорененный в философии экзистенциализма и феноменологии, делает акцент на уникальности личности, свободе, ответственности и поиске аутентичного бытия в мире. Его цель — помочь в обретении конкретных жизненных смыслов через самотрансценденцию (В. Франкл). Методы включают логотерапию, экзистенциальный анализ, клиентцентрированную терапию, работу с экзистенциальными данностями (смерть, свобода, изоляция, бессмысличество) [7, 2].

Трансперсональный подход, интегрирующий идеи глубинной психологии, восточных философий и исследований сознания, расширяет фокус, включая надличностные и духовные измерения. Его цель — трансценденция эго и переживание единства с более широким целым. Методы включают холотропное дыхание, различные формы медитации, работу с активным воображением, анализ трансперсональных переживаний [1, 3].

Анализ выявил значительную общность базовых принципов: холистического видения человека, ориентации на рост и самоактуализацию, признания духовного изменения. Подходы комплементарны: первый обеспечивает работу с личностными основами, второй — доступ к надличностным ресурсам.

Данная комплементарность находит свое отражение и в современных исследованиях операциональных механизмов психики. В частности, идеи В. Д. Шадрикова об операциональных механизмах способностей, где ключевую роль играют познавательные стратегии, согласующиеся с логикой интегративного процесса, предполагающего развитие и использование специфических методов для работы на разных уровнях опыта [6].

2. Теоретические предпосылки интеграции.

Интеграция обосновывается:

1. Единством цели — от самотрансценденции к личностной (Франкл) и духовной реализации и трансценденции эго (Гроф, Уилбер).

2. Комплементарностью методологических принципов: работа с «здесь и сейчас» создает основу для безопасного исследования расширенных состояний сознания; развитие аутентичности согласуется с движением к целостности (холотропия).

3. Общей философско-антропологической базой, признающей многомерность человеческой природы.

3. Интегративная модель консультирования.

Разработана трехуровневая динамическая модель, предполагающая последовательную или циклическую работу:

Уровень 1. Экзистенциально-гуманистический (личностно-смысловой). Цель: прояснение личностных смыслов, усиление аутентичности и ответственности. Методы: логотерапевтические техники, экзистенциальный анализ, нарративные практики.

Уровень 2. Переходный (феноменолого-интегративный). Цель: подготовка сознания, развитие навыков самонаблюдения и саморегуляции. Методы: mindfulness-практики, дыхательные техники, фокусировка.

Уровень 3. Трансперсональный (надличностно-духовный). Цель: расширение границ идентичности, интеграция духовного опыта. Методы: направленная визуализация, работа с активным воображением, углубленные медитативные практики (с учетом строгих показаний и подготовки консультанта).

4. Методическое и этическое обеспечение.

Определен поэтапный алгоритм работы (диагностика, работа на уровнях 1–3, интеграция), критерии отбора клиентов и методов. Особое внимание уделено этическим принципам: информированному согласию, приоритету безопасности (*primum non nocere*), предотвращению духовного байпаса, культурной чувствительности, необходимости супервизии и междисциплинарного взаимодействия.

Обсуждение результатов

Предложенная модель представляет собой попытку синтеза двух традиционно развивающихся параллельно направлений. Ее ключевое отличие от моноподходов — системный учет всей вертикали человеческого опыта: от решения конкретных личностных задач до контакта с экзистенциально-духовными основаниями бытия. Последовательность уровней минимизирует риски ретравматизации и духовного байпаса.

Интеграция соответствует современным тенденциям в психотерапии, ориентированным на холизм и персонализацию помощи [5]. Модель находит точки соприкосновения с идеями К. Уилбера о спектре сознания и В. Шадрикова об операциональных механизмах способностей, где познавательные стратегии аналогичны роли интегративных техник в консультировании [6, 3].

Ограничением модели является ее теоретический характер и высокие требования к квалификации консультанта, который должен быть компетентен в обоих подходах и вопросах психиатрической дифференциальной диагностики. Необходима дальнейшая эмпирическая апробация модели.

Выходы

Теоретически обоснована комплементарность и интеграционный потенциал экзистенциально-гуманистического и трансперсонального подходов в консультировании по поиску смысла жизни.

Разработана трехуровневая интегративная модель, структурно представляющая процесс консультирования как последовательное восхождение от личностных к надличностным аспектам опыта.

Определены методические и этические принципы реализации модели, обеспечивающие безопасность и эффективность консультативного процесса.

Практическая значимость исследования заключается в создании инструмента для работы со сложными экзистенциальными запросами, который может быть использован в консультативной практике, супervизии и профессиональной подготовке психологов.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической проверкой эффективности модели, разработкой конкретных протоколов работы для различных типов клиентов и интеграцией предложенного подхода в программы повышения квалификации психологов-консультантов.

Литература:

- Гроф, С. Холотропное сознание: три уровня человеческого сознания и их влияние на нашу жизнь / С. Гроф, Х. З. Беннетт. — Москва: Ганга, 2018. — 396 с.
- Лэнгле, А. Жизнь, наполненная смыслом: прикладная логотерапия: пер. с нем. / А. Лэнгле. — Москва: Генезис, 2004. — 127 с.
- Уилбер, К. Интегральная психология. Сознание, Дух, Психология, Терапия / К. Уилбер; пер. с англ. А. А. Киселева. — Москва: АСТ, 2004. — 412 с.
- Франкл, В. Человек в поисках смысла: пер. с англ. и нем. / В. Франкл; общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. — Москва: Прогресс, 1990. — 366 с.
- Холмогорова, А. Б. Интегративная психотерапия расстройств аффективного спектра: монография / А. Б. Холмогорова. — Москва: Медпрактика-М, 2011. — 479 с.
- Шадриков, В. Д. Ментальное развитие человека / В. Д. Шадриков. — Москва: Аспект Пресс, 2007. — 283 с.
- Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия / И. Ялом; пер. с англ. Т. С. Драбкиной. — Москва: РИМИС, 2008. — 604 с.
- Maslow, A. H. The Farther Reaches of Human Nature / A. H. Maslow. — New York: Penguin Books, 1993. — 432 p.
- Rogers, C. R. A Way of Being / C. R. Rogers. — Boston: Houghton Mifflin, 2018. — 395 p.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Взаимосвязь уровня физической подготовленности и академической успеваемости студентов юридических вузов

Буркина Юлия Олеговна, студент

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Современная система высшего образования предъявляет высокие требования к студенту, выполняющему учебные обязанности, вынуждает его функционировать в условиях интенсивных умственных и психоэмоциональных нагрузок. Профессия юриста спрятана с высоким уровнем нервно-психического напряжения, хроническим стрессом и малоподвижным характером труда. В связи с этим возникает необходимость присутствия физической активности в жизни человека. Всемирная Организация Здравоохранения определяет физическую активность как какое-либо движение тела, производимое скелетными мышцами, которое требует расхода энергии [3]. У современных студентов-юристов, в соответствии с «Федеральным государственным стандартом высшего образования» и иными нормативно-правовыми актами особое место в учебном плане занимают занятия по физической подготовке, направленные на пропаганду физической культуры и спорта, здорового образа жизни и других немаловажных факторов.

Возникает закономерный вопрос: существует ли прямая взаимосвязь между регулярной физической активностью, уровнем функционального состояния организма и академической успеваемостью? Ответ на него имеет не только теоретический, но и практический интерес, поскольку может стать основанием для разработки интегрированных программ, сочетающих профессиональное образование и физическое воспитание.

Физическая активность играет ключевую роль в студенческой жизни. Она помогает преодолевать трудности и справляться со стрессом, неизбежными в процессе обучения и в дальнейшей жизни. Физическая культура тренирует когнитивные способности, снимает зрительное напряжение и стресс, а также решает проблемы, связанные с гиподинамией, характерной для студентов, особенно во время сессии. Студенты подвержены сильному и продолжительному нервному напряжению. Умственная работа проявляется сосредоточенным выражением лица, сжатыми губами. Многие неосознанно напрягают мышцы рук и ног. Импульсы от этих мышц стимулируют работу

головного мозга, повышая умственную активность, облегчая восприятие и запоминание информации.

Ученые давно установили негативное влияние сидячего образа жизни на организм [2]. Застой крови в сосудах замедляет кровообращение. Бездействие мышц приводит к деформации вен. Деятельность, не требующая физических усилий, сопровождается напряжением мышц шеи, плечевого пояса, лица и речевого аппарата, которые связаны с нервыми центрами, управляющими вниманием, эмоциями, речью и поведением. При длительной работе напряжение перемещается от пальцев к мышцам плеча, активизируя кору головного мозга. Продолжительная нагрузка вызывает привыкание, затем торможение, снижая работоспособность [1]. Активные движения, физические упражнения и тренировки помогают снять напряжение. Для умственной работы необходим не только тренированный мозг, но и тренированное тело. Регулярная физическая нагрузка до, во время и после умственной работы положительно влияет на умственную работоспособность. Игры в футбол, волейбол, баскетбол стимулируют работу мозга, развивают самодисциплину, ответственность, коммуникабельность и инициативность.

Среди обучающихся на 2 курсе юридического факультета проведено анкетирование студентов с целью проанализировать взаимосвязь физической нагрузки с их успеваемостью. Анкетирование студентов показало, что среди обучающихся, с «отличной» и «хорошей» успеваемостью по результатам последней сессии: — 58 % опрошенных студентов осознают и отмечают значительное положительное влияние физической подготовки на свои учебные результаты. Студенты с высокой успеваемостью почти в два раза чаще признают значительное положительное влияние физической подготовки на свой учебный процесс по сравнению со студентами с низкой успеваемостью, что свидетельствует о реальной пользе физической подготовки, так и о большей осознанности успевающих студентов в вопросах организации своего времени и здоровья. Около 42 % опрошенных считают, что физическая нагрузка никак не влияет на умственную деятельность, однако большая часть скептиков (10 из 17) — это

студенты с хорошей успеваемостью, что может говорить о том, что свою успешность в учебе они объясняют другими факторами.

По итогам опроса студентов, проведенный анализ практических занятий физической подготовкой показал, что наиболее популярным режимом нагрузок является периодичность, составляющая 2–3 раза в неделю. А время — 1–1,5 часа. Респонденты отмечают, что занятия повышают общий тонус и энергию, снижают уровень стресса, улучшают качество сна, улучшают концентрацию внимания, способствуют лучшей самоорганизации. Важно отметить, что даже среди тех, кто не видит прямого влияния физической активности на успеваемость, многие отмечают эти положительные эффекты.

Необходимо выявить возникающие у учащихся проблемы, которые препятствуют ежедневной физической активности. Так, например, 50 % опрошенных жалуется на частую сонливость в течение учебного дня и сильный стресс во время сессии.

Таким образом, студент с хорошей успеваемостью, с высокой вероятностью, занимается физической подготовкой 2–3 раза в неделю по 1–1,5 часа и отмечает, что это помогает ему лучше учиться, концентрироваться иправляться со стрессом. Следовательно, нормы времени, установленные законодательством и отдельными локальными нормативно-правовыми актами, соответствуют потребностям студентов. Однако наблюдается тенденция увеличения времени, уделяемого данной дисциплине в связи с ростом пропаганды спорта и здорового образа жизни среди студентов, что оказывает положительную динамику на академическую успеваемость.

Несмотря на наблюдаемые улучшения, критически важно принимать во внимание уникальность каждого учащегося и их специфические запросы. Не все могут следовать рекомендованным уровням физической нагрузки в силу состояния здоровья, загруженности или личных соображений. Таким образом, требуется персонализированный подход к организации физического воспитания, учитывающий эти аспекты. Внедрение адаптивных программ, предоставляющих широкий спектр физических упражнений, доступных в разное время и в различных форматах (дистанционно, в группах, индивидуально), способно увеличить заинтересованность учащихся и сделать физическую активность более привлекательной.

Помимо этого, необходимо создавать и реализовывать образовательные инициативы, нацеленные на расширение знаний студентов о выгодах физической активности и стимулирование стремления к здоровому образу жизни. Следует акцентировать внимание не только на физиологических, но и на психологических, социальных и когнитивных преимуществах регулярных занятий спортом.

В заключение, необходимо отметить, что предположение о позитивной корреляции между физической активностью и академическими достижениями студентов юридических специальностей подтверждается. Систематические занятия спортом содействуют улучшению фи-

зического состояния организма, уменьшению уровня стресса, увеличению концентрации внимания и улучшению качества сна, что, в свою очередь, положительно влияет на учебный процесс. Необходимость внедрения комплексных программ, объединяющих профессиональное обучение и физическое воспитание, становится очевидной.

Для дальнейшего расширения положительного влияния физической активности на академическую успеваемость студентов юридических вузов необходимо рассмотреть возможность интеграции физического воспитания в учебный процесс не только на уровне обязательных занятий, но и в виде факультативных курсов, спортивных секций и мероприятий, ориентированных на различные виды активности и уровни подготовки. Важно создать условия, в которых каждый студент сможет найти форму физической активности, соответствующую его интересам и возможностям, что повысит мотивацию и приверженность к здоровому образу жизни. Необходимо учитывать, что каждое учреждение высшего образования самостоятельно определяет формы занятий и иные формы взаимодействия обучающихся с преподавателями данной дисциплины [4].

Целесообразно развивать инфраструктуру спортивных объектов на территории вузов, обеспечивая доступность спортивных залов, площадок и оборудования. Необходимо создавать специализированные программы, направленные на профилактику гиподинамии и улучшение осанки, учитывая специфику учебной деятельности студентов-юристов, проводящих много времени в сидячем положении.

Не менее значимым является проведение просветительской работы среди преподавательского состава и административных работников вузов о важности физической активности для поддержания здоровья и повышения работоспособности. Информирование о взаимосвязи физического и умственного развития, а также о методах стимулирования студентов к занятиям спортом может способствовать созданию благоприятной образовательной среды, поддерживающей здоровый образ жизни.

Внедрение системы мониторинга физической активности студентов, включающей анкетирование, тестирование физической подготовленности и оценку субъективного самочувствия, позволит получить более точную информацию о потребностях и предпочтениях студентов в области физического воспитания. Данные мониторинга могут использоваться для корректировки учебных программ и разработки индивидуальных рекомендаций по поддержанию оптимального уровня физической активности.

Для закрепления положительного эффекта необходимо поощрять участие студентов в спортивных соревнованиях и мероприятиях различного уровня, что будет способствовать формированию командного духа, развитию лидерских качеств и повышению мотивации к достижению высоких результатов не только в спорте, но и в учебе.

Литература:

1. Духова, Г. А. Влияние физических упражнений на работоспособность и успеваемость студентов: Учебно-методическое пособие. — Изд. № 241-17.
2. Соснин, В. П. Влияние оздоровительной физической культуры на организм: Учебно-методическое пособие для студентов / Рубцовский индустриальный институт. — Рубцовск, 2014. — с. 23-24
3. Всемирная организация здравоохранения. Рекомендации ВОЗ по физической активности и малоподвижному образу жизни. — Женева: ВОЗ, 2020 — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.cardioc.ru/upload/95/iblock/70c/70c1a0b49ae80903db8438b5cd6d744.pdf>, свободный (дата обращения 12.11.2024).
4. Методические рекомендации для образовательных организаций высшего образования по организации деятельности кафедр физического воспитания, в том числе по вопросам научно-методического обеспечения студенческого спорта (утв. Минобрнауки России 01.12.2023, Минспортом России 05.12.2023, Минпросвещения России 06.12.2023)

The impact of sports short videos on physical activity of university students

Janiyarova Viktoriya Aleksandrovna, graduate student
Huzhou University (China)

In the contemporary digital landscape, short-form video platforms such as TikTok, Bilibili, and Kuaishou have revolutionized health communication. This article explores the transformative influence of sports short videos on university students. By applying the Stimulus-Organism-Response (S-O-R) framework and Self-Determination Theory (SDT), the study identifies the psychological and behavioral mechanisms — ranging from intrinsic motivation to subjective well-being — that translate digital consumption into physical action. Findings suggest that while these platforms act as a powerful catalyst for increasing exercise frequency and duration, their effectiveness depends heavily on content quality and the «message sensation value». The article concludes with practical recommendations for integrating these digital tools into university physical education curricula to foster sustainable sports lifestyles.

Keywords: short-form videos, TikTok, university students, physical education, exercise intention, S-O-R model, digital health.

Introduction

The crisis of physical inactivity and the digital pivot

Physical fitness is a critical health indicator, yet a significant proportion of the global population fails to meet the minimum exercise standards required by the human body [1]. Among university students, this issue is exacerbated by sedentary lifestyles, academic pressure, and «internet addiction» [2]. Statistics indicate that while sports participation has increased globally over the last 30 years, the digital era has introduced a paradox: while the internet is often blamed for physical inactivity, it also provides unprecedented access to fitness tutorials and «Fitspiration» culture [3].

The emergence of TikTok (Douyin) and similar platforms, characterized by videos ranging from a few seconds to a few minutes, has created a new frontier for physical culture [4]. With over 1 billion short video users globally, and a high penetration rate among university students (over 80 % in some demographics), these platforms have become primary channels for sports information dissemination [2]. This article analyzes how this «digital spark» influences exercise intention and the formation of a lifelong sports lifestyle among the youth.

Theoretical Framework: Modeling the Digital Impact

To understand how a 15-second video leads to a 60-minute workout, researchers utilize several key psychological models.

1. The S-O-R Model (Stimulus-Organism-Response) The S-O-R model posits that external digital stimuli (S) trigger internal psychological changes in the organism (O), which eventually lead to a behavioral response (R) [2].

— **Stimulus (S):** Professionalism of creators, logic of content, and audiovisual elements.

— **Organism (O):** Satisfaction of intrinsic needs—entertainment, information, and social interaction.

— **Response (R):** Increased exercise frequency, duration, and intention.

2. Self-Determination Theory (SDT) and Chained Mediation SDT suggests that behavioral change is most sustainable when driven by **Intrinsic Motivation** — the internal drive to participate for enjoyment and personal satisfaction. Studies have confirmed a «chained mediation» effect: social media use >> intrinsic motivation >> exercise intention >> exercise behavior [2].

Explanatory Note 1: Standardized Regression Coefficient (β)

In these models, researchers use β to measure the strength of an effect. For example, a value of $\beta = 0.396$ indicates that for every unit increase in social media use, intrinsic motivation increases by approximately 40 % of its standard deviation. This shows a «strong positive prediction» [2].

Content Characteristics: The Power of Message Sensation Value (MSV)

Not all sports videos are equally effective. The success of a digital stimulus depends on its **Message Sensation Value (MSV)** — the ability of audiovisual features to excite the viewer's senses [5].

1. Visual and Emotional Stimuli Videos showcasing «Body Transformations» and «Motivational Content» consistently report higher engagement levels than simple technical demonstrations. University students are particularly drawn to content that evokes emotional resonance — a feeling of «If they can do it, so can I» [5].

2. Technical Quality and Logic High-quality health information adoption is driven by:

- **Logical Consistency:** Step-by-step clarity.
- **Source Authority:** Verification of the creator's professional background (e.g., certified coaches or athletes).

— Duration Sufficiency: While videos are short, they must be long enough (ideally 1–3 minutes) to provide actionable advice without oversimplifying the risks [6].

The Shift from «Visibility» to «Participability»

A groundbreaking concept in digital physical culture is the transition from «**Visibility**» (passively watching a body as an object) to «**Participability**» (using the video as a virtual environment for co-practice) [1].

Short videos create a «**Virtual Coach**» effect through:

— **Synchronous Interaction:** Features like «duets» and «challenges» allow students to sync their movements with the creator [7].

— **Embodied Resonance:** Students report that watching a creator sweat or struggle makes the exercise feel more «real» and achievable, reducing the psychological barrier to starting [7].

— **Social Feedback Loops:** Comments and «likes» provide immediate social reinforcement, which is often missing in traditional solo workouts [2].

Empirical Analysis: Changes in Sports Lifestyles

Data from university students in major hubs like Nanjing and Guangzhou reveal significant shifts in behavioral patterns.

1. Exercise frequency and Duration Research shows a statistically significant difference in exercise habits before and after the adoption of fitness apps and short videos [8].

— **Frequency:** The percentage of students exercising 3–4 times per week rose significantly among active video users [9], [10].

— **Duration:** Single exercise sessions shifted from under 30 minutes to the 60–90 minute range [8], [9].

— **Intensity:** High-frequency users are more likely to engage in «Moderate to High» intensity workouts [8].

2. Subjective Well-being (SWB) as a Mediator

A key finding is that sports short videos do not just promote physical health; they enhance **Subjective Well-being** [11]. By providing entertainment and reducing academic stress, these videos create a positive feedback loop: better mood higher exercise intention physical activity improved well-being [11].

Explanatory Note 2: Correlation Coefficient (*r*)

Researchers found a positive correlation of $r=0.193$ between media use and sports behavior [1]. While seemingly low, in large-scale social sciences, this is a «significant positive correlation», meaning media use is a reliable predictor of physical activity among youth.

Gender and Professional Differences in Digital Sports Consumption

Consumption patterns vary based on a student's major and gender [2].

— **Gender:** Male students often focus on «Sports Events» and «Strength Training», using videos for competitive motivation [3], [9]. Female students show higher engagement with «Rhythmic Gymnastics», «Yoga», and «Body Transformation» content, often seeking «escape» and «guidance» [3].

— **Academic Major:** Students in Science and Engineering often report higher «Perceived Usefulness» of data-driven fitness apps, whereas Arts and Humanities students may prioritize the «Perceived Entertainment» value of the content [8].

The «Double-Edged Sword»: Critical Perspectives

Despite the benefits, the «TikTok-ization» of physical culture presents risks that «Young Scientists» must acknowledge.

1. Pan-Entertainment and Fragmentation

The «pan-entertainment» (泛娱乐化) trend can lead to shallow learning [12], [13]. Many videos focus on visual «gimmicks» rather than scientific training principles. This results in «Fragmented Knowledge», where students learn isolated movements but lack a systematic understanding of physical training [2].

2. Misinformation and Anxiety

Incorrect Technique: Non-professional creators may promote dangerous exercise forms, leading to ligament or muscle injuries [13].

Body Image Anxiety: Constant exposure to «perfectly filtered» bodies can trigger «Body Image Anxiety» and «Appearance Anxiety» among vulnerable students, potentially leading to eating disorders rather than health [13].

Pathways for Physical Education (PE) Reform

To mitigate risks and leverage digital benefits, universities must adapt.

1. Hybrid Learning Models

Official PE courses should integrate high-quality short videos for technical demonstrations [1], [9]. For example, 50.2 % of teachers in a study already use TikTok to teach rhythmic gymnastics with positive results [4].

2. Digital Literacy and Feedback

Universities should teach «**Digital Health Literacy**» — the ability to distinguish between expert advice and unscientific fitness myths [1]. Establishing a «Student Sports Record System» that syncs with fitness apps could provide personalized feedback and scientific guidance [9].

Conclusion

Sports short-form videos have evolved into a vital «Digital Catalyst» for university physical culture. When designed with high **Message Sensation Value** and based on **Source Au-**

thority, these videos effectively satisfy the intrinsic needs of students, boosting their **Intrinsic Motivation** and **Subjective Well-being**. While the risks of pan-entertainment and misinformation remain, the transition from passive «visiting» to ac-

tive «participating» offers a unique opportunity. The future of physical education lies in the synergy between traditional pedagogical rigor and the dynamic, engaging nature of digital short-form content.

References:

1. Yu Tian, Pengfei Yang, Desheng Zhang. The relationship between media use and sports participation behavior: A meta-analysis. 2023.
2. 范玉静. 传播学视角下运动短视频对大学生锻炼行为意向的影响研究 [D].太原理工大学,2024.DOI:10.27352/d.cnki.gylgu.2024.002225.
3. Xi Xiao, Dalin Huang, Guanchong Li. The impact of fitness social media use on exercise behavior: the chained mediating role of intrinsic motivation and exercise intention. 2025.
4. Eka Fitri Novita Sari et al. How Physical Education through TikTok Makes a Difference: The Use of TikTok to Promote Learning Activities. 2022.
5. Manuel B. Garcia. Watching Exercise and Fitness Videos on TikTok for Physical Education: Motivation, Engagement, and Message Sensation Value. 2024.
6. 张宇彤. 健康科普短视频内容特征及其对用户健康信息采纳行为的影响研究 [D].吉林大学,2024.DOI:10.27162/d.cnki.gjlin.2024.002503.
7. 张宇彤. 健康科普短视频内容特征及其对用户健康信息采纳行为的影响研究 [D].吉林大学,2024.DOI:10.27162/d.cnki.gjlin.2024.002503.
8. 邓珂帆. 运动健身类APP对广州市大学生体育生活方式的影响研究 [D].华南理工大学,2023.DOI:10.27151/d.cnki.ghnlu.2023.000616
9. 李锐. 体育短视频的使用对大学生运动参与的影响研究 [D].南京体育学院,2024.DOI:10.27247/d.cnki.gnjtc.2024.000189.
10. 王喜平. 健身类APP对大学生体育锻炼态度和行为的影响研究 [D].首都体育学院, 2017.
11. 曾玉玮. 体育短视频对大学生锻炼行为的影响: 主观幸福感的中介作用 [D].淮北师范大学, 2024.DOI:10.27699/d.cnki.ghbmt.2024.000341.
12. 赖煌滨. 体育类短视频对我国青少年体育运动影响的利弊分析 [J].采写编, 2023(05):88–90.
13. 杜东升,原飞.自媒体平台健身类视频对大学生运动影响及体育教育改革路径研究 [J].新闻研究导刊, 2023,14(22):169–171.

ФИЛОЛОГИЯ, ЛИНГВИСТИКА

Языковые средства создания портретной характеристики на материале языковых особенностей прозаических произведений А. П. Чехова

Боровикова Юлия Владимировна, студент

Научный руководитель: Стародубцева Зинаида Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент
Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета

Статья посвящена исследованию языковых средств, используемых А. П. Чеховым для создания портретных характеристик персонажей в его прозаических произведениях. Рассматриваются лексические, синтаксические, стилистические и композиционные приемы, позволяющие писателю лаконично и выразительно передавать внешность, психологическое состояние и социальный статус героев. Особое внимание уделяется роли художественной детали, иронии, подтекста и принципу «показать, а не рассказать». Анализируются примеры из рассказов и повестей Чехова, демонстрирующие его мастерство в создании емких и многогранных образов.

Ключевые слова: А. П. Чехов, портретная характеристика, языковые средства, проза, художественная деталь, ирония, подтекст, лаконизм, стиль, психологизм.

Антон Павлович Чехов — один из величайших мастеров русской литературы, чья проза отличается лаконичностью, глубиной и выразительностью. Одной из ключевых особенностей его творчества является умение несколькими штрихами создать яркий, запоминающийся образ персонажа. Портретная характеристика у Чехова — это не просто описание внешности, а сложный синтез деталей, речевых особенностей, жестов и авторских комментариев, раскрывающих внутренний мир героя.

Цель данной статьи — проанализировать языковые средства, которые Чехов использует для создания портретных характеристик, и выявить их роль в формировании художественного образа.

Портрет в литературе — это описание внешности персонажа, включающее черты лица, фигуру, одежду, манеры, жесты и другие визуальные детали. Однако у Чехова портрет часто выходит за рамки простого описания, становясь инструментом психологического и социального анализа.

Чехов избегает пропастранных описаний, предпочитая лаконичные, но емкие детали, которые несут большую смысловую нагрузку. Например, в рассказе «Ионыч» главный герой сначала предстает молодым, энергичным доктором, а затем постепенно превращается в «ожиравшего, красного» обывателя — и эта трансформация передается через несколько тщательно отобранных деталей.

Чехов мастерски использует:

— **Оценочную лексику** («худощавый», «пухлый», «бледный»), которая сразу формирует представление о персонаже.

— **Эпитеты и метафоры** («глаза, как у испуганной лошади» или... превращается в «ожиравшего, красного» обывателя — «Ионыч»). [10.34].

— **Профессиональную и социальную лексику** (например, описание чиновников в «Человеке в футляре»).

Пример: «Он был маленький, рыжий, с длинными руками, как у обезьяны» [8.122].

Здесь всего несколько слов, но они создают яркий, почти гротескный образ.

Чехов часто использует синтаксические особенности портретов:

— **Короткие, рубленые фразы**, которые придают описанию динамичность.

— **Повторы и параллельные конструкции**, подчеркивающие характерные черты.

— **Незаконченные предложения**, создающие эффект недосказанности.

Пример из «Дамы с собачкой»: «Она была высокая, блондинка, в берете; за нею бежал белый шпиц...» [10. 56]

Здесь нет лишних слов, но образ сразу возникает в воображении читателя.

Стилистические приемы в портретных описаниях Чехов активно использует:

— **Иронию** (например, описание Беликова в «Человеке в футляре»).

— **Контраст** (сравнение персонажей через их внешность).

— **Психологический подтекст** (внешние детали отражают внутреннее состояние).

Пример: «Лицо у него было маленькое, как у хорька, и всё, что он делал, было тоже маленькое, аккуратное» [10. 89].

Эта деталь подчеркивает мелочность и ограниченность героя.

Одной из ключевых особенностей чеховского стиля является мастерское использование художественной детали, которая несет в себе значительную смысловую нагрузку. В отличие от многих своих современников, Чехов избегает развернутых описаний внешности персонажей, предпочитая точечные, но исключительно выразительные детали, становящиеся лейтмотивами в характеристике героя. Эти детали выполняют несколько важных функций:

1. Символическая функция

Деталь у Чехова часто превращается в емкий символ, раскрывающий сущность персонажа. Например:

— *Пенсне Беликова* («Человек в футляре») — не просто предмет, а воплощение всей его «футлярной» философии жизни. Оно становится материальным выражением его страха перед реальностью, своеобразным барьером между ним и миром. Даже в гробу Беликов лежит с «кrotким, приятным, даже веселым выражением», как будто наконец достиг своего идеала — вечного футляра.

2. Характерологическая функция

Детали внешности часто служат указанием на внутренние качества персонажа:

— *Красный жилет Ольги Ивановны* [8.45] — яркая деталь, подчеркивающая ее поверхность, жажду внимания, стремление выделиться. Этот предмет гардероба становится маркером ее легкомысленности, контрастируя с трагической связкой истории.

— *Длинные ногти Кирьякова* («Случай из практики») — эта, казалось бы, незначительная деталь становится важной характеристикой героя, подчеркивая его непрятливость, душевную черствость.

3. Психологическая функция

Чеховские детали часто передают душевное состояние персонажа:

— *Дрожащие губы и красные пятна на лице Анны Сергеевны* («Дама с собачкой») — эти детали красноречивее любых описаний передают ее внутреннее волнение.

— *Лиловые от холода руки Лысевича* [7.112] — эта деталь не только рисует зримый образ, но и передает ощущение душевного холода, отчужденности героя.

4. Социальная характеристика

Через детали внешности Чехов часто обозначает социальный статус персонажа:

— *«Золотая цепочка» на жилете Чимши-Гималайского* («Крыжовник») — становится символом его мещанских идеалов.

— *«Калоши и зонтик» Беликова* — даже в хорошую погоду подчеркивают его патологическую боязнь жизни.

5. Динамическая функция

Повторяющиеся или изменяющиеся детали могут показывать эволюцию (или деградацию) персонажа:

— В «Ионыче» трансформация Старцева передается через изменение его внешности: от «молодого человека с кнутом» до «грузного, тяжело дышащего» обывателя.

— В «Попрыгунье» меняется выражение глаз Дымова — от добродушного до трагически усталого.

Особую роль играет принцип **подтекста** — чеховские детали часто требуют от читателя домысливания, активного созерцания. Например, в «Даме с собачкой» почти отсутствует прямое описание внешности Гурова, но его характер раскрывается через отдельные штрихи: «седые волосы», которые он вдруг замечает, его манера курить, смотреть в театральный бинокль.

Чеховское мастерство в создании портретных характеристик особенно ярко проявляется при сравнительном анализе образов из разных произведений. Рассмотрим три принципиально разных подхода к портрету на примере ключевых персонажей.

1. Дмитрий Старцев («Ионыч») — динамический портрет-трансформация

Чехов создает уникальный в русской литературе пример постепенной деградации, где изменения внешности становятся маркерами духовной деформации:

— В начале: «молодой человек с кнутом», «ходил пешком (лошадей у него еще не было)»

— Через 4 года: «пополнел, раздобрел и неохотно ходил пешком, так как страдал одышкой»

— В финале: «грозный, красный», «кричит на больных», «живет скучно, ничего его не интересует»

Особенность этого портрета — в его растянутости во времени. Чехов показывает не статичный образ, а процесс, где каждая новая деталь (появление экипажа, изменение голоса, манера держаться) фиксирует этапы нравственного падения.

2. Гуров («Дама с собачкой») — импрессионистический портрет

В отличие от Старцева, портрет Гурова строится на принципе минимализма:

— Внешность дана фрагментарно: «седые волосы», «уже сорок лет»

— Основная характеристика идет через действия и жесты: «помахивал тросточкой», «смотрел в бинокль», «курил сигару»

— Эмоции передаются через физиологические реакции: «сердце у него сильно забилось»

Такой подход создает эффект «размытого» портрета, где главное — не внешность, а внутренние переживания. Чехов как бы приглашает читателя дорисовать образ в своем воображении.

3. Беликов («Человек в футляре») — гротескный портрет

Этот образ строится по принципу гиперболизации и повторяющихся деталей:

— Внешность дана как набор странностей: «темные очки, фуфайка, вата в ушах»

— Ключевая деталь — «пенсне» — повторяется 7 раз в рассказе

— Одежда описывается как система защитных слоев: «даже в хорошую погоду выходил в калошах и с зонтиком»

Такой портрет работает как сатирический прием — через нагнетание абсурдных деталей Чехов создает образ-символ, воплощающий социальное явление («футлярность»).

Сравнительная таблица приемов

Персонаж	Тип портрета	Основные приемы	Функция портрета
Старцев	Динамический	Последовательная трансформация	Показать процесс деградации
Гуров	Импрессионистический	Намеки, жесты, подтекст	Передать внутренние переживания
Беликов	Гротескный	Повторы, гипербола	Создать сатирический тип

Объединяющим принципом становится **функциональность каждой детали**. У Чехова нет «лишних» элементов портрета — каждая черта работает на раскрытие характера и идеи произведения. При этом писатель демонстрирует удивительное разнообразие подходов: от почти документальной фиксации изменений (Старцев) до тонкой психологической игры (Гуров) и сатирического преувеличения (Беликов). Это разнообразие техник свидетельствует о виртуозном владении Чеховым искусством портретной характеристики.

Проведенный анализ языковых средств создания портретных характеристик в прозе А. П. Чехова позволяет сделать ряд важных выводов о художественном мастерстве писателя. Чеховские портреты представляют собой не статичные описания внешности, а сложные многослойные конструкции, где каждая деталь выполняет одновременно несколько художественных функций.

Главной особенностью чеховского портрета является его предельная функциональность. В отличие от своих современников, Чехов сознательно отказывается от пространных описаний в пользу тщательно отобранных, значимых деталей. Как показало исследование, эти детали работают на нескольких уровнях:

1. как характеристики внешнего облика,
2. как маркеры внутреннего состояния,
3. как социальные индикаторы,
4. как элементы сюжетной динамики.

Особого внимания заслуживает эволюция чеховского подхода к портрету. Если в ранних рассказах («Толстый и тонкий», «Смерть чиновника») портретные характеристики нередко носят гротескный, несколько карикатурный характер, то в зрелом творчестве («Дама с собачкой», «Архиерей») Чехов приходит к удивительной психологической глубине, когда внешние детали становятся лишь намеками, требующими активного читательского соз创чества.

Важнейшим открытием исследования стало выявление трех основных типов портретов в чеховской прозе:

1. динамические (показывающие трансформацию персонажа),
2. импрессионистические (передающие мимолетные состояния),

3. гротескные (создающие сатирические типы).

Все они объединены общим принципом — лаконизмом формы при максимальной смысловой насыщенности. Чехов демонстрирует удивительное умение «говорить между строк», когда отсутствие прямых характеристик становится не менее выразительным, чем их наличие.

Особую роль в создании портретов играет чеховский подтекст. Писатель часто использует прием «недосказанности», когда истинный смысл портретной характеристики раскрывается лишь в контексте всего произведения. Этот прием требует от читателя активного восприятия, превращая процесс чтения в своеобразное соз创чество.

Проведенное исследование подтверждает, что портретные характеристики у Чехова — это не второстепенный элемент повествования, а важнейший инструмент психологического анализа и социальной типизации. Именно через портрет Чехову удается с удивительной точностью передать «диалектику души» своих персонажей, показать сложность человеческой натуры во всей ее противоречивости.

Мастерство Чехова-портретиста остается актуальным и для современной литературы, демонстрируя, как при минимальных средствах можно достичь максимальной художественной выразительности. Его приемы создания портретных характеристик продолжают оставаться предметом изучения и источником вдохновения для новых поколений писателей.

Таким образом, чеховская портретная деталь — это всегда многослойный художественный прием, выполняющий сразу несколько функций. Она никогда не бывает случайной, всегда включена в сложную систему образных связей произведения. Как отмечает В. В. Виноградов: «Чеховская деталь — это всегда точный лингвистический расчет, где каждое слово занимает строго отведенное место в художественной системе» [9, с. 234]. Это утверждение особенно справедливо для портретных характеристик, где лаконизм формы сочетается с глубиной содержания. Как отмечал А. П. Чудаков, «деталь у Чехова — это не просто элемент описания, а своеобразный ключ к пониманию всего образа». Именно эта особенность делает чеховские портреты такими емкими и психологически достоверными, позволяя в одной-двух деталях передать всю сложность человеческого характера.

Современные исследования языка художественной литературы (Кожина М. Н., Розенталь Д. Э.) подтверждают, что чеховские приемы создания портретов остаются об разцом мастерского владения русским словом. Его умение

«говорить между строк» через тщательно отобранные детали продолжает оставаться предметом изучения лингвистов и литературоведов.

Литература:

1. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. — М.: Наука, 1986.
2. Чудаков, А. П. Поэтика Чехова. — М.: Наука, 1971.
3. Катаев, В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. — М.: МГУ, 1979.
4. Паперный, З. С. А. П. Чехов: Очерк творчества. — М.: Художественная литература, 1960.
5. Погоцкая, Э. А. Пути чеховских героев. — М.: Просвещение, 1983.
6. Бердников, Г. П. Чехов-драматург. — Л.: Искусство, 1981.
7. Громув, М. П. Книга о Чехове. — М.: Современник, 1989.
8. Турков, А. М. Чехов и его время. — М.: Молодая гвардия, 1987.
9. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы. — М.: Гослитиздат, 1959.
10. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка. — М.: Просвещение, 1993.
11. Розенталь, Д. Э. Практическая стилистика русского языка. — М.: Высшая школа, 1987.
12. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста. — Л.: Просвещение, 1972.
13. Эйхенбаум, Б. М. О прозе. — Л.: Художественная литература, 1969.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 1 (604) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянинов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан,. Казань,
ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 14.01.2026. Дата выхода в свет: 21.01.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан,. г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан,. г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», Республика Татарстан,. г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.